ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

АПРѢЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ IV.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1863.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 7, 13, 19 Іюня 1863 года.
Цензоръ Малишевскій.

I.

—

№ 28-й

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Грамота слуцкой княжны Екатерины Юрьевой Юрьевичевой Олельковичевой, о назначеніи іерея Гавріила Мировскаго приходскимъ священникомъ въ слуцкую церковь св. Іоанна Крестителя. 1581 г. апрѣля 13.

Катерына з Ѣенчына юрьевая юрьевича олелковичовая княжна слуцъкая Протопопе слуцкому отцу омеляну феофилактътовичу ознаимуем вамъ ижъ есьмо церков слуцкую нановомъ месте заложеня светого Иоанна крестителя которая посмерти священника тамошнего ваковала дали есьмо куcправованю вней службы божое богомольцу нашому отцу гаврылу мировскому сдворомъ поповскимъ скгрунты церковными зпарафеею здоходами изовсеми пожитками водлуг наданя тое церкви якося всобе мает Так розказуем абысте ему тую церков совсимъ тымъ што принеи ест подали исписавши достатечне реестр подпечатю изподписом руки своее ему далъ адругии такииже под печатю изподписом руки его взявши до скарбу нашого отдал конечно дан вслуцку лета отнароженя сына божего тисеча пятсот восемъдесят перваго месеца апреля дня трынадцатого Печать кнгни (*Изъ книгъ монастырскихъ*).

№ 29-й

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БѢЛОРУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Жалованная подтвердительная грамота короля Александра полотскому епископу Лукѣ, (¹) на архіерейскую отчину, отчужденную полотскими боярами и софійскими крылошанами. 1503 г. Декабря 26.

Самъ Александръ, Божьею милостію король Польскій и великій князь Литовскій, чинимъ знаменито симъ нашимъ листомъ, хто на него посмотритъ, убо чтучи его вслышитъ, нынѣшнимъ и па потомъ будучимъ, кому будетъ потреба того вѣдати. Билъ намъ чоломъ владыка Полоцкій и Витебскій *Лука* о томъ, што перво сего бояре Полоцкіи мовили намъ о люди его церковные, на имя о Долчанѣ и о Путилковцевъ и о Весничанѣ ижъбы тые люди были не подъ влодычнымъ послушенствомъ, але бы служили церкви Светое Софѣи, и крылошаномъ Софѣйскимъ дань даивали и подъ ихъ присудомъ жили; и мы, на бояръ Полоцкихъ повѣданье вынемши зъ рукъ влодычниныхъ тые люди, дали есмо въ опеку боярамъ Полоцкимъ. А потомъ влодыка билъ намъ чоломъ и повѣдилъ передо нами, штожъ то люди его церковные звѣчные: и мы казали

(¹) Епископъ Лука управлялъ полотскою епархіею съ 1488 года до конца 1503 г. Много сохранилось грамотъ короля Александра, данныхъ сему епископу. Изъ нихъ болѣе примѣчательна 1503 г. г., съ приложеніемъ Ярославова свитка, которымъ король повелѣваетъ епископу пользоваться въ управленіи епархіею.

пану Юрью Пацовичу, какъ отъ насъ Полтескъ дерьжалъ того ся довѣдати, естли то владычины люди будутъ были; и, довѣдовшися того, велели есмо ему влодыку въ тыи люды увязати. И панъ Юрій Пацовичъ старины ея довѣдовши, штожъ тыи люди церковные звѣчные влодычины, а подъ присудомъ предковъ его первыхъ влодыкъ Полоцкихъ бывали, а на пригонъ на влодычинъ дворъ хоживали, за первыхъ влодыкъ Полоцкихъ, за *Калиста* ([1]) и за *Семіона* ([2]) старога, и за другого *Семіона*, ([3]) и за *Іону*, ([4]) и подалъ тыи люди влодыцѣ полоцкому Луцѣ. И потомъ, въ другій разъ, бояре и мѣщане Полоцкіи стояли передъ нами очевисто зъ владыкою и повѣдили намъ, штожъ бы тыи люди таки не подъ влодычнымъ присудомъ были, и въ пригонъ николи не хоживали; и мы, подлѣ ихъ рѣчей, въ тыи люди влодыцѣ не казали вступатися, и на то есмо имъ нашъ листъ судовый дали были. Ино о томъ въ третій разъ билъ намъ чоломъ влодыка Полоцкій Лука и повѣдилъ передъ нами, што то люди з вѣковъ влодычины, а не крылошаньскія, и подъ присудомъ влодычнымъ были, и въ пригонъ николи не хоживали, а крылошаномъ Светое Софѣи ([5]) только дань даивали, а влодыцѣ особную дань даютъ. И мы казали довѣдатися старины маршалку нашому, намѣстнику

([1]) Епископъ Каллистъ I, изъ полотскихъ архимандритовъ, сперва петровскаго а потомъ борисоглѣбского монастырей, посвященный въ санъ епископа Московскимъ митрополитомъ Іоною, правилъ полотскою епархіею только одинъ годъ, съ 1458 по 59.

([2]) Сумеонъ II, прозванный Старымъ, былъ полотскимъ епископомъ около 1456 г.

([3]) Сумеонъ III, прозванный другимъ, сколько управлялъ полотскою епархіею,—неизвѣстно, но въ послѣдствіи былъ кіевскимъ митрополитомъ, въ которомъ санѣ скончался въ 1488 году.

([4]) Іона Глѣзна, предшественникъ Луки, правилъ полотскою епархіею по 1488 годъ, въ которомъ хиротонисованъ въ санъ кіевскаго митрополита отъ константинопольскаго патріарха Максима. Онъ пользовался особенною милостію короля Казиміра, который желалъ его видѣть при кончинѣ своей въ Гроднѣ 1492 г.

([5]) Святое Софіи, Св. Премудрости Божіей; это полотскій

полоцкому Пану Станиславу Глѣбовичу и онъ, довѣдовшися старины, достатечнѣй намъ то ознаймилъ, штожъ то люди влодычины звѣчные; и надъ то еще, покладалъ передъ нами листъ судовый пана Олехновъ Судимонтовича, штожъ панъ Олехно судилъ тыхъ людей его церьковныхъ Долчинъ з нашими людми з Судиловцы о подводы, въ тотъ часъ какъ отъ от-

---

градской Соборъ на Верхнемъ Замкѣ. Онъ здѣсь основанъ при Изяславѣ Владиміровичѣ, еще въ началѣ христіянства въ Руси. Княжна полотская Препод. Ефросинія, ушедши изъ родительскаго, княжескаго терема, долгое время пребывала въ иноческихъ подвигахъ, въ устроенной при семъ Соборѣ келліи, называемой **Голубецъ**, пока не постриглась въ инокини и не перешла въ свой собственный, построенный ея иждивеніемъ спасскій монастырь, въ которомъ была и игуменьею. Неизвѣстно, былъ ли первоначально соборъ сей каменный или деревянный; но вначалѣ 15 столѣтія, вѣроятно, пришелъ было въ ветхость, ибо въ 1222 году, полотскій князь Борисъ Генвиловичъ построилъ на томъ-же самомъ мѣстѣ новый, каменный, существовавшій до 18 столѣтія. По завоеваніи Полотска Баторіемъ, всѣ православные монастыри и церкви, со всѣми принадлежавшими имъ угодьями и имѣніями, переданы были симъ королемъ во владѣніе вновь учрежденнаго здѣсь Іезуитскаго Коллегіума; только одинъ софійскій соборъ оставленъ былъ для православныхъ. Но въ послѣдствіи полотскій Архіепископъ Гермогенъ Загорскій самъ принялъ унію и соборъ сей, всегда бывшій каѳедральнымъ соборомъ полотскихъ епископовъ, обратилъ въ уніятскую церковь, Іосафатъ возобновилъ оный, но чтобъ лишить его византійскаго стиля, велѣлъ снять пять главъ, служившихъ ему украшеніемъ. Въ половинѣ 18 столѣтія, б. уніятскій митрополитъ, полотскій архіепископъ Флоріанъ Гребницкій, на томъ же мѣстѣ построилъ новый, нынѣ существующій, хотя въ латинскомъ стилѣ и алтаремъ на западъ, но поражающій зрителя величіемъ и изяществомъ архитектуры. Недавно Софійскій Соборъ возобновленъ и освященъ по обряду православной церкви 28 Октября 1851 г., нынѣшнимъ архіепископомъ, высокопреосвященнымъ Василіемъ.

ца нашего короля его милости Полтескъ державъ, а въ томъ листу пана Олехновѣ стоитъ, штожъ то з вѣковъ люди влодычны, и тежъ то свѣтчилъ бояринъ полоцкий Сенько Епимахъ, ижъ то люди церковные. звѣчныи влодычины, и подъ присудомъ влодычинымъ бывали зо первыхъ влодыкъ полоцкихъ, и въ пригонъ на дворъ влодычинъ хоживали, и въ послушенствѣ и подъ присудомъ влодычинымъ бывали, а крылошаномъ Светоѣ Софѣи только дань врочную даютъ, а влодыцѣ особую дань даютъ. И довѣдавшися есмо певное старины черезъ маршалка нашого, намѣстника полоцкаго пана Станислва Глѣбовича и подле листу пана Олехнова Судимонтовича, и тежъ подлугъ свѣдетства боярина полоцкаго Сенька Епимахова, тыхъ людей церковьныхъ, Долчанъ и Путилковцевъ и Весничанъ, зъ рукъ бояръ и мѣщанъ Полоцкихъ тымъ то листомъ нашимъ выняли есмо и дали зася влодыцѣ Полоцкому и Витебскому Луцѣ и инымъ по немъ будучимъ влодыкамъ Полоцкимъ. вѣчно и непорушно: нехай тыи люди, Долчане, и Путилковцы и Весничане, влодыцѣ служать, и подъ его послушенствомъ и присудомъ живуть, и въ пригонъ ходять, потому какъ и за предковъ его, первыхъ влодыкъ Полоцкихъ, подъ послушенствомъ и присудомъ влодычнымъ жили и на дворъ влодычинъ на пригонъ хоживали. А што есмо перьво сего бояромъ и мѣщаномъ Полоцкимъ листы судовыи и иныи листы на то подавали, ижъбы ся они тыми людми опекали, съ тыхъ листовъ моцъ ввыймуемъ: вжо бояромъ и мѣщаномъ болши того в тыи люди тыми листы не надобѣ вступатися. А натвердость, того и печать нашу казалисмы привесити къ сему нашому листу. Писанъ у Вильни, в лѣто 7011, мѣсяца Декабря въ 26 день, индикта 7.—Притомъ были: Маршалокъ, намѣстникъ Полоцкій (¹) панъ Станиславъ Глѣбовичъ; охмистръ (²) королевое, намѣстникъ Ковенскій панъ Войтехъ Яновичъ.

Олександръ король. (М, П.)

(¹) Со времень короля Казиміра Ягелловича, Полотскомъ управляли уже не удѣльные князья, но королевскіе намѣстники, а со времень Александра—воеводы.

(²) Охмистръ,—съ нѣмецкаго гофмейстеръ, придворный маршалъ.

№ 30-й

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ГОНЕНІЯ ПРАВОСЛАВНЫХЪ ПОЛЯКАМИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Актъ или запись конфедераціи, заключенной въ Вильнѣ, въ 1599 г., дворянствомъ юго-западной и западной Россіи православнаго и протестантскаго исповѣданій для взаимной защиты отъ несносныхъ гоненій, которымъ подвергались эти исповѣданія со стороны папистовъ. (1)

Мы Радцы (*Совѣтники*), Чиновники, Урядники, Рыцари и прочіе обыватели Королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго и Областей къ нимъ принадлежащихъ, какъ Греческаго, принятаго отъ Восточной Церкви и признающаго надъ собою власть Восточныхъ Патріарховъ, такъ и Евангелическаго, согласіемъ Сендомирскимъ въ 1570 году во едино совокупленнаго, послѣдователи, вѣрующіе въ Господа Бога, въ Святѣй Троицѣ единаго, и общее согласіе повиновенія Слову

(1) Интересный этотъ актъ, хотя и напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ „Описаніи Кіево—Софійскаго Собора“, но какъ эта книга составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, слѣдовательно доступна только весьма немногимъ изъ читающей публики, то мы нашли нужнымъ перепечатать его въ нашемъ журналѣ и такимъ образомъ познакомить съ этимъ документомъ многочисленныхъ читателей Вѣстника. Этотъ актъ составляетъ одинъ изъ многочисленныхъ историческихъ документовъ, служащихъ неотразимымъ опроверже-

Божію между собою сохраняющіе и признающіе Христа Господа единою, истинною Главою и Пастыремъ Церкви и собратій нашихъ, тщательно соблюдая фундуши, права и преимущества, данныя людямъ греческаго исповѣданія, также генеральный союзъ между диссидентами (*несогласными въ вѣрѣ съ католиками*) 1573 года 28 Генваря во время междуцарствія Совѣтниками духовными и свѣтскими и прочими состояніями Республики и городами учиненный, утвержденный обязательствомъ присяги, довѣрія, чести и совѣсти, и въ присягахъ и въ подтвержденіяхъ правъ Польскими Королями и Великими Князьями Литовскими, государями нашими, дѣланныхъ, а наконецъ въ конституціяхъ сеймовыхъ частыми напоминаніями рѣшительно удостовѣренный,—симъ союзомъ обязываемся, сохранять миръ между собою и предупреждать, чтобы за различіе въ вѣрѣ и отличія въ церкви и въ подчиненіи кровь жителей сихъ областей не была проливаема, и никто конфискаціею

ніемъ навязываемой полякамъ нашими неразумными полонофилами толеранціи относительно иновѣрцевъ въ бывшей Польшѣ, слѣдовательно и опроверженіемъ явного обмана нынѣшнихъ коноводовъ польскаго мятежа, съ какимъ они, въ своихъ подпольныхъ прокламаціяхъ къ русскимъ обитателямъ западной Россіи, стараются увѣрить всѣхъ, будто бы въ бывшей Польшѣ была *полная свобода* вѣроисповѣданій. Хороша свобода, когда иновѣрнымъ подданнымъ ея нужно было составлять конфедераціи для взаимной защиты противъ гоненій за вѣру! Изъ акта этого мы видимъ также, что въ началѣ брестской уніи многіе знатные западо и южно русскіе дворяне еще неополячились и были ревностными послѣдователями господствовавшей тогда въ бывшемъ Русско-литовскомъ государствѣ православной вѣры, но нынѣшніе потомки которыхъ до того забыли свое русское происхожденіе и вѣру своихъ предковъ, что почти всѣ съ фанатическимъ ожесточеніемъ сражаются съ русскими въ рядахъ польскихъ мятежниковъ, поднявшихъ знамя бунта для возстановленія въ предѣлахъ древняго своего русскаго отечества, такъ долго угнѣтавшей его Польши и для торжества фанастическаго папства надъ незлобивымъ православіемъ. О верхъ ослѣпленія и невѣжества! *Ред.*

имѣній, лишеніемъ чести, узами и изгнаніемъ не былъ наказываемъ, и никакому начальству и правительству въ такихъ поступкахъ не пособлять, а напротивъ хотябы кто подъ видомъ какого нибудь декрета, или подъ предлогомъ какого суднаго приговора захотѣлъ сіе дѣлать, то намъ сего недопускать. Сею же конфедераціею особенно постановили мы наблюдать и то, чтобы при пожалованіи его королевскаго величества бенефицій греческихъ церквей даваны оныя были людямъ той же греческой вѣры. Мы видимъ притомъ, что вопреки сей конфедераціи, вопреки привиллегіямъ и грамматамъ, которыми свобода богослуженія обезпечена, и вопреки тому обычаю, который Его Величество Король, нынѣшній нашъ повелитель, при вступленіи на престолъ свой застать здѣсь изволилъ, много намъ утѣсненій, отягощеній и насилій время отъ времени больше наносимыхъ отъ различныхъ лицъ, а наипаче отъ духовнаго чина и отъ нѣкоторыхъ свѣтскихъ людей римского исповѣданія, и часто бываетъ, что почти ни одного угла въ обширномъ семъ государствѣ и ни одного человѣка всякого званія нѣтъ безопаснаго отъ нихъ: но мы всѣ, различно и по различнымъ причинамъ, такія привязки и угнетенія терпимъ, что уже свободою, принадлежащею отчичамъ и сынамъ сей республики, ни честною жизнію, ни безопасностію здравія, имѣнія и достатковъ своихъ, прямо похвалиться не можемъ. Уже по большей части наши церкви, монастыри, храмы, соборы, иныя постыднымъ разграбленіемъ, великимъ мучительствомъ, пролитіемъ крови, человѣкоубійствомъ и неслыханнымъ поруганіемъ не только надъ живыми, но и надъ мертвыми, завладѣны, разорены и опустошены; другія подъ предлогомъ декретовъ, неправедно издаваемыхъ римскимъ духовенствомъ, которое само и судитъ и предписываетъ и исполняетъ дѣла, по удаленіи насъ отъ собственности и отъ распоряженія оною, отняли, а иныя, вопреки конфедерацій, препровождая на экзекуцію къ старостамъ, усиливаются впредъ отнять. Подъ предлогомъ сей екзекуціи, уже на нѣкоторыя изъ нихъ кровопролитныя нападенія и наѣзды были производимы. Уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовали запрещенія свободныхъ собраній на богомолье, богослуженіе, погребеніе и другіе христіанскіе обряды, и строенія церквей и кирокъ. Уже духовные наши пресвитеры, священники, пасторы и проповѣдники, за твердость въ своемъ

исповѣданіи различно преслѣдуются, въ собственныхъ домахъ терпятъ нападенія, грабежи, поругаемы, разнымъ безчестіемъ уничижаемы, изгоняемы, ссылаемы, отдаляемы отъ маетностей и имѣній своихъ, которыя какъ бы выморочныя отдаются по просьбѣ другимъ, и тѣмъ лишаются ихъ наслѣдники. На свободныхъ дорогахъ и въ республиканскихъ городахъ ихъ хватаютъ, заключаютъ въ узы съ разными неслыханными для вящшей муки удрученіями, бьютъ, топятъ и умерщвляютъ: а на мѣста ихъ навязываютъ, приказываютъ и принуждаютъ слушать такихъ пастырей, которыхъ мы почитаемъ за отступниковъ отъ патріарховъ восточныхъ и которымъ, по нашему мнѣнію, бенефиціи, или церковные доходы, не подъ властію римской церкви жалованныя, а отъ раздаванія Его Королевского Величества зависѣвшія, и потому нововведенному латинскому богослуженію не принадлежащія, никоимъ образомъ усвоены быть немогутъ: но такія бенефиціи или церковные доходы, сіи отступники отъ древней верховной власти патріарховъ, вопреки частымъ прошеніямъ, вопреки требованіямъ и протестамъ нашимъ донынѣ удерживаютъ, и вѣрно безъ надежды отдачи оныхъ. Ибо вопреки прежде бывшему обыкновенію, никто уже не обѣщавающійся впредъ имѣть повиновеніе папѣ, доступу къ нимъ получать не можетъ; и поелику по дѣламъ церковнымъ въ отношеніи къ духовенству, людямъ греческаго исповѣданія чѣмъ далѣе тѣмъ больше вопреки древнему обыкновенію воспящается отношеніе къ восточнымъ патріархамъ и нужное для управленія совѣтованіе съ ними; при томъ не довольствуясь гоненіемъ, воздвигаемымъ на мѣста и лица посвященныя богослуженію, они обратились и на свѣтскія лица, особенно на мѣщанство, за различіе въ исповѣданіи, за которое уже надъ нѣкоторыми въ городахъ республики по образу иностранному производятся инквизиціи (*слѣдствія*), удаляютъ ихъ отъ цеховъ, художествъ, промысловъ, купечества и даже отъ житья въ городѣ; не признаютъ ихъ равенства состоянія, недостойными почитаютъ довѣрія въ свидѣтельствахъ, приписываютъ имъ даже беззаконное рожденіе, особливо естьли бракъ благословенъ нашимъ духовенствомъ; время отъ времени чаще отнимаютъ у родителей власть выдавать собственныхъ дочерей въ замужество, а замужнихъ женъ злоумышленно на заключеніе осуждаютъ къ римскому духовенству, и ему же отдаютъ власть

производить судъ о гражданскихъ записяхъ, дѣлаемыхъ со стороны супружествъ, и проч.

Сей пожаръ мало помалу усиливаясь, уже касается и насъ, людей благороднаго состоянія. Хотя мы въ одинакой и равной свободѣ рождены въ сей республикѣ, какъ и люди римского исповѣданія; хотя всѣ тяжести и обязанности на равнѣ съ ними носимъ; хотя чувствуемъ въ себѣ одинакое усердіе служить королевскому величеству и республикѣ и во всемъ честность, вѣрность и подчиненность нашу наблюдаемъ такъ, что, слава Богу, никто изъ нашихъ враговъ не можетъ показать въ нашихъ поступкахъ ничего непристойнаго: не смотря на сіе, чѣмъ далѣе, тѣмъ больше за то одно, что твердо стоимъ въ вѣрѣ своей, хитрыми дѣйствіями римского духовенства и отъ мѣстъ и отъ пропитанія Республиканскаго насъ отлучаютъ; къ сенаторскимъ засѣданіямъ, чинамъ, урядамъ, староствамъ, управительствамъ и другимъ выгоднымъ званіямъ и даже къ услугамъ республикѣ такого доступа, какъ другіе, имѣть мы не можемъ. При всемъ томъ и въ собственныхъ своихъ дѣлахъ и искательствѣ какой нибудь чести и правъ, вмѣсто доброхотства и благосклонности, великія встрѣчаемъ затрудненія и препятствія. А когда жалуемся на оскорбленія и обиды и со слезами испрашиваемъ отъ нихъ справедливости, защиты и помощи, то вмѣсто утѣшенія какого-нибудь, получаемъ насмѣшки и презрѣніе, соединенное часто съ отказомъ даже въ выслушаніи просьбы.—Почему обѣщанного конфедераціи судебнаго процесса, которымъ бы таковыя оскорбленія и наглости по крайней мѣрѣ хотябы на предбудущее время были прекращены, не только не можемъ выпросить, но даже явныя объявленія въ письмахъ римскимъ духовенствомъ написанныхъ, читаемъ, и отъ свѣтскихъ на Сеймикахъ, Сеймахъ и въ другихъ Судахъ каждый разъ чаще слышимъ, что они конфедераціи не только не почитаютъ за право, но даже считаютъ за дѣло противное совѣсти своей хвалить оную и соблюдать. Симъ самимъ уничижаютъ и раздираютъ они тотъ единственный узелъ внутренняго согласія, любви, довѣренности и общаго покоя, который будучи съ уваженіемъ предками нашими и нами сдѣланъ и хранимъ, пріобрѣлъ намъ славу мудрости у иноземцовъ, у насъ примѣръ сему бравшихъ, а насъ, разнообразно оскорбляемыхъ и въ оскорбленіяхъ не находившихъ скорой защиты

до тѣхъ поръ, пока не появлялись таковыя объявленія, какъ-нибудь обезпечивалъ, питая надеждою, что гонители когда-нибудь образумятся. Теперь же такія объявленія, которыя за отказъ можно почитать и которыя усиливаются, производятъ различныя и со дня на день болѣе отъ насъ отпаденія и устороненія, а намъ поруганія, угрозы и уязвленія съ увѣреніемъ, что чрезъ нѣсколько лѣтъ вѣроисповѣданіе наше уничтожится. Даже въ церковныхъ проповѣдяхъ оказываются сильныя выклички и возбужденія на насъ народа съ показаніемъ удобности истребить насъ и съ обѣщаніемъ за то благословеній и наградъ. Притомъ мы взираемъ на ихъ заключаемые между собою союзы и на новоучреждаемыя братства и другія возмущенія и на всеобщую потачку къ симъ оскорбленіямъ насъ, а иногда и на вмѣшивающееся въ нихъ правительство, судопроизводство и Начальство, должны вмѣсто облегченія опасаться большаго притѣсненія и, сохрани Боже, явнаго и свирѣпаго нападенія, какое въ другихъ королевствахъ произведено тѣми же средствами, которыя у себя во всѣ Начальства вкрадывающіяся видимъ. Почему намъ нужно и даже необходимо о себѣ и своей безопасности промышлять; и хотя сіе бѣдствіе насъ теперь еще не постигало, но впредъ надобно отвращать, и тѣмъ тщательнѣе и осторожнѣе, что въ сей осмотрительности не только частное наше, но и всеобщее благо и паче сказать, не только цѣлость правъ и свободъ общихъ Пактами (*договорами*) и присягами утвержденныхъ, не только безопасность и благоденствіе Республики, но и соблюденіе и умноженіе хвалы Божіей заключается. На сіе то наиболѣе взирая мы, Греческаго и Евангелическаго исповѣданія люди, утверждаясь на основаніи положенномъ единожды Республикою, и доселѣ нами свято хранимомъ, не взирая на другихъ пренебрегающихъ опое, то есть, утверждаясь на преждеупомянутой Генеральной Варшавской Конфедераціи, въ силу которой мы и къ людямъ Римскаго исповѣданія, которые въ мирѣ и согласіи по сему обязательству съ нами жить желаютъ (и мы не сомнѣваемся, что такихъ много), любовь, доброе расположеніе и все возможныя братскія обязанности сохранять желаемъ, и притомъ придерживаясь протестаціи, дѣланныхъ на поступки и опредѣленія противныя опредѣленіямъ Конфедераціи, желая противиться замысламъ тѣхъ, которые сію Конфедерацію нагло отвер-

гаютъ и впредъ нарушать хотятъ, а безопасность свою отъ наглостей и утѣсненій оградить, сею Записью обязываемся и обязательствами, въ Генеральной Конфедераціи описанными, всѣ вообще и каждая сторона и каждое лице особо, за насъ и за потомковъ нашихъ, истинно, искренно предъ Господомъ Богомъ всемогущимъ, который никогда не бываетъ поруганъ, обѣщаемся и присягаемъ, что охраняя сію Конфедерацію и съ тѣмъ вмѣстѣ Христіанское ученіе и свободное исправленіе благочестія по силѣ Конфедераціи, не хотимъ допускать съ помощію Божіею ни насиліемъ, ни законными предлогами отнимать у себя сихъ правъ; а будемъ церкви, соборы, кирки въ нашей власти находящіяся и владѣніе оными неуступчиво охранять и защищать и всѣ мѣста, а наипаче лица на Богослуженіе опредѣленныя и яко порученныя подъ защиту заключенной Конфедераціи (да поможетъ намъ въ томъ Господь) въ постоянномъ нашемъ защищеніи содержать; а о томъ, чтобы прошедшія оскорбленія были умягчены, наглости наказаніемъ укрощены, и впредъ были бы удержаны, на Сеймикахъ, Сеймахъ и въ другихъ Народныхъ Управахъ у пановъ Республики, а особливо у его королевского величества, въ милостивомъ расположеніи коего и сострадательномъ на обиды наши воззрѣніи не сомнѣваемся, прилѣжно, ревностно и совокупно стараться, и на сей конецъ между собою не будемъ дѣлать никакого упущенія и уклоненія за различіе въ Богослуженіи и отправленіи обычныхъ обрядовъ въ церквахъ и соборахъ. Напротивъ того другъ друга, и именно Грекъ другихъ грековъ и Евангеликовъ, и Евангеликъ другихъ Евангеликовъ и Грековъ и кого-нибудь изъ нихъ обиды, уроны, оскорбленія и отягощенія или за Вѣру, или въ отношеніи Вѣры, дружелюбно отвращать; и для того по извѣщеніи о семъ къ совѣщаніямъ и сговорамъ являться не замедлимъ. Также, еслибы (чего не допусти Боже) отступники отъ своей присяги и отъ Конфедераціи не перемѣнили своего умысла и небратскаго предпріятія и захотѣли сдѣлать намъ ниже-подписавшимся какое насиліе и оскорбленіе какъ въ исповѣданіи Греческомъ, такъ и Евангелическмъ, возставая на насъ какимъ-нибудь спососпособомъ и воспящая намъ въ нашемъ Богослуженіи, или оскорбительно поступая съ лицами и мѣстами посвященными Богослуженію какой-либо Религіи, или налагая на насъ насильственныя руки, поднятыя злобнымъ противу насъ умысломъ,

или измѣнить учрежденія обычныя нашимъ исповѣданіямъ и оныя уменьшить, или же совершенно уничтожить; также если бы кто принадлежности, вклады, сокровища, вносы, сборы, имѣнія движимыя и недвижимыя, суммы, словомъ сказать, какое-нибудь соборнее и церковное имѣніе насиліемъ или какимъ-нибудь судовымъ предлогомъ отнимать захотѣлъ; а наипаче, естьлибы кому изъ насъ, или изъ нашихъ за религію началось насиліе, а особливо, еслибы подъ предлогомъ какого приговора, Конфедераціи противнаго, въ какомъ-нибудь мѣстѣ приступать начали къ какой-нибудь экзекуціи (*исполненію*); въ такихъ случаяхъ безъ всякой отговорки (ибо никакая нужда не можетъ быть больше и неотрицательнѣе той, которая касается прославленія Бога и его Церкви и Конфедерованной братіи) какъ всѣ вмѣстѣ, такъ каждая изъ насъ часть и даже каждое лице порознь, получивши о семъ извѣстіе, должны къ тому мѣсту, гдѣ намѣреваются, или уже дѣлаютъ насиліе, въ самое время исполненія, какъ для погашенія общественнаго пожара стекаться, а въ случаѣ невозможности личнаго присутствія, по крайней мѣрѣ чрезъ посыльныхъ вмѣсто себя пособіе подавать утѣсненнымъ и въ опасности находящимся заступленіе и защиту оказывать: Такимъ образомъ мы будемъ стараться не на словахъ токмо, но на самомъ дѣлѣ въ Вѣрѣ, спокойствіи и совѣсти свободу благочестія и лицъ и безопасность мѣстъ Богослуженію посвященныхъ и цѣлость церковныхъ соборныхъ имуществъ, не смотря ни на какія трудности и опасности, не жалѣя трудовъ и иждивенія, по всей возможности и умѣнью охранять. Посему для удобнѣйшаго между собою сношенія, для извѣщенія о насиліяхъ и времени экзекуцій и о съѣздахъ, требующихъ нашего присутствія, нынѣ же назначили и избрали мы изъ себя генеральныхъ провизоровъ или попечителей церкви и христіянскихъ нашихъ Соборовъ, а именно изъ людей греческаго исповѣданія избраны изъ *сенаторовъ*.

Его Сіятельство, Князь Александръ Острожскій, кіевскій Воевода.

Его Сіятельство, Князь Александръ Острожскій, Воевода Волынскій; Князь Ѳеодоръ *Сангушко*-Коширскій, Каштеллянъ Браславскій.

изъ Рыцарей:

Князья Адамъ и Михаилъ Вишневецкіе, князь Іоакимъ Корецкій, князь Георгій Горскій, князья Богданъ и Іоаннъ Солмерецкіе; панъ Іоаннъ Тризна, паны Андрей и Александръ Загоровскіе, панъ Яковъ Лобанскій, панъ Стефанъ Ложка, Маршалъ Мозырскій; панъ Литинскій; князь Георгій Пузина.

Изъ особъ исповѣданія Евангелическаго нами избраны *Сенаторы* королевства Польского и великаго Княжества Литовскаго.

Сіятельный князь Криштофъ Радзивилъ, Воевода Виленскій, ясневельможные паны Андрей Лещинскій изъ Лешна, Бретскаго Куявскаго; панъ Іоаннъ Абрамовичъ Смоленскій, панъ Криштофъ Зѣновичь Берестинскій, панъ Фабіянъ Церна Мальборскій.

изъ Воеводъ:

Вельможные паны Іоаннъ Розражевскій-Познанскій, Іоаннъ Зборевскій-Гнезненскій, Николай Марушевичь-Жмудскій, Георгій Чаплицъ-Кіевскій, Георгій Корсакъ-Полоцкій, Іоаннъ Зиневичь-Витебскій, Петръ Дорогостайскій-Минскій, Петръ Нишвецкій-Бельскій, Андрей Фирлей-Радомскій, Андрей Менчинскій-Велюнскій, Іоаннъ Дрогоіоцкій-Саноцкій, Андрей Уровецкій-Хельмскій, Іоаннъ Рушковскій-Бремецкій-Перемысльскій, Адамъ Балинскій-Бидговскій.

Каштелляны:

Панъ Криштофъ Монвидъ на Дорогостаяхъ, Маршалъ Верховный великаго княжества Литовскаго.

Еще изъ *Рыцарства* Короны Польской и Воеводствъ, которые засѣдаютъ въ Любельскомъ Трибруналѣ, ихъ Вельможности.

Панъ Андрей Шафранцъ, Староста Зелявскій, Андрей Рей, Мартинъ Крежъ, Каспаръ Кемпскій, Валеріанъ Колекъ, Криштофъ Павловскій, Сигисмундъ Палежевскій, Іеронимъ Чижевскій изъ Чижова; Гнѣвашъ; Петръ Голеховскій, Станиславъ Стадницкій на Ланцухѣ, Іоаннъ Балъ, Мартинъ Хржостовскій,

Самуилъ Троицкій, Іоаннъ Фредръ изъ Краковца, Георгій Станъ, Өеодоръ Чаплицъ, Судія Земскій-Луцкій; Ваплавъ Нарушевичь; Іоаннъ Полоцкій, Староста Каменецкій; Яковъ и Криштофъ Сѣницкіе, Воеводы Подольскіе; Андрей речицкій, Подкоморій Любельскій; Криштофъ Рей, Стольникъ Любельскій; Іоаннъ, Петръ и Адамъ Горайскіе; Антонъ Липскій, Подкоморій Бельскій; Николай Остророгъ; Ягодинскій, Судья Земскій, Подкоморій Раклавскій.

Притомъ изъ тѣхъ коронныхъ *Воеводъ*, которые засѣдаютъ въ Трибуналѣ Петроковскомъ.

Ихъ Вельможности: паны Георгій Ляталскій, Вацлавъ Лещинскій, Петръ и Іаковъ Остророги, Андрей Томицкій, Андрей Зарѣмба изъ Калиновой, Андрей Грудзицкій, Войцехъ Виславскій, Станиславъ Погоржельскій, Подсудокъ Земскій Калишскій; Сигизмундъ Грудзянскій, Хризостомъ Маршевскій, Михаилъ Бѣлославскій, Іоаннъ и Мартинъ Броневскіе, Петръ Зихлинскій-Палецкій; Іоаннъ Христофорскій, Стольникъ Сѣрадскій; Лаврентій Видоскій, Лаврентій Нѣмовскій, Андрей Кротовскій, Воеводичь Иновроцлавскій; Мартинъ Нищицкій, Староста Цѣхановскій; Сигисмундъ Нищинскій, Староста Присницкій; Жалинскій, Подкоморій Равскій, Станиславъ Сѣверскій, Староста Острешовскій; Симеонъ Островецкій, Андреянъ Хельмицкій, Войцехъ Дерповскій.

Кромѣ сихъ *изъ Великаго Княжества* Литовскаго.

Вельможные паны: князь Георгій Радзивилъ Воевода Новогродскій; Іоаннъ Глѣбовичъ, Стольникъ Великаго Княжества Литовскаго; Адамъ Тальвошъ, Староста Дунебургскій; Николай Зѣновичь, Подкоморій Ошмянскій; Мельхеръ Пенькевичъ, Виленскій Писарь; Князь Ярославъ Головчинскій; Петръ Стабровскій, Староста Фейданскій; Князь Өеодоръ Друцкій-Горскій; Іоаннъ Өеодоровичъ Поцѣй, Судія Земскій; Іоаннъ Москѣвичъ; Андрей Юндзелъ, Земскій Маршалъ Волкомирскій; Севастіанъ Пакошъ; Павелъ Верещакъ Подстолій Бжрескій; Яковъ Сѣмяшекъ; Романъ Равль; Романъ Василѣвичь Корсакъ; Князь Георгій Соколинскій, Подкоморій Витепскій; Григорій Сапега, Подкоморій Оршанскій; Князь Іоаннъ Друцкій-Горскій; Мелхеръ Шемелъ; Севастіанъ Керштеръ, Жмудскій Земскій Судія; Іоаннъ Головня, Земскій Писарь Волкомирскій; Андрей Станькевичъ,

Староста Минскій; Ярошъ Волчекъ Князь Жижемскій, Староста Ржечицкій; Іоаннъ Юндзелъ.

Къ симъ-то помянутымъ попечителямъ, ко всѣмъ вообще, или къ которому-нибудь изъ нихъ, смотря по близости жительства, всякъ обиженный въ свободѣ вѣроисповѣданія, или въ самомъ исповѣданіи, и требующій совѣта и помощи относиться долженъ. А они всѣ равно, какъ и каждый изъ нихъ въ случаѣ какой-нибудь надобности должны другихъ извѣщать и наипаче стараться о полезномъ и удовлетворительномъ успѣхѣ заведеннаго дѣлопроизводства. А чтобы сіе стараніе о будущихъ впредъ уголовныхъ дѣлахъ могло удобнѣе имѣть свое дѣйствіе, для сего намъ нужными почитаются синоды, и чтобы они были многолюднѣе, мы обѣщаемся подъ вышеупомянутыми обязательствами, что ежели греки назначатъ генеральный синодъ и будутъ созывать на оный, тогда и евангелики на томъ синодѣ или сами лично, или чрезъ своихъ посланниковъ присутствовать должны. А когда и евангелики по давнему обыкновенію открыванія синодовъ составятъ генеральный синодъ и будутъ требовать тогоже отъ грековъ; тогда люди греческаго исповѣданія обязаны на ихъ соборъ или лично прибыть, или пословъ отправлять. И такимъ образомъ совокупно другъ друга тяготы носяще, будемъ съ обѣихъ сторонъ совѣтомъ и помощію себя подкрѣплять, яко сохраняющіи всегда между собою довѣренность по Генеральной Конфедераціи, и яко едино тѣло подъ единою Главою Христомъ Господомъ сей договоръ и союзъ между собою навсегда, никогда не отступая и не оскорбляя взаимно другъ друга ни писаніемъ, ни словами укоризненными, съ Божіею помощію сохранять будемъ.

Сей договоръ подъ обязательствомъ изображеннымъ въ Генеральной Конфедераціи между нами утверждая съ обѣихъ сторонъ особы какъ греческаго, такъ и евангелическаго исповѣданія, своеручно подписали и для большей вѣрности приложили къ оному печати въ Вильнѣ, въ первую среду по пятдесятницѣ 1599 года.

За симъ слѣдуютъ различныя печати и подписи различныхъ Вельможъ, въ Записи упомянутыхъ.

Свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Архивѣ Радзивиловскомъ Кенигсбергскомъ.

Прибавочныя подписи.

Андрей Лещинскій изъ Лешна, Воевода Брестскій Куявскій своеручно; Криштофъ Зеновичь, Воевода Брестскій своеручно; Николай Нарушевичь, Каштеллянъ Полоцкій своеручно; Андрей Фирлей Каштеллянъ Радомскій; Андрей Боржинскій Подкоморжій Любельскій; Криштофъ Рей изъ Нагловича, Стольникъ Любельскій; Станиславъ Могленскій, Подсудокъ Любельскій; Збожній Цвѣрацкій, Хорунжій его Королевскаго Величества; феликсъ Ступскій де Канаръ; Адамъ Горайскій изъ Горая; Георгій Радзивилъ Староста Мозырскій; Іоаннъ Глѣбовичь на Домбровѣ, Староста Великаго Княжества Литовскаго своеручно; Іоаннъ Станькевичь, Староста Минскій; Адамъ Тальвошъ, Староста Динебургскій; Николай Зеновичь, Подкоморій Ошмянскій; Іоаннъ Сицанскій Маршалъ Упильскій; Георгій Соколинскій; Іоаннъ Нелюбовичь, Маршалъ Его Королевкаго Величаства; Петръ Стабровскій, Староста Хвейданскій; Севастіанъ Пакошъ; Александръ Радзиминскій, Стольникъ Земскій Жмудскій; Іоаннъ Юндзидо; Іоаннъ Гладкій; Павелъ Прогульбицкій–Голиковскій, Депутатъ Ошмянскій; Николай Карагонъ, Хорунжій Двора Великаго Княжества Литовскаго; Станиславъ Сисловичь; Криштофъ Вольскій; Николай Волчекъ; Андрей Война; Николай Лукомскій; Іоаннъ Свиковскій; Василій Массальскій; Григорій Сапега, Подкоморій Оршанскій; Сильвестръ Жиземскій; Лаврентій Ловейко, Стольникъ Мозырскій; Валентинъ Дембовскій, Депутатъ изъ Волковиска; Андрей Колонтай; Іоаннъ Сивицкій; Станиславъ Чеховичь; Іоаннъ Жижемскій; Шчесный Богуматка, Гродскій Писарь Виленскій; Андрей Воропай; Станиславъ Скорульскій; Іоаннъ Друцкій Горскій; Іоаннъ Обржинскій; Криштофъ Грандецкій; Григорій Мирскій; Симонъ Воидекъ–Рингайловичъ; Михаилъ Саморокъ; Войцехъ Скиндеръ, Земскій Писарь Лидскій; Николай Война–Ященецкій; Гавріилъ Уплицкій, Гродскій судія Виленскій; Петръ Ровинскій Мижопудъ; Станиславъ Палюцкій; Андрей Волянъ; Іоаннъ Плясковскій-Стольникъ Оршанскій; Мельхеръ Пѣндкевичь; Ѳома Рушборскій, Константинъ Головчинскій, Петръ Котковскій, Іоаннъ Станиславовичь, Николай Мареньkевичь, собственноручно.

II.

ОЧЕРКЪ

дѣйствій папской пропаганды въ древней Руси и безъуспѣшность ея въ покореніи русскихъ славянъ римской церкви.

(*Окончаніе*).

II.

Православная вѣра Христова не уничтожаетъ въ человѣкѣ добрыхъ свойствъ его природы, а только освящаетъ и укрѣпляетъ ихъ; потому и вся предъуготовительная жизнь русскихъ къ принятію православія не прекратилась и по принятіи его, а только получила лучшее, соотвѣтственное своему назначенію, направленіе. Древняя ихъ связь съ греками—своими учителями, обнаружившаяся кротостію патріархальной жизни, окрѣпла въ сыновнее послушаніе старшимъ себя,—въ отношеніи же къ грекамъ,—въ сыновнюю вѣковую зависимость Руси отъ константинопольской каѳедры греческихъ патріарховъ. Славянскій переводъ раскрылъ русскимъ все богатство ихъ собственнаго слова; отдѣленіе же ихъ отъ прочихъ народовъ въ отношеніи политическомъ дало время развиться этому богатству самостоятельно. Отсюда: природная смышленность русскихъ перешла въ отличительное свойство русскаго народа естественное здравомысліе, привязанность къ родинѣ развилось въ безпредѣльную любовь къ царю и отечеству. Испытаніе вѣръ породило въ нихъ изъ прежней предрасположенности къ православной вѣрѣ греческой глубокое убѣжденіе въ истинности его и нелюбовь къ

римско-католическому вѣроисповѣданію, которая, при внѣшнихъ обстоятельствахъ и при усиленномъ дѣйствіи папъ на нихъ, обратилась въ ненависть. Такимъ образомъ вся прежняя жизнь русскихъ перелилась въ духъ православнаго потомства ихъ; а потому и всѣ дальнѣйшія причины безъуспѣшности папскихъ покушеній обратить православную Россію въ римско-католическое вѣроисповѣданіе были слѣдствіемъ непринятія отъ папы вѣры отцами нашими и усиленіемъ давней нерасположенности русскихъ къ папизму. И именно, причины, почему русскіе, по принятіи вѣры отъ грековъ, ни зачто не хотѣли измѣнить православію и покориться папѣ, заключаются: въ духѣ русскаго народа, несогласномъ съ духомъ римско-католическаго вѣроученія,—въ князьяхъ и государяхъ, въ пастыряхъ церкви и внѣшнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Россіи, воспитывающихъ этотъ духъ, и въ самомъ образѣ дѣйствованія папъ на русскихъ, доведшихъ ихъ до ожесточенія противъ папистовъ.

Русскіе издревле отличались отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ и въ умственномъ, и нравственномъ, и религіозномъ отношеніяхъ. Русскій не способенъ ни къ холоднымъ, туманнымъ философствованіямъ германскимъ, ни къ бѣгло-поверхностнымъ умствованіямъ французовъ. Онъ смотритъ на истину прямо и судитъ здраво, ясно и отчетливо. Отъ того способенъ видѣть и малѣйшую примѣсь лжи, какъ бы она запутана и искусно не была привита къ истинѣ. Отъ этого же умъ его всегда покоренъ православной вѣрѣ. Русскіе такъ глубоко, непоколебимо убѣждены въ истинности ея, что не любятъ ни сами между собою, ни съ другими входитъ въ споры о вѣрѣ, дабы, какъ говорятъ они, не показаться, акибы они о своей вѣрѣ сомнѣвалися [1]). Взгляните и въ бытъ житейскій русскаго народа. Въ немъ еще и до сихъ поръ сохраняются достоподражаемыя черты жизни патріархальной. Русскій безпримѣрно, безпредѣльно кротокъ, послушенъ до самой смерти своимъ родителямъ и старшимъ. Отсюда и та вѣковая зависимость и покорность православной матери своей церкви греческой, и та любовь къ отечеству и преданность царю, выше и

[1]) Отвѣтъ новгородцевъ Магнусу. Ист. Р. Ц. Плат. ч. I. стр. 173.

дороже которыхъ нѣтъ ничего для сердца русскаго. Православная вѣра, царь-отецъ и Русь святая всегда были сильнѣйшимъ воодушевленіемъ, побужденіемъ и спасеніемъ русскихъ въ самыхъ тяжкихъ, бѣдственныхъ обстоятельствахъ. Поэтому-то, между прочимъ, и дорожитъ папа покореніемъ русскихъ своему владычеству,—на эти-то черты въ особенности и мѣтилъ онъ; но въ нихъ то собственно находилъ и противодѣйствіе своимъ замысламъ.

Русскіе, глубоко преданные православной вѣрѣ и сыновне покорные греческимъ патріархамъ, тѣмъ болѣе не могли покориться папѣ, что, при врожденномъ здравомысліи своемъ, видѣли, чего и съ какою цѣлію требуетъ отъ нихъ папа, и предъусматривали слѣдствія, могущія произойти отъ ихъ покорности ему. Доказательствомъ сему служатъ отвѣты русскихъ папамъ. Чего и какъ требовали они отъ русскихъ? Увидѣвъ, что русскіе не обращаютъ никакого вниманія, не удостоиваютъ даже отвѣтомъ на ихъ просьбы и требованія о подчиненіи сѣдалищу св. Петра, папы начали дѣйствовать хитро. Выставляя существующее согласіе во многихъ догматахъ вѣры между лаятинскимъ и православнымъ исповѣданіями, [1]) папы съ видомъ доброжелательства и любви предлагали русскимъ о соединеніи церквей, присовокупляя къ тому и опасеніе лишенія надежды

---

[1]) Это согласіе сорбонскими богословами изложено о слѣд предметахъ: о единствѣ естества Божественнаго въ Троицѣ лицъ, о единосущіи, о соединеніи двухъ естествъ во едину ѵпостась во Христѣ, о грѣхѣ первородномъ, о искупленіи І. Христовомъ, о благодати и ея потребности ко всякому благочестивому дѣйствію о седмеричномъ числѣ таинствъ, о жертвѣ безкровной, о дѣйствительномъ присущіи Христа подъ видомъ хлѣба и вина; о превеличайшемъ, называемомъ Латріа, почитаніи Его, присущаго подъ видомъ евхаристіи, о призываніи пренепороч. и преблагословен. Дѣвы Маріи, о святыхъ, со Христомъ на небеси царствующихъ, о почитаніи св. иконъ, возводимомъ на ихъ первообразныя, о вспомоществованіи умершимъ молитвами, милостынями и приношеніемъ безкровной Жертвы. Отвѣтъ посл. имъ Ѳеоф. Прокоп. въ III ч. его соч. Москва. 1805 г.

на спасеніе, ежели они пребудутъ во враждахъ и раздорахъ, по слову апостола, распри и ереси числящаго между такими грѣхами, которые устраняютъ отъ царствія Божія творящихъ таковая [1]). Не трудно было понять православнымъ отцамъ нашимъ, что эти похвалы, равно какъ и угрозы, подкрашенныя видомъ доброжелательства и любви, имѣли цѣлію уловить простодушіе ихъ и поколебать вѣками утвержденное единство россійской церкви съ грековосточною. При разсмотрѣніи столь лестнаго предложенія о соединеніи россійской церкви съ римской, съ тонкимъ намекомъ объ опасеніи лишиться надежды спасенія за непреклонность, необходимо возникаютъ три важные вопросы: 1). Неоспоримо, что главныя условія единства извѣстныхъ въ христіанскомъ мірѣ великихъ церквей заключаются въ единомысленномъ исповѣданіи св. нерушимыхъ догматовъ вѣры, въ единодушномъ признаніи священныхъ, церковныхъ преданій и въ единообразномъ исполненіи всѣхъ апостольскихъ каноновъ; что все и до нынѣ свято соблюдается между константинопольскою, іерусалимскою, антіохійскою, александрійскою и всероссійскою церквями. А посему требованія папы о соединеніи россійской церкви съ римскою не имѣлиль какой нибудь иной цѣли, кромѣ вышеизъясненныхъ общихъ условій церковнаго единства? 2). Соединеніе россійской церкви съ римскою не будетъ ли отпаденіемъ ея отъ матери своей восточной церкви и слѣд. не будетъ ли преступнымъ расколомъ, дѣйствительно заграждающимъ дверь спасенія? и 3) Востокъ или Западъ причиною растлѣнія церковнаго единства и которую изъ этихъ великихъ частей по справедливости должно винить въ отпаденіи отъ цѣлаго тѣла церкви? Эти три вопроса, безъ сомнѣнія, какъ видно изъ самыхъ отвѣтовъ, были въ разсмотрѣніи и нашихъ предковъ. Но, не желая входить въ пренія о вѣрѣ и считая нарушеніемъ кротости выразить горькую для представителей римской церкви истину, отцы наши всегда уклонялись отъ прямаго рѣшенія ихъ,—впрочемъ не по какому либо страху или невѣжеству, а единственно по кротости. «Страхъ бо, писали они, и невѣжество суть пороки малодушныхъ; отъ нихъ же съ одной стороны истина, на которую уповаютъ, далече отго-

---

[1]) Гал. V, 21.

нитъ малодушіе, съ другой отъ такой слабости ограждаетъ ихъ увѣщаніе ап. Петра, глаголющаго: страхъ ихъ неубойтеся, ниже смущайтеся и проч. (I Петр. III, 14 и 15). Но лучше есть съ крѣпостію правильное молчаніе, нежели съ поврежденіемъ правила многорѣчія [1]). Лучше молчаніе съ одной стороны, потому, чтобы разсуждая о винѣ раздѣленія, не причинить «горьшую болѣзнь язвамъ и не воздвигнуть большій пожаръ, движуще возгорѣвшіяся дрова,»—съ другой именно потому, что русскіе, находясь въ сыновней зависимости отъ греческихъ патріарховъ не хотѣли ничего предпринимать безъ нихъ, и, на основаніи апостольскаго канона 34, они представляли папѣ невозможность, безъ своего патріарха, что либо предпринять въ столь важномъ дѣлѣ [2]). Впрочемъ и въ косвенныхъ своихъ отвѣтахъ, служащихъ отклоненіемъ римлянъ отъ споровъ, предки наши кротко и мудро рѣшали всѣ сіи вопросы. «Отцы наши приняли вѣру отъ грековъ,»—греки свято соблюдаютъ главныя условія церковнаго единенія, слѣд. отпаденіе отъ грековъ будетъ отпаденіемъ отъ православной церкви. «Мы такъ вѣримъ,» а дѣйствительно ли римляне причиною раздѣленія церквей, «идите себѣ къ патріарху въ Царьградъ.» Еще съ болѣе неподражаемою мудростію и кротостію рѣшали они сіи вопросы, когда видѣли необходимость отвѣчать подробнѣе папистамъ [3]). 1) Не трудно было понять нашимъ предкамъ, что цѣлію притязаній папы было не истинное соединеніе

---

[1]) Отвѣтъ Сербон. Акад. Θеф. Прокоповича.

[2]) Отвѣтъ Сорбон. Академіи Θеоф. Прокоповича.

[3]) Въ доказательство сего и для показанія, какъ характеристическія черты русскаго народа: врожденное здравомысліе, глубокое убѣжденіе въ православіи и патріархальная кротость нравовъ, обнаружившаяся и въ отношеніи къ грекамъ сыновнею покорностію церкви константинопольской,—противодѣйствовали папамъ; разсмотримъ отвѣтное посланіе наше Сорбонской Академіи, гдѣ ясно и подробно высказано все, почему русскіе не могутъ соединиться съ римскою церковію, и что прежде они во всѣхъ отвѣтахъ своихъ высказывали кратко и уклончиво.

церквей, основанное на независимости одной отъ другой, и сосредоточивающее ихъ въ единой истинной главѣ—Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ,—а порабощеніе знаменитой церкви россійской своему владычеству. Это видно было уже изъ самыхъ условій единства: они не требовали отъ православныхъ измѣненія въ догматахъ, напротивъ отдавали полную справедливость чистотѣ ихъ православнаго ученія. Но, какъ бы не подозрѣвая корыстолюбивыхъ цѣлей въ посланіяхъ папъ, впрочемъ опасаясь быть жертвою похвалъ ихъ православію, и тѣмъ уподобиться праматери человѣковъ Евѣ въ легковѣріи, русскіе прекрасно и со всею при томъ искренностію изъяснились, что благопріятства ихъ, любовь и предостереженія, сопряженныя съ прещеніями они не иначе приняли, какъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и размышленіемъ, каково будетъ это приглашеніе къ соединенію? Примѣромъ столь мудрой предосторожности представили они преблагословенную Дѣву Марію, смутившуюся при благовѣстіи архангела Гавріила и тѣмъ исправившую порокъ праматери, слишкомъ поспѣшно повѣрившей подзорному послу. Второй вопросъ далъ имъ основаніе оправдать свое сомнѣніе, что предложеніе папъ не вело къ истинно—благой цѣли. Извѣстно, что россійская церковь сохраняла, какъ и нынѣ сохраняетъ единство съ апостольскими престолами восточныхъ патріарховъ и составляетъ членъ этаго великаго святаго тѣла, слѣд. и отношенія ея къ западной церкви были также не согласны, какъ по отношенію восточной. И такъ цѣлію папъ было ничто иное, какъ попытка разорить единство между россійскою и восточною церквями. На этомъ растлѣніи столь древняго союза россійской церкви съ православнымъ Востокомъ основывалось соединеніе ея съ Западомъ. Разсуждая о призываніи папъ къ такому соединенію, русскіе съ христіанскою кротостію высказали опасеніе свое въ томъ, что «сколь велико есть благо предлагаемое соединеніе, столь худшее зло готовятъ цѣлому тѣлу православной церкви разорители единства между частями ея.» Ибо ничто не можетъ быть столь губительно для цѣлаго, какъ разрушеніе между частями его. Еслижъ растлѣніе цѣлости какого либо предмета есть великое зло, то что должно сказать о растлителяхъ? И въ царствѣ природы и въ мірѣ политическомъ не возможно соединеніе отторгнутой части съ чуждымъ ему тѣломъ, тѣмъ болѣе въ отношеніи религіозномъ. Никакіе

виды или выгоды не могутъ оправдать дочь, сдѣлавшую дерзновенный разрывъ святаго церковнаго союза съ родною своею матерію и повергшую участь свою чуждой церковной власти. Папа, призывая русскихъ къ соединенію съ римскою церковію, угрожаетъ имъ лишеніемъ надежды на спасеніе, если пребудутъ во враждахъ и раздорахъ, разумѣется, съ римскою церковію. Но не таже ли опасность лишиться надежды на спасеніе угрожала исповѣдникамъ православія при измѣнѣ родному православію и преступномъ разрывѣ союза съ восточными патріархами? Дочь, заплатившая матери своей за рожденіе и воспитаніе неблагодарностію, а дерзновеннымъ побѣгомъ изъ дома ея, не навлекаетъ ли на себя этимъ гнѣва Божія? Да и въ чуждомъ домѣ можетъ ли она найти истинно родительское призрѣніе? Отрицательнымъ доводомъ сему служила для нашихъ предковъ отторгнутая какъ бы въ наученіе ихъ часть православной церкви россійской въ Бѣлоруссіи, Малороссіи и Литвѣ. Въ лонѣ римской церкви она не могла найти и тѣни, какъ того, чего лишилась, такъ и того, чего ожидала обольщенная обѣщаніями. Это отпаденіе, или лучше насильственное отторженіе, какъ цѣлому тѣлу православной россійской церкви причинило глубочайшую рану, такъ равно весьма было гибельно и для отторгнутой части. Самое существованіе уніи подъ владычествомъ папы было бѣдственное, плачевное состояніе сироты, въ чуждомъ домѣ гордаго властелина, преслѣдуемой постояннымъ презрѣніемъ [1]). И такъ русскіе видѣли, что соединеніе съ римскою церковію будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ преступнымъ побѣгомъ съ лона матери своей,—гибельнымъ и для всей православной церкви и для нихъ самихъ. А потому ни зачто не

---

[1]) Унія въ понятіи римлянъ не иначе почиталась, какъ рабскою вѣрою (chłopska wiara) и даже схизмою. Епис. львовскій Леонъ Шептицкій, въ бытность въ Варшавѣ могилев. правос. еп. Георгія Конисскаго, не обинуясь открылся ему. „мы уніаты за вами не уніатами живемъ еще. Когда васъ католики догрызутъ, тогда примутся и за насъ. Да и теперь въ ссорахъ называютъ насъ, равно какъ и васъ схизматиками.“ Ист. объ уніи § XIII. стр. 413.

хотѣли и согласиться на соединеніе съ римскою церковію. Впрочемъ соединенію церквей Божіихъ,—такому, какое находится между ими съ восточными церквями, они не противны были, какъ превеличайшему благу, о которомъ постоянно молится св. православная церковь.» Соединенія убо не укоряемъ, писали они папистамъ, но насилователей соединенія. Но не таковаго соединенія искали римскіе первосвященники. Они домагалися, какъ политическаго владычества надъ всѣми христіанскими государями, и духовнаго покоренія своей власти всѣхъ древле апостольскихъ церквей. А потому укоръ русскихъ относился къ нимъ, какъ насилователямъ соединенія. Туже мудрость, тоже глубокое убѣжденіе въ православіи, туже кротость и покорность церкви восточной выразили русскіе и въ рѣшеніи третьяго вопроса, требовавшато отъ нихъ открытаго указанія виновниковъ растлѣнія церковнаго союза. Не предпринимая на себя произнести приговоръ и представить доводы, что не восточная церковь оставила западную, они съ кротостію замѣтили, что вездѣ слышатся жалобы на такое расторженіе единства, что одна сторона обвиняетъ другую и обвиненія такъ велики, что съ сердечною болѣзнію они не хотятъ возобновить раны. Впрочемъ, что бы показать, что сколь справедливы и кротки были жалобы восточной церкви, столько неосновательны и надменны были требованія и притязанія западной, русскіе неподражаемо сравнили обѣ церкви: православную восточную въ составъ которой входитъ и всероссійская, и римскую, съ двумя родными евангельскими сестрами: Маѳою и Маріею. Отдавая первенство западной церкви, подъ именемъ старшей изъ сестеръ Маѳы, они жалобу римскихъ первосвященниковъ на отпаденіе, по ихъ мнѣнію Востока отъ Запада, весьма основательно и въ духѣ кротости сравнили съ жалобою Маѳы на сестру свою Марію: Господи, не брежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити (Лук. 10, 40). Впрочемъ жалоба Маѳы была только неосновательна, а дышала невинною ревностію служить Спасителю по своему сужденію; но жалобы римскихъ первосвященниковъ выражали ожесточеніе за непреклонность Востока, зависть къ благоденствію и могуществу столь обширнаго въ свѣтѣ православнаго государства, не признающаго власти римскаго духовнаго престола, и наипаче гордость и властолюбіе папъ, соединившихъ на главѣ своей цар-

скую и первосвятительскую короны. Русскіе не хотѣли изречь сего, но удовольствовались, при сравненіи церквей съ евангельскими сестрами, только скромнымъ заключеніемъ, что такъ Марія оставила Маѳу, какъ Маѳа—Марію, и что первая оставила послѣднюю въ службѣ вещественной, а послѣдняя оставила первую въ прилѣжаніи и слушаніи слова Божія. Этимъ примѣромъ поборники православія превосходно рѣшили казавшійся не удоборѣшимый всемірный вопросъ: Востокъ или Западъ должно винить въ раздѣленіи церквей? Примѣняя этотъ примѣръ къ церковнымъ сестрамъ, они выразили ту истину, что восточная церковь оставила западную въ союзѣ соединенія, западная же оставила восточную въ растлѣніи и поврежденіи символа введеніемъ новыхъ догматовъ вѣрованія. И это послѣднее оставленіе есть вина перваго; ибо еслибы не предшествовало послѣднее, не послѣдовало бы и первое. Нѣтъ сомнѣнія, что обѣ эти церкви желаютъ соединенія, но у каждой изъ нихъ свои условія единенія Православная церковь глубоко убѣждена въ непогрѣшимости своей и согласна на соединеніе съ римскою подъ условіемъ признанія правоты ея и цѣлости догматовъ вѣры, твердо содержимыхъ ею отъ временъ апостольскихъ. Римская же домогается единенія съ властолюбивыми видами. Поэтому и для соединенія церквей необходимо, чтобы или первая пожертвовала своею правотою и древнею независимостію, или послѣдняя отказалась отъ своихъ претензій на всемірную власть надъ всѣмъ христіанствомъ. Вотъ средостѣніе, которое можетъ разорить токмо Христосъ, единственная и истинная Глава Церкви и сотворить обоя едино (Еф. 11. 14.) Ибо Онъ есть Богъ мира во всѣхъ церквахъ святыхъ (I кор. XIV, 33). И православные русскіе, всегда и всецѣло повѣряющіе себя волѣ Божіей, заключали свои отвѣты папѣ молитвою: «да Христосъ Богъ, Который распростертыми на крестѣ руками противныя страны собралъ во едино, Самъ непосредственно сотворитъ обоя церкви едино, и разоривъ средостѣніе ограды, возстановитъ миръ между этими двумя странами. Повелѣвающій вѣтрамъ и морю, да укротитъ и между ими шумящія раздоровъ и несогласій волны и да возсіяетъ благосостоянію и соединенію церковному, паче же и всему міру, тишина превожделѣнная.» И этимъ усерднымъ желаніемъ, «да не всуе будутъ труды» папъ, они выразили ту мысль, что сколь ничтож-

ны въ столь великомъ дѣлѣ всѣ усилія человѣческія, столько и еще болѣе несправедливы користолюбивыя требованія папъ о соединеніи церквей. Такимъ образомъ то, чемъ собственно дорожилъ папа въ духѣ русскаго народа и на что особенно дѣйствовалъ для достиженія въ нихъ своихъ цѣлей, и служилъ непреодолимою преградою, разрушающею всѣ его хитрыя и жестокія нападенія. Здравый умъ русскихъ проникалъ, разгадывалъ цѣль и слѣдствія папскихъ дѣйствій, и наши отцы тѣмъ сильнѣе привязывались къ православной матери своей церкви греческой, чѣмъ болѣе видѣли усилій со стороны папъ разорвать эту связь,—тѣмъ непоколебимѣе становились въ православіи, чѣмъ больше видѣли опасности лишиться вмѣстѣ съ православіемъ и своего политическаго (бытія) благосостоянія, видя примѣръ для себя въ гибельномъ отпаденіи отъ православной церкви русской части западной Россіи.

Но была еще одна, между прочими, черта въ духѣ Русскаго народа, такъ же близкая сердцу русскому и такъ же рѣзко отличающая его отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ народовъ, какъ и вѣра, больше только обѣщающая удобности для выгодъ папы. Это любовь къ государю. Происходя изъ патріархальнаго быта, и доселѣ въ большинствѣ сохраняемаго русскими, безпредѣльная любовь къ Государю своему, необъяснимая въ нихъ какъ необъяснимо естественное влеченіе дѣтей къ родителямъ, всегда была отличительною чертою русскаго, готоваго скорѣе лишиться жизни, нежели разстаться съ этимъ завѣтнымъ чувствомъ [1]). Папа скоро замѣтилъ эту любовь русскихъ къ государю, а потому для успѣшнѣйшаго покоренія ихъ своей власти, онъ, начиная съ Св. Владиміра до Петра Великаго, рѣдкаго государя оставлялъ безъ покушенія обратить къ римско-католическому вѣроисповѣданію, потому именно, какъ высказалъ это самъ папа, что народъ русскій, отличающійся необыкновенною привязанностію къ своимъ государямъ, въ такомъ случаѣ со временемъ при-

---

[1]) Примѣромъ и доказательствомъ сему служитъ вся исторія рус., въ особенности же можно указать на простаго поселянина Сусанина, пожертвовавшаго своею жизнію ради спасенія избраннаго на царство Михаила Θеодоровича.

веденъ будетъ въ лоно Римской Церкви. [1]) И Павелъ V, узнавъ о возшествіи на всероссійскій престолъ преданнаго католицизму Самозванца, съ восторгомъ писалъ къ нему: »такъ какъ ты можешъ на земли своей дѣлать все, что захочешъ, то повелевай. Пусть народы твои услышатъ гласъ истиннаго пастыря Христова на земли намѣстника! У тебя поле обширное: сади, сей, пожинай на немъ; повсюду проводи источники благочестія, строй зданія, которыхъ верхи касались бы небесъ; воспользуйся удобностію мѣста и, какъ второй Константинъ первый утверди на немъ римскую церковь.« [2]) Но могъ ли Самозванецъ сдѣлаться вторымъ Константиномъ въ Россіи? Могъ ли папа успѣть въ своемъ дѣлѣ, дѣйствуя на эту отличительную черту русскаго народа,—любовь къ своему Государю?—Почему собственно русскіе искреннѣе всѣхъ могутъ любить своего государя? Сверхъ другихъ причинъ, потому именно, что они православны, какъ православны и государи ихъ. Ибо что такое православный? Это тотъ, кто право слѣдуетъ ученію церкви; а чему учитъ церковь православная? Бога бойтеся, царя чтитѣ, вѣщаетъ она (I Пет. II, 17). Всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется: нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущыя же власти отъ Бога учинены суть и пр. (Рим. 13,1-7). Какъ же могутъ внимающіе сему ученію во святынѣ храмовъ не повиноваться слову Божію во всей простотѣ души своей, если они дѣйствительно православны? Но православная церковь связала у насъ царя съ народомъ такими духовными узами, которыхъ не въ силахъ разторгнуть усилія человѣческія. »Торжественными обрядами таинства Мvропомазанія и освященіемъ самыхъ внѣшнихъ знаковъ могущества знаменуетъ она первый шагъ государя на поприщѣ его высокаго служенія, и тѣмъ даетъ ему многознаменательное названіе христа Господня или помазанника. Угрожаетъ анаѳемою тѣмъ, которые дерзнутъ помыслить, яко не Божественнымъ Промыс-

---

[1]) Такъ писалъ Папа Павелъ V къ кардиналу Маціевскому, „Современникъ" № IV. Апрѣль. 1848 г. ст. Обзоръ событій Рус. Исторіи отъ кончины Ѳеодора Ив. до вступленія на престолъ дома Романовыхъ. Соловьева. стр. 68.

[2]) His. Russ. Monum. t. II. № LXXVI.

ломъ царствуютъ православные цари. Съ другой стороны, клятвенными обязательствами предъ лицемъ олтаря вводитъ въ подчиненіе ему подданныхъ, и наконецъ ежедневными моленіями о здравіи и благоденствіи, утверждая его силы на подвиги царственные, утверждаетъ и подчиненныхъ въ томъ высокомъ къ нему благоговѣніи, какого не въ состояніи сообщить ни одно изъ средствъ земныхъ. Отъ того религіознымъ характеромъ запечатаны всѣ воззрѣнія русскихъ на своихъ Государей. Издревле величая царя именемъ земнаго бога, согласно съ ученіемъ самой вѣры, [1]) они представляютъ его непосредственнымъ и ближайшимъ органомъ Самаго Бога, Который въ его судѣ изрекаетъ Свой судъ, [2]) сообщаетъ свое вѣдѣніе, [3]) награждаетъ за служеніе ему, [4]) Самъ возводитъ царей на царство [5]) и пр. И какъ бы въ доказательство того, до какой степени русскіе уважаютъ достоинство своего природнаго, законнаго государя, они усвоили ему и наименованія одинаковыя съ Владыкою небеснымъ Царя-отца, выражающія съ одной стороны, искреннюю любовь ихъ къ своему православному царю, съ другой, благоговѣніе предъ высочайшею властію его, Самымъ Богомъ превознесенною выше всякой власти земной.— Слѣд, чтобы папа возмогъ успѣть покорить Россію ему необходимо было поколебать непоколебимое въ русскихъ, проникшее все существо ихъ, православіе или нужно было смириться предъ высокимъ понятіемъ русскихъ о своихъ государяхъ, т.е. отказаться отъ того, чего собственно онъ искалъ. Иначе никакія жестокости, никакія усилія папскія ничего не могли сдѣлать въ Россіи. Самое возведеніе папою на царство русское

---

[1]) Пс. 81, 6. Исх. 22, 28. 1 Коп. 8, 5.

[2]) Сей образъ воззрѣнія особенно выраженъ въ древ. народ. пословицахъ „воля Божія, а судъ царевъ,“ или „царь повелѣваетъ, а Богъ на истин. путь направляетъ.“ Русскіе въ св. пословиц. Час. 3. 4.

[3]) Государь знаетъ, кто ему другъ, кто не другъ,“ или „Богъ вѣдаетъ да царь. Тамъ же.

[4]) „За Богомъ молитва а за царемъ служба не пропадаетъ.“ Тамъ же.

[5]) „Богъ далъ царя,“ обыкновенно говорятъ русскіе. Тамъ же.

Самозванца, не законно и обманомъ похитившаго себѣ право на любовь русскихъ, было столь же гибельно для папы, какъ и для русскихъ и самымъ очевиднымъ образомъ доказало невозможность успѣха папскаго въ Россіи, глубоко уважающей только своихъ законныхъ и по праву царствующихъ православныхъ государей. Тѣмъ болѣе не возможно было папѣ успѣть покорить своей власти покорную своимъ государямъ Россію, что всѣ законные православные государи ея сами же и утверждали въ русскихъ нерасположенность къ папѣ и охраняли ихъ отъ гибельнаго подчиненія ему.

»Императоръ всероссійскій есть верховный защитникъ и хранитель господствующей вѣры, блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочиненія, [1]) основный законъ нашихъ отечественныхъ узаконеній, выражающій отношенія всѣхъ государей нашихъ къ православной вѣрѣ. Впрочемъ всѣ великіе князья и государи русскіе защищали и охраняли православіе своей Руси не по силѣ сего закона. Самый законъ этотъ вышелъ изъ духа православной вѣры и духа православныхъ государей. Рожденные въ святой Руси и воспитанные въ духѣ православнаго русскаго народа, они естественно должны были защищать и защищали и охраняли ее всегда и всевозможными средствами, когда только видѣли необходимость сего. Такъ какъ православію Руси угрожала опасность въ особенности со стороны постоянныхъ покушеній папы поколебать его, то и защитительныя и охранительныя дѣйствія свои князья наши въ особенности обнаружили противъ папы. Побужденіемъ ко всевозможному противодѣйствію папамъ они находили, кромѣ природной нерасположенности своей къ нимъ, въ несправедловости и не сообразности папскихъ требованій, въ сознаніи собственнаго достоинства, происходящаго въ слѣдствіе сознанія могущества своего отечества и духа православной вѣры. Цѣлью всѣхъ дѣйствій папы на Россію было покореніе ея своей власти,— домогательство признанія его главенства, какъ Христова на земли намѣстника, которому, по тому самому, необходимо всѣмъ покаряться. Государи наши видѣли несообразность сего требованія съ духомъ религіи христіанской, а потому отклоняли всякое покушеніе папы. »Ты хвалишся православіемъ,« сказалъ

[1]) Сводъ Зак. т. 1. Зак. Основ. ст. 42.

Грозный езуиту Антонію Поссевину, когда сей убѣждалъ его къ принятію римско католической вѣры, какъ единственной православной, »ты хвалишся православіемъ, а папа вашъ приказываетъ носить себя на престолѣ и цѣловтаь въ туфель, гдѣ изображено распятіе. Не высокомѣріе ли это въ христіанскомъ пастырѣ? Не попраніе ли это святыни? Папамъ и патріархамъ принадлежитъ честь святительская, а не царская. Кто же именуется Христовымъ сопрестольникомъ, велитъ носить себя на сѣдалищѣ, какъ бы на облакѣ, кто живетъ и учитъ не по ученію Христову: тотъ папа-волкъ, а не пастырь.« [1]) Съ другой стороны, великіе князья и государи русскіе, сознавая все богатство силы и могущество своего отечества, всегда дорожили имъ и никогда не хотѣли унижать его и своего достоинства покорностію чуждой власти. Владиміръ Великій почелъ унизительнымъ для себя и своего народа, знаменитаго по дѣламъ, смиренно просить даже наставленія въ православной вѣрѣ у грековъ, »дабы не показаться, яко покоряясь, просить священниковъ,« [2]) и тѣмъ не дать повода гордымъ въ такихъ случаяхъ грекамъ къ презрѣнію себя, какъ это сдѣлали они съ Ольгою. Какъ же могли послушаться князья наши папу, явно требующаго покорности себѣ царей? »Такой ли мечь у папы, отвѣчалъ Романъ Галицкій папскому легату, когда сей, убѣждая къ принятію римской вѣры, увѣрялъ, что папа мечемъ св. Петра покоритъ ему множество народовъ и сдѣлаетъ его королемъ,—такой ли мечь у папы? Пока при мнѣ мой мечь, онъ дастъ мнѣ земли, не имѣю нужды въ другомъ и кровію покупаю города, якоже отцы и прадѣды наши. [3]) Достоинство царское возвысила православная вѣра, и православные государи наши, вполнѣ постигая свое высокое величіе, поставленное самымъ Богомъ выше властей на земли, »никому не хотѣли быть поучительными, кромѣ Христа, Сына Божія,« [4]) потому не хотѣли и слушать о главенствѣ папы. «Всегда крѣпко державшіе съ волею Божіею законъ греческій, принятый отъ прародителей

---

[1]) Ис. Г. Р. т. IX. стр. 362, 363.

[2]) Ист. Плат. ч. I. стр. 28.

[3]) Ис. Г. Р. т. III, стр. III.

[4]) Рус. къ св. пословиц. к. 3. с. 2.

своихъ государи наши хотѣли впрочемъ жить съ папою въ дружбѣ и согласіи по дѣламъ политическимъ;« [1]) а потому мѣры, стѣсняющія свободу Богослуженія римско-католиковъ, употребляемы были только въ случаѣ нужды. Князья наши издревле отличались вѣротерпимостію. Не только христіане-латиняне, но и жиды всегда почти проживали въ Руси, [2]) съ однимъ только условіемъ не совращать православныхъ въ иную вѣру. Въ такомъ случаѣ тѣже самые князья жестоко поступали съ совратителями. Тотъ же самый Владиміръ, который позволилъ проживать въ Кіевѣ епископу латинскому, заключилъ его въ темницу, когда увидѣлъ, что отклоняетъ народъ отъ вѣры православной. [3]) Вел. князь кіевскій Владиміръ Рюриковичъ (въ 1233 г.) выгналъ пріора доминиканскаго кіевскаго монастыря со всѣми монахами и запретилъ возвращаться изъ одного только опасенія отъ нихъ заразы православнымъ. [4]) И только усиленныя дѣйствія папистовъ доводили православныхъ князей нашихъ до того, что, позволяя всѣмъ прочимъ иновѣрцамъ проживать въ Россіи, они иногда отказывали въ этомъ римско-католикамъ, [5]) запретили имъ, подъ опасеніемъ за преслушаніе наказанія по всей строгости законовъ не только не привлекать къ себѣ совѣтами и внушеніями, или явно и насильственно вѣрноподданныхъ всякаго рода, но даже не стѣснять свободы и тѣхъ, кои сами отъ другихъ исповѣданій къ правосларной церкви возжелаютъ присоединиться. [6]) Наконецъ частный, произ-

---

[1]) Ис. Г. Р. т. VII. с. 101, прим. 191.

[2]) Ту (въ Кіевѣ) Нѣмцы и Венедицы. Ту Греци и Морава поютъ славу Святъ славлю. (Слово о полку Игоревѣ). Въ 1179 г. Ярославъ, взявъ Кіевъ, обобралъ для выкупа Княгини, весь Кіевъ и игумены, и попы, и чернцы и черницы и затворы и Латину и гости.“ (Радзив. см. Воскр 2. до 1154). Половцы около Переяслова „пожгоша села вся и Лятскую Божницу“. (Кіев. 1 стр. 77).

[3]) Ис. Рус. Церк. пр. 1 ст. 86. Моск. 1848.

[4]) Длугошъ Hist. Pol. lib. 6 pag. 649. Ист. Г. Р. т. III стр. 206.

[5]) Маржеретъ стр. 28. „Ни при Патр. Филаретѣ, ни послѣ его до царя Петра не дозволялось быть въ Москвѣ ни костелу, ни езуиту.“ Ис. Рус. Цер. пер. Патр. ст. 135.

[6]) Манифестъ, изданный Павломъ 1-мъ 18 Мар. 1797 г.

вольный, образъ своихъ дѣйствій противъ совратителей православія, государи наши сдѣлали общимъ, поставивъ постояннымъ закономъ, строго наказывать какъ совратителя, такъ и совратившагося. [1]) Ограждая такимъ образомъ православную вѣру со внѣ, православные государи наши были постоянными «блюстителями правовѣрія и всякаго въ церкви святой благочинія и между смыми православными. Уважая пастырей церкви, какъ посредниковъ между Богомъ и людьми,—какъ богомольцевъ и отцевъ своихъ духовныхъ,—государи наши въ особенности тщательно наблюдали за православіемъ ихъ и нещадили тѣхъ изъ нихъ, которые были заражены ересью латинскою.— »Отъ Рима у насъ митрополиту не быти,« писалъ вел. князь Василій Васильевичъ польскому королю Казиміру, просившему его, въ угодность папѣ, принять митрополитомъ всея Руси Григорія Булгара вмѣсто Іоны. [2]) По этому же князья наши, всегда покорные въ дѣлахъ вѣры константинопольскимъ патріархамъ и ничего важнаго непредпринимающіе въ церкви православной безъ ихъ воли, прекращали съ ними всякое сношеніе, когда они были въ единомысліи съ папою. Василій Васильевичъ по изгнаніи Исидора, двукратно приготовляющій грамоты къ патріарху и императору греческому о поставленіи митрополита, остановилъ сіе дѣло и церковь русская пять лѣтъ оставалась б.съ митрополита: [3]) потому что »не къ кому было посылать, царь не таковъ и патріархъ не таковъ, иное мудрствуютъ, сближаются съ латинянами. [4]) Тѣмъ болѣе князья русскіе негодовали на своихъ митрополитовъ, желающихъ« поработить насъ, какъ выражались они, отлученной за ереси римской церкви.« [5]) »Мы не повелеваемъ тебѣ итти на осмый соборъ въ латинскую землю, сказалъ вел. князь Исидору, настаивавшему на томъ, что ему необходимо быть на флорен-

---

[1]) Св. Зак. т. 14. Уст. пред. пр. Р. гл. 4. От. 2.

[2]) Акт. Эксп. 1. № 80.

[3]) Ис. Рус. Цер. пер. III. Моск. 1847 г. прим. 10.

[4]) Ис. Акт. I № 47.

[5]) Такъ отозвался о римской церкви Василій Вас. въ грамотахъ своихъ къ патріарху и императору греческимъ. Первую см. въ 1 т. Ис. Акт. № 39., а вторую въ Цер. Ис. м, Плат. ч. 1 стр. 256.

тійскомъ соборѣ,» но ты не слушаешь и хочешь идти, помни же, что, по возвращеніи своемъ, ты долженъ принять вѣру греческаго закона въ томъ видѣ, въ какомъ мы приняли ее отъ Грековъ.» [1]) И когда по возвращеніи Исидора, великій князь, во время священнодѣйствія, услышалъ поминовеніе папы и опредѣленіе собора, онъ не подошелъ къ нему подъ благословеніе, а вмѣсто того сталъ рѣзко обличать Исидора, называя его прелестникомъ и волкомъ, и наконецъ велелъ низвесть съ престола и до рѣшительнаго суда заключить въ монастырь [2]). Тщательно охраняя православіе на сѣверѣ Россіи, государи наши не оставляли безъ вниманія и древняго достоянія своего юго—западной Руси, по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ подпадшей чуждой власти польскихъ королей и жестоко страдавшей за православную вѣру. Тяжело было православнымъ князьямъ видѣть эти страданія православныхъ этой части Руси, а между тѣмъ жестокости и соблазны со стороны папистовъ до того усилились, что имъ не въ силахъ уже былъ противостоять греческій патріархъ, находящійся подъ игомъ турецкимъ, отъ котораго зависѣла юго-западная россійская церковь. И вотъ благочестивый царь Θеодоръ Іоанновичь, дабы противопоставить папистамъ, укорявшимъ православныхъ зависимостію отъ подвластнаго туркамъ патріарха, «для украшенія православія и православной церкви русской [3]), и для поддержанія его дѣятельною помощію, [4]) возводитъ митрополита московскаго въ званіе патріарха всероссійскаго.» Цѣль эту хорошо понимали на западѣ и поспѣшили сблизить юго-западную Русь (унію) съ западомъ, а не востокомъ. Рядъ жестокихъ бѣдъ, поднятыхъ тѣмъ же западомъ на востокъ и западъ Россіи, скрыли на время изъ виду русскихъ эту цѣль» [5]). Но скоро истерзанная Малороссія присоединилась къ Великороссіи съ зависимостію отъ патріарха московскаго, и государи русскіе обратили особенное вниманіе на охраненіе ея православной вѣры. Пастырямъ церкви малороссійской они поставляли въ первую и непремѣн-

[1]) Ист. Г. Р. т. V. стр. 280.

[2]) Ист. Рус. Цер. пер. Патр. стр. 2.

[3]) Тамъ же стр. 55.

[4]) Тамъ же. 5) Тамъ же.

ную обязанность: «особенно да имѣютъ бодро опасное и неусыпное свое, яко пастыри добрые, о церкви православной восточной малороссійской попеченіе, и изъ иныхъ странъ отъ уніатовъ и вѣры нашей православной святаго греческаго благочестія отъ противниковъ осторожность и опасеніе, да не вкрадутся яко волцы къ похищенію во Христово словесное стадо»[1]). Въ особенности же князья и государи русскіе явили себя главными противоодѣйствователями папѣ въ защищеніи ея отъ хитрыхъ и жестокихъ требованій западнаго владыки, когда онъ относился къ нимъ прямо, или дѣйствовалъ силою оружія. Дорожа православіемъ болѣе всего, православные государи наши не дорожили ни чѣмъ для защищенія его. Ихъ не обольщали ни славные титулы, предлагаемые папою, ни власть обладать другими народами. «Любя спокойствіе христіанъ,» они готовы были отказаться и отъ тѣхъ титуловъ, которыми пользовались по праву [2]). Алексѣй Михайловичъ отступался отъ требованія наказанія за неисправные его титулы, если только король польскій повелитъ истребить въ Украинѣ унію, возвратить благочестивыя церкви христіанамъ» и впредь ни малѣйшаго подданнымъ грекороссійской церкви не учинитъ утѣсненія» [3]). Царь Ѳеодоръ Іоанновичь, ужасаясь мысли измѣнить православію и достоинству россійскаго монарха, отвергъ прошеніе пословъ польскихъ о принятіи ихъ государства подъ свою державу, съ условіемъ, если дастъ папѣ надежду на соединеніе церквей и вѣнчается на королевство отъ святителя латинскаго [4]). А Іоаннъ III Васильевичъ, для облегченія участи православныхъ въ югозападной Россіи, пожертвовалъ спокойствіемъ даже любезной дочери своей, выдавъ Елену за литовскаго князя Александра. Впрочемъ для защищенія православія, государи наши, водясь

---

[1]) См. настольныя грамоты на поставленіе въ митрополиты кіевскіе: пр. Варлааму Ясинскому, Іоанна и Петра Алексѣевичей 1691 г. въ прибав. къ опис. кіево-соф. соб. стр. 141. Іосифу краковскому—Петра 1-го 1709 г. тамъ же.

[2]) Ис. Г. Р. т. IX, стр. 114.

[3]) Ист. Мал. Рос. Бан. Каменск. ч. 1. стр. 25.

[4]) Ист. Г. Р. т. X. стр. 100, 101.

духомъ христіанской кротости, любили употреблять болѣе и мѣры кроткія, и только въ крайности прибѣгали къ силѣ оружія. «Хочемъ быти въ дружбѣ и согласіи съ папою о дѣлахъ, а какъ напередъ того съ Божіею волею отъ прародителей своихъ законъ греческій держали крѣпко, такъ и нынѣ съ Божіею волею законъ свой держати хочемъ,» [1]) говорили они посламъ папскимъ, обѣщавшимъ милость и любовь папы, титло короля и все, чего не пожелаетъ, за принятіе римско-католической вѣры, «Мы знаемъ исторію вѣры и церкви съ самаго начала міра, а отъ васъ ученія не принимаемъ [2]), отвѣчали они папистамъ, доказывающимъ правоту и преимущество своей вѣры. Но когда папа силою оружія хотѣлъ достигнуть своей цѣли, государи наши мужественно противопоставляли силѣ силу. Въ такомъ случаѣ они забывали и тяжесть ига татарскаго и удѣльную вражду и спѣшили на защиту православія. Александръ Невскій разбилъ крестовый походъ папистовъ на Русь, поразивъ на голову шведовъ и заставивъ трепетать орденъ ливонскій за самую Ригу. Храбрый Мстиславъ, князь новгородскій, силою оружія возстановилъ права православной вѣры въ Галиціи, угнѣтенной венграми, изгнавъ ихъ оттуда и плѣнивъ самого короля ихъ Коломана [3]). Преимущественно же князья и государи наши употребляли всѣ средства къ поддержанію и возстановленію православія въ Литвѣ и Малороссіи. По мѣрѣ высвобожденія изъ подъ ига татарскаго почти всѣ они все болѣе и болѣе предъявляли права свои на эту древнюю отчизну. Иванъ III Васильевичъ возвратилъ отъ Литвы всѣ княжества по Днѣпру, кромѣ Смоленска. Василій Ивановичъ завоевалъ Смоленскъ и доходилъ даже до Вильны, а царь Иванъ Васильевичь Полотскъ, Витебскъ, Оршу, Дубровну, Копысь, Шкловъ, а послѣ и города прилежащіе къ Пскову. При всѣхъ сихъ случаяхъ государи очищали церкви и монастыри отъ католицизма, а жители, неволею и гоненіемъ увлеченные въ оный, охотно возвращались къ православію [4]). Бѣдственныя времена между-

---

[1]) См. прим. 732.

[2]) Ист. Русск. Церк. пер. 2 стр. 63.

[3]) Разсуж. о ерес. и раск. въ рус. церк. Руднева стр. 271.

[4]) Опис. кіево-соф. соб. стр. 119.

царствія, истерзавъ самую Россію, отвлекли взоръ ея отъ своихъ единоплеменниковъ. Но, какъ скоро государи наши увидѣли свое могущество, они опять, и еще съ большею ревностію взялись за прежнее дѣло—возстановленія православія. Алексій Михайловичъ не убоялся принять Малороссію, просившую его защиты отъ притѣснителей православія,—принялъ ее и потомъ кровію защищалъ именно потому, чтобы спасти православіе ея [1]). Но за то съ большимъ ожесточеніемъ устремились паписты на западную часть Россіи, оставшуюся подъ властію Польши, пока наконецъ жестокости ихъ не вынудили императрицу Екатерину II-ю вооруженною рукою требовать свободы православному вѣроисповѣданію. Троекратный раздѣлъ Польши, лишившій ее политическаго бытія, облегчилъ участь православныхъ, хотя, впрочемъ, не смотря на строгіе указы Императоровъ Павла и Александра I [2]), римское духовенство не оставляло наносить оскорбленій православнымъ и уніатамъ до времени возшествія на всероссійскій престолъ Императора Николая Павловича, мудрыми мѣрами котораго не только паписты вынуждены ослабить свои покушенія на распространеніе своей вѣры въ предѣлахъ Россіи, но присоединены къ православной матери своей и всѣ прежде совращенные ими, такъ называемые уніаты. Такимъ образомъ государи наши силою оружія заставляли папъ отказываться отъ своихъ намѣреній не только на Россію, но и на единоплеменниковъ своихъ, находившихся подъ чуждою властію. Какого-же послѣ сего успѣха могъ ожидать папа въ Россіи, для которой примѣръ царя православнаго, безъ всякихъ со стороны его узаконеній и дѣйствій въ защиту и охраненіе православія, есть уже законъ.

«Не наше дѣло входить въ споры о вѣрѣ, а дѣло духовенства« [3]), говорили наши государи папистамъ, безъ сомнѣнія, потому, что знали непоколебимость его въ православіи. И дѣйствительно пастыри наши, по самому званію своему поставленные блюсти церковь Христову, всѣ были ревностными поборни-

---

[1]) Ист. Мал. Рос. Бант. Камен. ч. 1 стр. 25.

[2]) Ист. Рус. Церк. пер. 5 стр. 113 и 114. Москв. 1848 г.

[3]) Такъ отвѣчалъ Петръ Великій Сорбонскимъ богословамъ. Жур. Мин. Нар. пр. ч. XXXIV. 1843 г. отд. VI. стр. 18.

ками православія. Происходя большею частію, особенно въ началѣ, изъ Греціи, они естественно переносили и въ церковь русскую отвращеніе церкви греческой къ отступленіямъ западной отъ чистоты и ученія обрядовъ древней церкви. Поставляемые же на русскую паству греческими патріархами, пастыри русскіе въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ считали для себя священнымъ долгомъ быть въ зависимости отъ нихъ и къ нимъ, какъ «основаніямъ, на которыхъ вся исполненія и исправленія церковнаго зданія ставить боголѣпно» [1]), постоянно обращались то за разрѣшеніемъ недоумѣній касательно догматовъ вѣры, то за совѣтами, какъ избавиться отъ притѣсненій запада. И св. церковь константинопольская, какъ чадолюбивая мать, брала все бремя дочери своей на себя и давала ей различныя средства къ наставленію и утвержденію въ православіи. «Для любви твоей есть легкая отговорка, писалъ патріархъ Нифонтъ митрополиту кіевскому Іосифу, просившему у него совѣта, какъ поступить и что отвѣчать докучливымъ папистамъ объ уніи,—ты будешь говорить, что безъ воли константинопольскаго патріарха ничего не можешь сдѣлать [2]). Въ правленіе русской церкви митрополитомъ Алексіемъ власть папы сильно распространялась на югѣ Россіи и православію угрожала опасность, «можетъ статься, какъ замѣчаетъ преосв. Евгеній, сія-то опасность православію была причиною, что константинопольскій патріархъ при жизни еще всероссійскаго митрополита Алексія за два или за три года до кончины его, посвятилъ другаго для Россіи митрополита Кипріана, какъ и прежде того Романа [3]). Болѣзненно было слышать восточнымъ патріархамъ и о возникающей въ церкви русской уніи, а потому и угрозами и увѣщаніями старались они, сколько возможно, утверждать православныхъ сыновъ нашей церкви въ непоколебимости въ восточномъ исповѣданіи. Старанія ихъ не остава-

---

[1]) Отв. Ѳеоф. Прокоп. Сорбон. Академіи въ III ч. его сочиненій.

[2]) Ист. Рус. Цер. дер. III. стр. 75. Моск. 1847 г.

[3]) Опис. кіево-соф. соб. стр. 94 мес. Ис. Рос. Цер. стр. 79. Спб. 1838. г.

лись бездѣйственными для православныхъ русскихъ. «Князь Константинъ Острожскій всѣ граматы ихъ, съ дозволенія патріарха Мелетія, отпечаталъ особенною книгою и обнародывалъ. Народъ принималъ ихъ съ уваженіемъ и повиновеніемъ [1]). Вообще патріархи восточные постоянно наставляли и утверждали русскихъ въ православіи, когда только угрожала ему опасность со стороны папскихъ покушеній. Но главными противодѣйствователями папамъ явили себя наши православные пастыри. Ревность ихъ по православію такъ велика, и мѣры, предпринимаемыя ими въ охраненіе и защиту его, такъ разнообразны, что трудно и представить въ краткомъ очеркѣ всѣ; по сему, по возможности, изложимъ ихъ только въ главныхъ чертахъ.

Побуждаемые и наставляемые восточными патріархами, пастыри церкви русской, водясь примѣромъ греческихъ іерарховъ, и духомъ вѣротерпимости своихъ православныхъ государей, въ духѣ кротости предостерегали паству свою отъ своеволія запада, но не питали въ ней вражды къ нему. «Митрополитъ Іоаннъ (1080—1089), недозволяя совершать богослуженія, вмѣстѣ съ совершающими службу на опрѣснокахъ, писалъ: но ѣсть съ ними при нуждѣ ради любви Христовой невозбранно. Если кто хочетъ избѣжать того подъ видомъ чистоты и немощи пусть уклонится. Остерегайтесь только того, чтобы не вышелъ изъ того соблазнъ, не родилась вражда великая и злопомнѣніе; надобно для избѣжанія большаго зла (каковы соблазнъ и вражда) избирать меньшее». Въ такомъ же духѣ писалъ къ папѣ митрополитъ Іоаннъ 4-й: «не знаю какъ произошли ереси въ вѣрѣ Божественной,—не понимаю, какъ могутъ римляне именовать насъ не христіанами. Мы не слѣдуемъ такому примѣру и считаемъ ихъ своими братьями, хоть и видимъ, что они во многомъ заблуждаются» [1]). Впрочемъ, когда видѣли, что отъ сближенія съ латинянами происходитъ соблазнъ пастыри наши спѣшили предъотвращать отъ сего православную свою паству и обличеніями римско—католическихъ заблужденій и мѣрами предохранительными. Съ этою цѣлію бывшій при Владимірѣ митрополитъ русскій Леонъ или Левъ

[1]) Опис. Кіев. Соф. Соб. стр. 136.

[2]) Ист. Русск. Церк. пер. 1 стр. 84.

написалъ въ обличеніе латинянъ греческое посланіе [1]). Равно на вопрошеніе Изяслава, котораго папа убѣждалъ къ принятію своей вѣры, «скажи ми отъ вѣру варяжскую,» Θеодосій отвѣчалъ: «вѣра ихъ зла и законъ нечистъ [2]). Новгородскій епископъ Нифонтъ возлагалъ шестинедѣльную епитемію на того, кто понесетъ дѣтей для молитвы къ варяжскому попу [3]). Когда же угрожала опасность православію, тогда святители наши безбоязненно обличали даже князей, которые были въ отношеніяхъ съ латинянами, не допускали папистамъ хвалиться своею вѣрою въ Россіи, и не щадили жизни своей для защиты православія. Митрополитъ Іоаннъ, бывшій при великомъ князѣ Всеволодѣ, съ великою ревностію осуждалъ тогдашнее обыкновеніе князей россійскихъ выдавать дочерей за государей латинской вѣры [4]). «Кто хвалитъ и чевствуетъ вѣру чуждую, тотъ унижаетъ свою,» сказалъ митрополитъ Филиппъ Іоанну, когда легатъ Антоній хотѣлъ торжественно въѣхать въ Москву, съ предносеніемъ креста, по обычаю латинскому, и колебался Іоаннъ, уважая въ немъ посланника, «если же легатъ взойдетъ съ крестомъ въ одни врата города, я выйду другими» [5]). Патріархъ Гермогенъ умеръ въ темницѣ отъ голода, но не попустилъ православнымъ царствомъ русскимъ управлять римско-католику. «Всѣхъ благословляю умереть за вѣру православную (умереть), говорилъ онъ, ибо вижу ея поруганіе и не могу слышать латинскаго пѣнія на царе-Борисовомъ дворѣ» [6]). Голосъ его услышанъ и православіе восторжествовало подъ мудрымъ правленіемъ Михаила Θеодоровича. Когда же папы относились къ самымъ пастырямъ съ лестными предложеніями о соединеніи церквей, или съ желаніемъ подчинить ихъ своей власти, первосвятители наши то оставляли безъ вниманія ихъ

---

1) Подъ заглавіемъ: περὶ τοῦ ὅτι δεῖ τελεῖσθαι τὰ ἄζυμα. Соф. Времен. ч. 1 стр. 82.

2) Словарь о дух. писат. пресв. Евгенія подъ слов. Θеодосій.

3) Памят. Рос. Словес. XII в. Отвѣты Нифонта Кирику.

4) Ист. Гос. Рос. т. II прим. 158.

5) Тамъ же т. VI стр. 67.

6) Ист. Рос. Церк. стр. 21. Спб. 1838 г.

посланія [1]), то кротко и мудро показывали несообразность и невозможность исполненія требуемаго [2]), то въ спорахъ о вѣрѣ доводили папскихъ легатовъ до посрамленія [3]). Какъ же могъ папа поколебать православіе русской церкви, когда оно утверждалось на такихъ непоколебимыхъ столпахъ? Но собственно русскіе пастыри явились ревностными защитниками православія въ противодѣйствіе распространенію папской власти на юго-западъ Россіи. Съ какою ревностію митр. Кипріанъ неоднократно предпринималъ трудныя и дальнія путешествія съ Москвы на югъ Россіи, дабы своимъ личнымъ присутствіемъ воодушевлять православныхъ и преграждать путь распространенію папизма. Какъ мудро обходился онъ съ князьями литовскими, дабы не возбудить ихъ противъ себя и своей церкви [4]). Съ какою заботою спѣшилъ предостеречь православныхъ отъ злоухищреній папы митр. Іона, грамотами своими убѣждая и умоляя народъ, князей и пастырей западной Руси не измѣнять православію, не признавать митрополитомъ наемника папскаго Григорія [5]). Преимущественно же въ защиту православія на югѣ Россіи дѣйствовали митрополиты кіевскіе, доселѣ именующіеся галицкими въ память и доказательство ревности о православіи, принявшихъ это титло для удержанія отъ соблазна оставшихся въ Галиціи православныхъ [6]). Мѣры, какія принимали эти пастыри и какія должны были предпринимать къ защитѣ православія, прекрасно опредѣлены на соборѣ 1621 года. Онъ предписывалъ пастырямъ: «любить искренно отъ всего сердца и души вѣру восточной церкви, обѣщая въ ней

---

[1]) Такъ напр. оставлено безъ вниманія посланіе папы Иннокентія III ко всѣмъ нашимъ архіепископамъ и епископамъ.

[2]) Отвѣтъ Ѳеоф. Прокоп. Сорбон. акад.

[3]) Нѣтъ книгъ со мною, сказалъ легатъ Антоній, когда митрополитъ Филиппъ ясно доказалъ истину греческаго исповѣданія, Ист. Г. Р. т. VI. стр. 70.

[4]) Разсуж. Рудаева о ерес. и раск. въ рус. церк. стр. 254.

[5]) Ист. Акт. №№ 45, 62, 63, 65, 66, 273, 275.

[6]) Такъ замѣчаетъ о семъ титулѣ кіев. митрополитовъ преосв. Евгеній. Опис. кіево-соф. соб. стр. 95.

одной только несомнѣнное спасеніе,—радостно переносить за нее всѣ обиды и даже мученія и другихъ побуждать къ тому, вѣдая, что тѣ правила вѣры и догматы, для сохраненія которыхъ не хотимъ соединиться мы съ латинскою церковію, запечатлѣны кровію,—повелѣвалъ «учреждать братства, писать и печатать книги въ защиту православія,—не сообщаться съ уніатами—отступниками и народу внушать тоже на исповѣди,» и проч. [1]) И православные пастыри юго-западной Руси въ точности исполнили сіи правила. Отказывали ль короли польскіе православнымъ въ постановленіи новыхъ епископовъ, и митрополиты кіевскіе спѣшили утѣшить осиротѣвшую паству и поддержать ея надежду на лучшія времена, посылая на опустѣвшія каѳедры своихъ намѣстниковъ, которымъ вмѣняли въ обязанность «о цѣлости православія святого совѣтовати, требующихъ направленія на путь спасенный наставляти, непокорныхъ и строптивыхъ духомъ кротости наказывати и обвиненныхъ по правиламъ святымъ карати» [2]). Составляли ль православные братства для успѣшнѣйшаго противодѣйствія папистамъ и уніатамъ, пастыри кіевскіе грамотами своими благословляли и утверждали ихъ уставы, «наставляли благочестіе восточное любити, а отступническихъ ересей беречься, поощряли и ободряли ихъ за твердость и труды подъятые въ защиту православія [3]). Заводили ль іезуиты училища и выпускали въ свѣтъ

---

[1]) Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древ. актовъ Высочайше учреж. при кіев. воен. губернаторѣ. № XXXII. Кіевъ 1845 г.

[2]) По смерти могилев. еписк. Ѳеодосія Василевича, послѣдовавшей въ 1687 г., по проискамъ іезуитовъ, утвердившихся не задолго до того времени во всѣхъ областяхъ литовскаго княжества, Іоаннъ Собіескій, во всякомъ другомъ случаѣ великодушный, отказалъ православнымъ жителямъ Бѣлоруссіи въ постановленіи новаго епископа. По сему митр. Варлаамъ Ясинскій послалъ туда намѣстникомъ своимъ слуцкаго архимандрита Серапіона. Грамоту его на сіе намѣстничество см. въ губерн. могилев. вѣдомост. 1848 г. къ № 15.

[3]) Послан. кіев. митр. Исаіи Копинскаго къ братіи луцкой 1632 г. см. пам. изд. врем. коммис. для разб. др. актовъ. Кіевъ 1845 г. № XII.

разныя сочиненія противъ восточной церкви, съ цѣлію совратить православныхъ съ пути истины, и православные пастыри спѣшили заводить православныя училища, дабы училищамъ противопоставить училища, и тѣмъ образовать людей, могущихъ противопоставить и сочиненіямъ—сочиненія [1]); сооружали для училищъ на собственное иждивеніе зданія, заводили библіотеки и типографіи и испрашивали для нихъ у королей утвердительныя и охранительныя граматы [2]). И цѣль попеченія ихъ объ училищахъ достигнута. Въ нихъ образовались пастыри, силою своихъ поученій поражавшіе козни іезуитовъ, и тѣмъ болѣе всего препятствовавшіе распространенію ихъ хитросплетенныхъ сочиненій въ защиту римско-католическаго вѣроисповѣданія. Отсюда произошли: Лазарь Барановичъ, архіепископъ черниговскій, за сочиненія свои въ защиту православія названный св. Димитріемъ Ростовскимъ «великимъ столпомъ церковнымъ» [3]), Іоанникій Голятовскій, архимандритъ Сѣверскій, подобнаго противника которому такъ явно торжествующаго надъ іезуитами, не видѣли еще сами іезуиты [4]), Леонтій Карповичъ, «подобный Златоусту въ витійствѣ» [5]), Захарій Копыстенскій, архимандритъ печерскій [6]) и многіе другіе. Дѣлались ли притѣсненія и жес-

---

[1]) Такъ Львовскій епис. Гедеонъ Балобанъ основалъ около 1568 г. училище Львовское и около 1596 г. Стрятинское. Опис. кіев. соф. соб. стр. 151.

[2]) Въ семъ отношеніи преимущественно заслуживаетъ присной памят. преос. Петръ Могила.

[3]) Исторія кіевской академіи. стр. 88. Спб. 1843 года.

[4]) Тамъ же. Сочиненія писанныя имъ въ защиту православія, замѣчательнѣйшія слѣд: бесѣда бѣлоцерковская, ученіе о происхожденіи Св. Духа и отвѣтъ греко-рос. церкви римлянамъ. Ис. рус. цер. пер. патр. стр. 109.

[5]) Изъ сочиненій его въ семъ родѣ извѣстны: Палинодія и прибавленіе къ ней. ис. рус. цер. пер патр. стр 107.

[6]) Тамъ же стр. 104. Онъ написалъ обличеніе на унію, которое находится между кн. Толстаго 2,398 сл. жур. мин. нар. пр. 1844. Іюль.

токости папистовъ и уніатовъ невыносимыми, пастыри ходатайствовали предъ королями польскими объ облегченіи участи православныхъ [1]). Когда же увидѣли, что сами короли не въ силахъ защитить ихъ отъ гоненій польскихъ магнатовъ и папской пропаганды, они обратились съ прошеніями и моленіями объ избавленіи ихъ отъ горестной участи къ россійскимъ императорамъ. Слезный голосъ Георгія Конисскаго услышанъ императр. Екатериною II-ю. Трогательно краснорѣчивая рѣчь его королю Станиславу Августу побудила и иностранные дворы: англійскій, прусскій, шведскій и датскій принять дѣятельное участіе въ судьбѣ дессидентовъ [2]). Мятежная Польша пала и православные пастыри и народъ, долго страдавшіе за православную вѣру подъ гнетомъ уніи и папизма, съ радостію возвратились въ лоно древней православной матери своей церкви русской. Такимъ образомъ православные пастыри русскіе, если не успѣли, по различнымъ обстоятельствамъ независившимъ отъ нихъ, совершенно предотвратить успѣхъ папъ и на юго-западѣ Россіи, какъ они сдѣлали это и на сѣверѣ, по крайнѣй мѣрѣ въ продолженіе двухъ столѣтій воспитывали и сохранили въ народѣ при всѣхъ обольщеніяхъ со стороны папы, ту любовь къ православію, съ какою присоединились къ св. церкви русской уніаты. Какъ же могъ папа поколебать православную церковь русскую, стоящую на такихъ непоколебимыхъ столпахъ, поддерживаемыхъ государями и постоянною любовію къ нимъ православнаго русскаго народа.

Не оставлялъ впрочемъ содѣйствіемъ своимъ церкви русской и промыслъ Божій. Трудамъ пастырей и заботамъ пра-

---

[1]) Такъ напр. Петръ Могила въ 1632 г., не смотря на протесты католич. и уніатск. духовенства, исходатайствовалъ у Владислава дипломъ, коимъ 1). подтверждено свободное исповѣданіе вѣры, исправленіе православнымъ должностей, право заводить училища и пр. 2) право избирать митрополита, 3) митрополиту владѣть кіево-соф. соборомъ и нѣкоторыми вотчинами, 4) дозволять всякому отъ уніи переходить къ православію и пр. Опис. кіево-соф. соб. стр. 171.

[2]) Ис. рус. цер. пер. 5 стр. 101 и 102. Москв. 1848. г.

вославныхъ государей русскихъ къ защищенію православія отъ властолюбивыхъ замысловъ папы вспомоществовалъ Самъ Господь, храняй своего избраннаго Израиля, какъ зѣницу ока, допуская бѣдствія на Россію, которыя по неизслѣдимымъ судьбамъ его, то препятствовали проникать и распространяться папизму въ Россіи, то, уничтожая въ ней всѣ успѣхи папъ, возбуждали и утверждали духъ православія въ русскихъ и тѣмъ полагали непреодолимое препятствіе папамъ къ покоренію ихъ своей власти.

Едва только Русь получила свое политическое бытіе и сдѣлалась православною, она тотъ-часъ подверглась жестокому и продолжительному бѣдствію междоусобій княжескихъ за удѣлы. Князья рускіе, въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ, часто безъ всякой благовидной причины, терзали и истощали ее въ междоусобныхъ удѣльныхъ браняхъ, и не проходило года, о которомъ бы не замѣтили наши лѣтописцы: бысть сѣча зла. Казалось, что юная, еще не укрѣпившаяся ни въ силахъ внѣшнихъ, ни въ православіи, Русь должна была прійти въ прежнее свое состояніе—потерять бытіе государственное и религіозное; тѣмъ болѣе, что въ это бѣдственное для Россіи время, могущественный владыка запада устремлялся уже па православную вѣру ея со всею хитростію обольщеній и жестокостію крестовыхъ походовъ. — Но это первое бѣдствіе Руси было и первымъ благотворнымъ дѣйствіемъ Промысла Божія для спасенія основы стоянія ея—православія отъ польскихъ покушеній. Раздробленная на многія княжества, единая по православію, Русь не была доступна для папы уже однимъ своимъ раздробленіемъ. Удобнѣе бы было для него соблазнить Россію въ лицѣ одного ея государя, чѣмъ въ лицѣ всѣхъ послѣдовательно православныхъ князей. Теперь же при множествѣ удѣльныхъ князей, онъ не могъ имѣть успѣха ни въ одномъ изъ нихъ; потому что православныя князья часто ссорящіеся и воюющіе между собою безъ всякой почти благовидной причины, не упустили бы случая возстать и наказать виновнаго въ измѣнѣ православію, дороже котораго для нихъ небыло ничего. Побужденіе къ сему, кромѣ собственнаго не поколебимаго убѣжденія въ православіи и любви къ нему, кромѣ тогдашняго междоусобно-враждующаго духа ихъ князья могли найти и въ ревностномъ защитникѣ православія — митрополитѣ, къ которому они неод-

нократно обращались съ просьбою о примиреніи между собою, котораго они и народъ глубоко уважали какъ своего отца духовнаго и богомольца и голосъ котораго, посему, былъ тогда единственно и равно силенъ для всѣхъ русскихъ. И не поэтому-то ли, между прочимъ, небыло на Руси князей, измѣнившихъ православію, но всѣ ревностно защищали его отъ папизма. Опять и этому успѣшнѣйшему защищенію св. Русской церкви, въ тогдашнемъ состояніи Россіи, содѣйствовали удѣлы-же. Если бы юная, огромная Русь, еще не образовавшаяся въ полное государственное тѣло, управлялась однимъ лицемъ, она не такъ успѣшно могла бы противопоставлять силѣ папскаго оружія собственную силу; потому что небыло тогда постоянныхъ войскъ. Мстиславъ Новгородскій, Александръ Невскій и другіе удобнѣе могли собрать войско въ своихъ удѣлахъ, на которые нападали папы, и скорѣе могли предотвратить бѣдствія своего отечества отъ папскихъ крестоносцевъ, чѣмъ какой нибудь князь, живущій въ Кіевѣ или во Владимірѣ.—Такимъ образомъ то самое, что, повидимому, было благодѣтельно для папы, по предназначенію Промысла Божія, служило препятствіемъ для его замысловъ и содѣйствовало къ охраненію православія и Руси.

Однимъ же изъ важнѣйшихъ событій для нашей церкви и отечества, въ десницѣ благодѣющаго намъ Господа, было татарское иго. Не смотря на благодѣтельныя дѣйствія для православія междоусобій удѣльныхъ князей, ревностные написты, пользуясь сношеніями нашихъ князей съ сосѣдственными латинскими государями, успѣвали чрезъ Венгрію и Польшу проникать въ Россію и предъ нашествіемъ Монголовъ успѣли ужъ въ Кіевѣ и Черниговѣ основать свои монастыри, а въ прочихъ лучшихъ городахъ западной Россіи построили церкви и положили основанія для своихъ будущихъ епископій.—И кто знаетъ, до какой степени въ послѣдующіе вѣки, частію XIII, XIV и XV, моглибы усилиться эти отношенія и связи икакія онѣ имѣлибы слѣдствія для православной Руси? Тѣмъ болѣе, что въ это время уже сами папы, колебленные уже вольномысліемъ и противленіемъ имъ Гуссовъ, Іеронимовъ и наконецъ Лютеровъ, какъ-бы предчувствуя близкую кончину своего огромнаго мірскаго могущества, напрягали послѣднія силы, не только къ удержанію прежнихъ христіанъ подъ своимъ тяжкимъ игомъ, но и

къ распространенію его на прочіе народы. И промышляющій о церкви своей Господь, едва только возникла такая опасность для православной церкви русской послалъ на Россію страшную тучу татарскаго владычества, которая, уничтоживъ всѣ прежнія успѣхи папъ въ Россіи, на два съ половиною вѣка, самые богатые религіозными смутами на западѣ, сокрила насъ отъ Европы и Европу отъ насъ, сокрила такъ, что когда нестало сей роковой тучи, и европейцы начали приходить въ наше отечество, они смотрѣли на наше отечество, какъ на міръ будьто вновь открытый или и доселѣ невѣдомый. Правда и во-время владычества татарскаго не переставали приходить къ намъ римскіе миссіонеры, — но, по случаю многихъ опасностей въ путешествіи по Россіи, они приходили въ нее въ незначительномъ числѣ, а по причинѣ того же самаго владычества, не имѣли въ ней никакихъ успѣховъ. Отдѣливши насъ на цѣлыя почти три столѣтія отъ западной Европы, татарское иго образовало изъ нашего отечества міръ совершенно иной, чуждый по всему европейскому міру; отъ того все, что только непоявлялось у насъ изъ–заграницы, возбуждало въ насъ какую-то непріязнь, подозрѣніе, недовѣрчивость, и ученіе римское изъдавна не любое нашимъ предкамъ, тѣмъ болѣе теперь не могло удостоиться отъ нихъ благосклоннаго пріема. Но была другая важнѣйшая тому причина: это усиленіе въ нашихъ предкахъ, по случаю владычества татарскаго, духа благочестія, духа усердія и приверженности къ своей православной вѣрѣ и царству. Видя непрестанно ужасныя бѣдствія отечества, тѣснимые и преслѣдуемые грозными поработителями, русскіе невольно обращались съ теплою молитвою къ Богу, старались умилостивить его своими жертвами—построеніемъ храмовъ и монастырей и исправленіемъ своей жизни; спѣшили обыкновенно въ отверстые домы Божіи, и тамъ облегчали скорбь души своея предъ служителями олтаря и предъ Самымъ Сердцевидцемъ. А обрѣтая такимъ образомъ все успокоеніе для себя отъ бурь и непогодъ гражданскихъ единственно въ нѣдрахъ православной церкви, они болѣе и болѣе становились приверженными къ ней всею душею, такъ что имя православнаго сдѣлалось для нихъ тожественнымъ съ именемъ русскаго, и христіанъ, не принадлежащихъ къ нашей церкви, они не хотѣли даже называть христіанами. При таковомъ ли расположеніи

умовъ и сердецъ могли принять они отъ сихъ послѣднихъ какое либо ученіе?

Давнее нерасположеніе русскихъ къ папизму, воспитанное бѣдствіями, воспитывали и усиливали сами-же папы своими жестокими мѣрами къ обращенію ихъ въ римскую вѣру. Русскіе издревле смотрѣли на исповѣдующихъ вѣру варяжскую или латинскую, какъ на самыхъ опасныхъ и не примиримыхъ враговъ своихъ, жестокости-же папистовъ, особенно во времена уніи и междуцарствія довели русскихъ до ожесточенія. »Борьбою смерти съ жизнію явилась унія и въ обществѣ и въ церкви.« Трудно изобразить всѣ неслыханныя жестокости, какимъ подверглась Малороссія и Литва за православіе отъ фанатизма римско-католиковъ и неистовства уніатовъ. »Часто бываетъ« писала литовская конфедерація 1599 года, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, какого-бы званія небылъ, не бываетъ въ безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы разорены и опустошены, при томъ съ грабежемъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіемъ, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и умершими. [1]) Польскіе солдаты съ обнаженными саблями принуждали въ храмѣ народъ преклонять колѣна и ударять себя въ грудь по обычаю римскому и по обычаю же римскому читать символъ вѣры съ прибавленіемъ о св. Духѣ. Духовенство латинское переѣзжало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрягали до 20 и болѣе человѣкъ, вмѣсто скотовъ. Тѣ храмы, которыхъ прихожане никакимъ насиліемъ не могли быть вынуждены къ уніи, отданы въ аренду жидамъ; ключи храма и колокольни перешли въ жидовскую корчму. Нужно совершать требу: иди торговаться съ жидомъ, для котораго золото—идолъ, а вѣра христіанская—предметъ злобныхъ насмѣшекъ и ругательствъ. Приходилось платить отъ одного до пяти талеровъ за каждую литургію, отъ одного до пяти злотыхъ за крещеніе и погребеніе. [2]) Присоединимъ еще позорную покупку у жида пасхальнаго хлѣба. »Дѣтей били розгами предъ глазами родителей, и матерей предъ глазами дѣтей. Тутъ вопли и ры-

---

[1]) Актъ конфедераціи, заключенный дворянствомъ въ Вильнѣ 1599 г. ст. опис. Кіево-соф. соб. приб. № 15.

[2]) Ист. Русс. церк. пер. патр. стр. 83.

данія, какія слышны были, можетъ быть, только при Иродѣ». [1]) Защитники вѣры и отчизны были колесованы, сожигаемы въ мѣдныхъ быкахъ, поднимаемы на сваи и тому под... Не изъяты были отъ этихъ жестокостей и пастыри церкви православной. »Молчу, говорилъ Георгій Конисскій въ 1767 году, молчу о пастыряхъ бѣдныхъ, священствѣ нашемъ. Сколь многіе изъ нихъ изгнаны изъ домовъ, сколь многіе въ тюрмахъ, въ ямахъ глубокихъ, во псарняхъ вмѣстѣ со псами заперты были, сѣномъ кормлены; сколь многіе биты и изувѣчены, а нѣкоторые и до смерти убиты. [2]) Въ одно почти время съ появленіемъ въ Малороссіи и Литвѣ уніи«, смутившей народы, породившей въ нихъ вражду и окипѣлой безмѣрною кровію христіанскою» [3]), поляки, по проискамъ іезуитовъ движимые папою, наполнили и всю Россію неслыханными злодѣйствами. Подъ знаменами самозванцевъ и потомъ короля своего Сигизмунда, опи испепелили всю Россію, ниспровергли державу ея, поносили вѣру православную и нѣсколько лѣтъ ругались надъ всѣмъ священнымъ для сердца русскаго. «Ему хотѣлось царствовать не по силамъ, говоритъ полякъ гетманъ Жолкевскій о самозванцѣ второмъ, ему хотѣлось, «установлять тажелыя налоги, взымать большія подати; а наши, которые были при немъ, жили развратно, разбойничая, убивая, насильствуя, не щадя не то, чтобъ чего другаго, даже самыхъ церквей» [4]). Сердце трепещетъ отъ воспоминанія злодѣйствъ, восклицаетъ одинъ изъ нашихъ лѣтописцевъ» описуя времена междуцарствія,—гибли отечество и церковь: храмы истиннаго Бога разорялись, подобно капищамъ Владимірова времени; скотъ и псы жили въ олта-

---

[1]) Слово Георгія Конисскаго, говоренное въ виленскомъ монастырѣ. Сочиненій его 2. 158—160.

[2]) Сочиненій его 1. 162. Спб. 1836 г.

[3]) Отзывъ объ уніи Богдана Хмельницкаго въ его зборовск. договорѣ, ст. 4. см. ист. Малорос. Маркевича ч. 1 стр. 245. Моск. 1842 г.

[4]) Отрывокъ изъ рукописи его о успѣхахъ московск. войны см. губерн. могилев. вѣдомос. за 1848 г. къ № 10-му смес. библ. для чт. 1845 г. т. XI. о томъ же.

рахъ, воздухами и пеленами украшались кони, пили изъ потировъ мяса стояли на дискосахъ; на иконахъ играли въ кости; хоругви церковныя служили вмѣсто знаменъ; въ ризахъ iерейскихъ плясали блудницы. Иноковъ, священниковъ палили огнемъ, допытываясь ихъ сокровищъ; отшельниковъ и схимниковъ заставляли пѣть срамныя пѣсни, а безмолствующихъ убивали» [1]. Нельзя даже безъ отвращенiя читать омерзительныхъ и звѣрскихъ дѣйствiй папскихъ фанатиковъ,—какое же дѣйствiе должны были произвести онѣ на нашихъ православныхъ, благочестивыхъ предковъ, и какъ они должны были смотрѣть послѣ сего на папу и всѣхъ исповѣдающихъ римско-католическую вѣру? Естественнымъ слѣдствiемъ такихъ жестокостей было всеобщее ожесточенiе и ненависть къ притѣснителямъ вѣры и отечества. И жестоко мстили полякамъ воинственные сыны Малороссiи. Подъ знаменами пламенныхъ защитниковъ вѣры: Наливайки, Хмельницкаго и другихъ, они не разъ огнемъ и мечемъ истребляли цѣлыя города и села, не щадя ничего и необращая вниманiя ни на что, кромѣ вѣры, ни на возрастъ, ни на полъ, ни на званiе [2]. Когда же не въ силахъ были избавиться сами отъ жестокостей поляковъ, они хотѣли лучше покориться султану турецкому, чѣмъ оставаться подъ властiю польскаго короля [3]. Слово: католикъ, усвояемое нашими простолюдинами папистамъ, и доселѣ существуетъ въ устахъ малороссовъ, какъ самое поносное, и какъ памятникъ и доказательство тѣхъ жестокостей, какiя производили нѣкогда римско-католики надъ нашими предками, и той ненависти, какую питали къ нимъ наши православные [4]. Съ неменьшею ненавистiю смотрѣли на папистовъ и въ Москвѣ по прошествiи бѣдственныхъ временъ самозванства и междуцарствiя. Православные не считали ихъ даже христiанами, и патрiархъ Филаретъ на соборѣ 1620 года,

---

[1]) Такъ описуетъ эти бѣдствiя Аврамiй Палицынъ. См. Ист. Г. Рос. т. XII, стр, 125—127. Прим. 311.

[2]) Ист. Рус. Цер. пер. патр. стр. 82—92.

[3]) Ист. Мал. Рос. Бан. Кам-го ч. 1, стр. 4.

[4]) Слово: „католыкъ“ употребляется въ Малороссiи въ брани и выражаетъ человѣка вообще мало религiознаго, жестокаго, буяна.

вопреки мнѣнію митрополита Іоны, положилъ перекрещивать обращающихся изъ латинства въ православіе [1]). »Постановленіе не правое предъ ученіемъ евангельскимъ«, говоритъ одинъ изъ современниковъ нашихъ архипастырь—историкъ, »но измѣняемое ужасами времени» [2]). «Опредѣлено было даже», чтобъ впредь никто никакихъ книгъ литовскихъ не покупалъ [3]). Позволяя всѣмъ иностранцамъ исповѣдывать свою религію въ Россіи, отказано было въ этомъ однимъ римско-католикамъ [4]), и, ни при патріархѣ Филаретѣ, ни послѣ него до царя Петра не дозволялось быть въ Москвѣ ни костелу, ни іезуиту [5]). Послѣ сего самъ папа увидѣлъ, что нѣтъ никакой возможности успѣть ему въ Россіи и почти совершенно прекратилъ свои покушенія, хотя и не пересталъ издали слѣдить за ходомъ дѣлъ ея, выжидая болѣе удобнаго случая.

Съ тѣхъ поръ произошло много перемѣнъ и съ Россіею и съ папою. Велика, могущественна и славна стала православная Русь. Она успѣла возвратить въ лоно своей церкви и тѣхъ единоплеменниковъ своихъ, которыхъ обольстилъ было папа. Голосу ея внемлетъ и западъ Европы. Но и теперь она также смиренна, какъ и въ бѣдственныя времена, тотъ же въ ней духъ православія и таже нелюбовь къ римско-католикамъ; также ревностно православны ея пастыри и тотъ же «верховный защитникъ и хранитель господствующей въ ней вѣры»—православный Государь. Потрясено напротивъ могущество папы и голосъ его безсиленъ сталъ даже на западѣ; но тотъ же духъ властолюбія и доселѣ живетъ въ немъ. Не смѣя, и только завидуя благу Россіи, онъ устремился на древнюю православную мать ея—Грецію съ прежнею хитростію и желаніемъ подчинить ее своей власти и тѣмъ нарушить покой всей православной и русской церкви. Но крѣпится православная Греція въ надеждѣ на защиту возстановительницы своей дщери—Рос-

---

1) Соборное изложеніе, напечатанное въ концѣ требника, изд. въ 1639 г.

2) Ис. Рус. Цер. пер. патр. стр. 135.

3) Собр. грам. 3. 298.

4) Маржеретъ стр. 28.

5) Ист. Рус. Цер. пер. патр. стр. 135.

сіи. Не опасны и Россіи его замыслы. Тернистымъ путемъ бѣдствій возведена она промысломъ Божіимъ на высоту нынѣшняго величія. Кротко, терпѣливо съ упованіемъ на Бога шла она по сему пути, и упованіе не посрамило ея, терпѣніе же содѣлало спасеніе. И доколѣ православная Россія свято будетъ возращать свое святое сѣмя—православіе, доколѣ будетъ послушна пастырямъ и любить своихъ православныхъ государей; дотолѣ и Господь Богъ будетъ воздвигать ей царей и пастырей по сердцу своему, дотолѣ и православные государи будутъ блюсти ее своею мощною рукою, дотолѣ и она будетъ стоять непоколебимо.

О МѢРАХЪ ПАПИСТОВЪ КЪ ВВЕДЕНІЮ УНІИ ВЪ ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(Продолженіе.)

11. Воспрещеніе Богослуженія по чину православной церкви, и угнѣтеніе православнаго духовенства.

Насильственныя мѣры прежде всего коснулись: а) Богослуженія по чину православной церкви и б) православныхъ служителей церкви

А.

По обнародованіи уніи, когда духовенство уніатское начало измѣнять православное богослуженіе, перемѣняло церковные антиминсы и требники, и выдумывало формулы на прославленіе и чествованіе папы; — войска польскія, для вспомоществованія уніатскому духовенству разставленныя при церквахъ, съ обнаженными саблями принуждали православныхъ къ римскимъ церемоніямъ,—или же гнали православныхъ изъ церкви въ костёлъ. Напрасно страдальцы умоляли жестокихъ проповѣдниковъ не принуждать ихъ къ уніи, не измѣнять стараго календаря, особенно же латинскимъ ксендзамъ не совершать церковныхъ требъ для православныхъ. [1]). Духовенство римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малороссіи для надсмотра и понужденія къ уніи, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ цугъ. [2]). Стоило только проповѣдникамъ уніи насильно или

---

[1]) Челобитная православныхъ ун. митрополиту Іосифу Рутскому: акты истор. зап. Руси Т. IV. № 189. 1614 г.

[2]) Истор. руссовъ Кониснаго стр. 30, въ чтеніи древностей 1846 г.

тайно ворваться въ православную церковь и въ ней отслужить свою обѣдню, чтобы уже церковь эта, по ихъ правамъ принадлежала уніатамъ или же латинянамъ, и обращалась въ костелъ. [1]) Церкви, не соглашавшихся на унію прихожанъ, отданы въ аренду жидамъ. Жиды вымогали отъ православныхъ деньги за каждое богослуженіе, за церковные требы, за колокольный звонъ, за каждый хлѣбъ, освящаемый въ день Пасхи и за каждую просфору, назначавшуюся къ совершенію святыхъ и страшныхъ таинъ Христовыхъ. Положена была за всякое въ церкви богослуженіе денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, за крещеніе и похороны отъ одного до четырехъ злотыхъ. »Жиды, яко не примиримые враги христіанства, сіи вселенскіе побродяги и притча въ человѣчествѣ,« расказываетъ святитель Георгій Конисскій, »съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверно-прибыточество. Они отобрали къ себѣ въ корчмы ключи храма и колокольни. При всякой требѣ христіанской, ктиторъ долженъ идти къ жиду торжиться съ нимъ, по важности отправы церковной, платить за нее и выпросить ключи. Жидъ же при томъ, насмѣявшись довольно богослуженію христіанскому и перехуливши все чтимое христіанами, называя его языческимъ, гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего не утаено. [2]) Такъ изувѣрство предавало Спасителя новому іудейскому поруганію, въ жалкомъ заблужденіи мечтая, что тѣмъ приноситъ службу Богу! Кромѣ трогательнаго повѣствованія нашихъ лѣтописей объ жидовской арендѣ надъ церквами, объ этомъ же предметѣ мы имѣемъ и свидѣтельства юридическія. Такъ, въ актахъ города Владиміра Волынскаго, подъ 1598 г., записанъ арендный листъ, которымъ владѣлецъ Слуща Черборскаго (въ Холм. повѣтѣ) отдаетъ жиду управленіе церквами, на ряду съ скотными дворами. Вычисляя всѣ угодья, какими арендаторъ долженъ пользоваться, владѣлецъ говоритъ: »со всѣмъ правомъ, управленіемъ и властію ничего на себе, а ни на потомки свое право панованья и властности не зоставуючи, и зо всими малыми и великими съ тыхъ имень приходячими нажитками и доходами, зъ дворами, будованьемъ, загородами, хмельницами, гумнами, оборами, путными и ихъ службами, *съ церквами*

[1]) Оп. Кіево-Соф. соб. стр. 217. [2]) Исторія Руссовъ стр. 41.

и подаваніемъ ихъ, и зо всѣми людьми тяглыми и не тяглыми и проч... [1]) Но и оплаченное арендатору богослуженіе православное не всегда безопасно было отъ поруганія. Очень часто буйная шляхта нападала на церковныя шествія, на похоронныя процессіи: при этомъ, выбрасывали тѣла покойниковъ изъ гробовъ, отнимали у православныхъ свѣчи и кресты, обдирали на иконахъ и Евангеліяхъ оклады, грабили чаши, дискосы, священническія рызы. Трофеи этого поруганія святыни жадные рыцари польскіе продавали и пропивали жидамъ. Жиды передѣлывали церковное серебро на посуду и убранства; жидовки изъ ризъ и стихарей шили себѣ нагрудники, оставляя на нихъ, какъ знакъ торжества надъ вѣрою христіанскою, кресты и священныя изображенія. [2]) Унижавшее православную вѣру въ ея богослуженіи, изувѣрство ксендзовъ, уніатовъ, користолюбіе жидовъ, буйство шляхты и владѣльцевъ—все это вмѣстѣ скоро принесло плоды, не совсѣмъ утѣшительные для царствія Христова на землѣ. »Какое распространеніе славы Божіей является помощію этой новоизобрѣтенной уніи«, говорилъ ревнитель православія Лаврентій Древинскій, депутатъ волынскій на варшавскомъ сеймѣ 1620 года. »Дѣти безъ крещенія отъ сего свѣта отходятъ; тѣла умершихъ безъ церковныхъ обрядовъ, какъ стерво вывозятъ. Народъ живетъ и умираетъ въ непотребствахъ, безъ благословенія браковъ, безъ исповѣди, безъ пріобщенія св. таинъ. Не ужели сіе не самому Богу обида? Не ужели за это отмщевать не будетъ самъ Богъ«? [3]) Не менѣе рѣзко обличаетъ распространителей уніи, ревностный папистъ, но къ счастію умный политикъ, канцлеръ литовскій, Левъ Сапѣга въ письмѣ своемъ къ гонителю православія Іосафату Кунцевичу. [4]) »Безспорно«, пишетъ онъ между прочемъ, »что я самъ объ уніи прилагалъ попеченіе, и оставить оное было бы не благоразумно. Но мнѣ никогда и въ мысль того не приходило, чтобъ ваше преосвященство рѣшились приводить къ уніи народъ столь насильственными мѣрами. Вы пишете, »не пріемлющимъ уніи сдѣлать бы во всемъ запрещеніе, изгнать

---

[1]) Памятники изд. Кіев. ком. Т. 1. отд. 2, стр. 96—112.
[2]) Ист. уніи стр. 300. Ист. русск. церкви Т. IV. стр. 92.
[3]) Истр. уніи стр. 69.
[4]) Тамъ же стр. 75.

бы изъ государства, или по крайней мѣрѣ церкви ихъ отдавать на поруганіе. »Да не содѣется въ отечествѣ нашемъ, столь страшное беззаконіе! Кого вы пріобрѣли, кого уловили такою вашею суровостію, печатаніемъ и запираніемъ церквей? Раздраживъ русскій народъ оскорбленіемъ его благочестія, вы навлекли опасность государству, а можетъ быть и гибель всѣмъ намъ католикамъ. Вотъ плоды вашея хвалимыя уніи.« Во все время царствованія Сигизмунда III постоянно увеличивалось поруганіе и разореніе храмовъ православныхъ. Кіево-печерскую лавру король тремя грамотами передавалъ уніату митрополиту Рогозѣ, но благочестивый архимандритъ Никифоръ Туръ и иноки не отдали святыни на посрамленіе [1]) Кіево-Софійскій соборъ былъ въ рукахъ уніатовъ около 37 лѣтъ (1596—1633). Церковь св. Софіи такъ была опустошена и разорена уніатами что не скоро, при всемъ усердіи православныхъ, возстановлена изъ развалинъ. [2]) Въ Луцкѣ храмы Божіи обращены въ питейные домы. Въ Вильнѣ церкви стали кабаками и гостинницами, на томъ мѣстѣ, гдѣ выстроена была церковь въ честь св. мученицы Параскевы, уже стояла корчма и домъ позорный. Въ Минскѣ церковную землю отдали на построеніе мечети. Въ Туровѣ насиліемъ отобрали храмы съ утварью и выгнали благочестиваго епископа. Въ Оршѣ, Витебскѣ, Могилевѣ даже въ шалашахъ запрещено было молиться... [3]) Напрасны были всѣ усилія благоразумнаго Владислава IV оградить покой православія. Статьи примиренія между уніатами и благочестивыми съ согласія цѣлой націи, изданныя Владиславомъ, нѣсколько разъ при каждой новой коронаціи были подтверждаемы его преемниками [4]); но никогда не была приведена въ исполненіе и первая статья сего примиренія, которою »дозволялось древнее свободное исповѣданіе вѣры и совершеніе св. Таинствъ, починка старыхъ и строеніе новыхъ церквей, въ количествѣ соразмѣрномъ съ уніатскими храмами; также заведеніе богадѣлень, школъ и типографій при братствахъ.« Частыя жалобы гонимаго въ Польшѣ православія государямъ россійскимъ свидѣтельствуютъ, какъ

---

[1]) Опис. Лавры стр. 22.

[2]) Жалоба поданная Владиславу 1632 г. Истр. уніи стр. 93.

[3]) Начиная съ Яна Казиміра и до Станислава Августа.

[4]) Тамъ же 95.

всякій годъ цѣлыми десятками отнимаемы были у православныхъ знатнѣйшіе монастыри и церкви, и были превращаемы въ кляшторы базиліанскіе и [1]) коллегіи іезуитскія, или разоряемы и опустошаемы. Выгоняя православныхъ изъ церквей, паписты обыкновенно приговаривали: »лучше бы намъ имѣть въ тѣхъ церквахъ турковъ и жидовъ, нежели проклятыхъ схизматиковъ (истр. уніи стр. 232).« И для чего схизматическій вашъ Богъ не мститъ обиды своей« (стр. 300)? Видно жидовская вѣра дѣйствительно лучше, нежели ваша схизматическая (стр. 312) Какое у васъ священство и какія таинства совершаются (стр. 335)? Ваша вѣра стародавняя, вѣра холопская, аріанская, собачья« (стр. 410). Въ историческомъ своемъ словѣ, обращаясь къ римскимъ воинамъ, присутствовавшимъ при богослуженіи въ виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ 1767 г., святитель Георгій Конискій трогательно изображаетъ бѣдственное состояніе православныхъ церквей въ Польшѣ. »Вы, храброе воинство россійское, не однажды уже прошли здѣшнія провинціи русскія, какъ-то: Бѣлую Русь, Полѣсье, Волынь, Подоліе, Украину; засвидѣтельствуйте же, много ли вы видѣли церквей нашихъ православныхъ? Подлинно знаю, что въ Коронѣ (Польша великая и малая) не покажете мнѣ ни одной, хотя тамъ еще въ 1686 г. состояли четыре епископіи православныя (луцкая, галицкая, перемышльская и львовская), которыя и трактатомъ вѣчнаго міра, съ Россіею заключеннаго, были охранены. Въ литовскомъ великомъ княжествѣ хоть и осталась послѣдняя епархія бѣлорусская, но и эта большею частію расхищена. Могли вы еще видѣть въ ней нѣкое число церквей православныхъ, но и тѣ сараямъ паче и хлѣвникамъ скотскимъ подобны, а не храмамъ христіанскимъ: жидовскія

1) Истр. уніи стр. 116, 121, 145, 299, 327, 421, — 454. Приложенія къ исторіи уніи: I. Перечень обидамъ, насильствамъ и мучительствамъ, чинимымъ въ Польшѣ и Литвѣ грекороссійскаго исповѣданія людямъ отъ римлянъ и уніатовъ съ 1700 года. II. Реестръ монастырей и церквей грекороссійскія вѣры, въ разныя времена на унію отнятыхъ 1747 г. III. Записка святителя Георгія Конискаго объ отнятыхъ и обращенныхъ на унію церквахъ въ его время.

божницы далече благолѣпнѣйшій имѣютъ видъ. [1]» Какъ бы въ укоръ папистамъ время до днесь сохранило печальныя памятники множества храмовъ православныхъ, искони украшавшихъ города и селенія западной Руси. Рѣдко развалины, часто пустопорожнія мѣста православныхъ церквей, старинныя кладбища и улицы, освященныя именемъ своихъ приходовъ, давно несуществующихъ—вотъ безмолвныя обличители папистовъ въ ихъ изувѣрствѣ.« [2])

Какъ не принявшіе флорентійской уніи, и за то пострадавшіе отъ меча рыцарей малтійскаго ордена, иноки аѳонскіе на развалинахъ своихъ монастырей пѣли псаломъ (LXXVIII »*Боже пріидоша языцы въ достояніе Твое, оскверниша храмы Святые твои*,« [3]) такъ и теперь всякій православный словами того-же псалма невольно выразитъ горестное чувство, раждающееся при взглядѣ на безмолвные памятники безчеловѣчнаго поруганія православной святыни христіанами—папистами.

Б.

Брестскій латино — русскій соборъ, на другой день по обнародованіи уніи, 10 окт. 1596 г., предалъ проклятію православныхъ епископовъ, львовскаго Гедеона и перемышльскаго Михаила, со всѣмъ клиромъ и народомъ. [4]) Съ своей стороны, соборъ православный проклялъ митрополита и епископовъ уніатовъ и лишилъ ихъ іерархическаго достоинства. На соборѣ православномъ присутствовалъ и екзархъ константинопольскаго патріарха Никифоръ. Изреченное имъ отъ лица патріарха проклятіе смутило и заподозрило митрополита и епископовъ уніатовъ. А потому они употребили всѣ усилія

---

[1]) Древнѣйшіе памятники православія и Волыни. Развалины каѳедральной церкви епископовъ владимірскихъ, церкви луцкаго братства, церквей въ Острогѣ. „Въ Вильнѣ развалины Пятницкой церкви. Смотри Ж. М. Н. Просв. 1844 г. ч. 44. стр. 190.

[2]) Тотъ же Ж. 1841 г. ч. 29.

[3]) Акты западной Россіи Т. IV. 109.

[4]) Тамъ же № 104.

убѣдить себя и другихъ въ томъ, что проклятіе экзарха не можетъ имѣть никакой силы. На сеймѣ варшавскомъ 1597 г. предъ королемъ клеветали они, что экзархъ не болѣе, какъ лазутчикъ султанскій. Не смотря на оправданіе экзарха княз[illegible]ъ Константиномъ Острожскимъ, Никифоръ отправленъ въ темницу и тамъ кончилъ жизнь голодною смертію. [1]) Послѣ этого трудно было патріархамъ поддерживать свое вліяніе на православную русскую іерархію. Подъ смертною казнію [2]) запрещены были всѣ сношенія съ патріархомъ. Но несмотря на эту строгость львовское братство имѣло средства сноситься съ церковію константинопольскою. Львовскіе граждане греки и русины каждый годъ отправлялись въ Царьградъ. Находясь тамъ, посѣщали патріарха, получали отъ него духовныя наставленія, напоминанія о твердости въ вѣрѣ и возвратившись, сообщали все это своимъ собратіямъ. [3]) Поборники православія епископы: Гедеонъ Балабанъ и Михаилъ Копыстенскій нѣсколько разъ обвиняемы были предъ королемъ уніатскими митрополитами Рогозою и Поцѣемъ, какъ церковные мятежники, апостаты уніи, и терпѣли отъ властей гражданскихъ различныя угнетенія. [4]) По смерти этихъ святителей у православныхъ долгое время оставался единственный пастырь львовскій епископъ Іеремія Тисаровскій. Не смотря на то, что онъ рукоположенъ былъ молдаво—влахійскимъ митрополитомъ, по жалованной ему королевской грамотѣ, [5]) Поцей звалъ Іеремію на судъ королевскій къ отвѣту, почему вступилъ онъ на львовскую епархію безъ вѣдома и соизволенія его, митрополита всея Руси, и поставилъ своего львовскаго епископа уніата. [6]).

Когда же (1620) іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ посвятилъ для православныхъ митрополита Іова Борецкаго и шесть

---

[1]) Тамъ же слѣдственное дѣло о Никифорѣ № 117.

[2]) Акты зап. Россіи Т. IV № 75.

[3]) Лѣтоп. Львов. Брат. 1602 г.

[4]) Suplem. ad hist. rus. monumenta CLXXXV. Акты З. Р. Т. IV. № 159.

[5]) Тамъ же № 174.

[6]) Тамъ же № 176 и 185.

епископовъ, [1]) уніаты подали королю жалобу, въ которой клеветали, будто Ѳеофанъ патріархъ самозванецъ, шпіонъ султанскій, и поставленные имъ епископы не имѣютъ достоинства іерархическаго и враги отечества. Вслѣдствіе чего король повелѣлъ хватать новопоставленныхъ епископовъ и представлять ихъ на судъ. Эти епископы принуждены были скитаться по городамъ и монастырямъ малороссійскимъ, тайно исполняли пастырскія свои обязанности, укрываясь отъ преслѣдованія сыщиковъ [2]). Въ епархіяхъ владиміро-брестской, пинской и хелмской послѣдними православными епископами были Іосифъ (Курцевичь) [3]), Авраамій, и Паисій (Ипполитовичь)—всѣ трое изъ посвященныхъ патріарховъ Ѳеофаномъ. Хотя статьями примиренія между православными и уніатами, епархіи православныя—кіевская, могилевская вмѣсто полоцкой, перемышльская, львовская и луцкая ограждены были въ своей неприкосновенной цѣлости; но уніатскіе епископы по прежнему оставались въ тѣхъ же епархіяхъ и православныхъ пастырей поносили подложными и неправильными епископами [4]). 1636 г. 5 Сент. окружною грамотою король Владиславъ IV приглашалъ православныхъ жителей Руси и Литвы вступить въ союзъ съ уніатами и избрать по примѣру москвитянъ, особого патріарха [5]). Митрополитъ Петръ Могила, сообщая этотъ универсалъ православнымъ и напоминая о претерпѣваемыхъ церковію угнѣтеніяхъ, совѣтуетъ подумать о предложеніи короля, озаботиться о благѣ церкви, и для разсужденія объ этомъ предметѣ на будущемъ сеймѣ избрать людей извѣстныхъ своею ревностію къ православію [6]). Проэктъ короля не былъ приведенъ въ исполненіе. Хотя король, предлагая православнымъ избрать патріарха, имѣлъ въ

---

[1]) Мелетій Смотрицкій на архіепископію полотскую, Іосифъ Курцевичь—на епископію Владимірскую, Исаакій Черчицкій—на луцкую, Исаія Копинскій—на перемышльскую, Паисій Пузына—на хельмскую и Авраамій Стагонскій на пинскую. (Коялов. т. II. стр. 114).

[2]) Истор. уніи стр. 74. Соч. Георгія Кон. стр. 195.

[3]) Въ Вѣстникѣ Ю.—З. Рос. онъ названъ Іезекіелемъ, равно какъ и Іовъ Борецкій—Іоанномъ, № 6-й стр. 245.

[4]) Историч. извѣстіе о епархіяхъ, бывшихъ православныхъ.

[5]) Suplementum ad. Histor. Rus. Monument. LXXII.

[6]) Львов. лѣтоп. подъ г. 1636.

виду только цѣль политическую—вывести польскихъ русиновъ изъ подчиненности греческой іерархіи; но еслибы, по желанію Владислава, въ патріархи избранъ былъ Петръ Могила, то унія значительно ослабѣла бы, и православіе было бы возстановлено. Высокій умъ Петра Могилы и значительное его вліяніе на народъ зналъ и папа Урбанъ VIII, который въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ убѣждалъ митрополита принять унію [1]). Могъ ли измѣнить православію тотъ, кто предпочелъ княжескому достоинству служеніе православной церкви, гонимой въ странѣ, для него иноплеменной? Святитель, при покровительствѣ благоразумнаго короля, успѣлъ поддержать православіе въ продолженіи всего пастырскаго своего служенія. Въ одинъ почти годъ (1647—1648) скончались оба и Петръ Могила и Владиславъ IV, одинъ истинный поборникъ православія, другой защитникъ русской народности. По смерти святителя Петра Могилы и Владислава IV не осталось для православныхъ никакой надежды и отрады въ страданіяхъ за вѣру. Преемники Владислава не отказывали въ привилегіяхъ новопоставляемымъ православнымъ епископамъ въ русскихъ областяхъ, оставшихся подъ польскимъ правительствомъ; но не было уже въ Польшѣ православнаго митрополита, который бы могъ имѣть вліяніе, какъ на внутреннее іерархическое устройство южно-русской церкви, такъ и на ея защиту отъ внѣшнихъ враговъ. А потому латинское духовенство и магнаты усилили свои притязанія на православную іерархію. Избранный въ православные епископы, не иначе могъ получить королевскую превилегію, какъ по представленіи о немъ латинскаго (львовскаго б. частію) архіепископа, и при покровительствѣ польскихъ вельможъ [2]). Конечно, архіепископы и магнаты представляли въ православные епископы тѣхъ, кого надѣялись впослѣдствіи приклонить на свою сторону. Явственнѣе прежняго обнаружились происки панистовъ при избраніи на львовскую епископію Іосифа Шумлянскаго. Шумлянскій прежде служилъ въ военной службѣ подъ хоругвію гетмана, впослѣдствіи короля Яна Собѣскаго, часто жилъ при его дворѣ и тамъ хорошо былъ принятъ по своему веселому нраву. И этого то человѣка, совершенно равнодушнаго

[1]) H. R. M. pag. 209.

[2]) Львов. братства лѣтоп. подъ 1607 г.

къ православію, предпочли паписты, прежде избранному и утвержденному королевскою привиллегіею на эту епархію, епискону Іереміи Свительницкому, извѣстному ревнителю православія [1]). Желая низвергнуть совмѣстника своего съ епископской каѳедры, Іосифъ Шумлянскій, до принятія еще сана епископскаго, далъ львовскому латинскому архіепископу обѣщаніе принять унію, и при посредствѣ польскаго во Львовѣ гарнизона вступилъ на епископскую каѳедру, 1668 г. Въ Варшавѣ 1677 г. онъ въ присутствіи короля и папскаго нунція отрекся отъ православія, но скрывалъ свое отреченіе до 1700 г., надѣясь въ это время и паству свою приготовить къ уніи [2]).

Такъ паписты въ самой іерархіи православной имѣли уже своихъ приверженцевъ, и что удивительнаго, если подобные наемники, а не пастыри вознерадѣли о спасеніи своихъ пасомыхъ и предали ихъ на расхищеніе врагамъ? Не смотря на то, что договоромъ о вѣчномъ мирѣ (1686 г.) Россіи съ Польшею постановлено было оставить за православіемъ епархіи— луцкую, львовскую, перемышльскую и могилевскую,—еще два епископа, кромѣ Шумлянскаго, приняли унію, перемышльскій Иннокентій 1692 г. и луцкій Мелетій 1700 г. Въ 1711 г. посвященъ былъ для Луцка епископъ Кирилъ, но уніаты выгнали его, и онъ умеръ въ Переяславлѣ, не измѣнивъ православію [3]). Во все время польскаго владычества остававшіеся въ православіи, бѣлорусскіе архипастыри до конца претерпѣли страданія за вѣру. Епископъ Сильвестръ, князь Четвертынскій, уніатами истерзанный и уже обреченный на смерть, при посѣщеніи имъ Кутейнскаго монастыря, взятъ былъ подъ стражу вмѣстѣ съ коммисаромъ, назначеннымъ отъ русскаго двора для защиты православныхъ. (1723 г.) [4]). Епископъ Іеронимъ едва не былъ убитъ какимъ то фанатикомъ польскимъ шляхтичемъ. По смерти этого святителя папа требовалъ отъ польскаго правительства закрыть православную каѳедру въ Бѣлоруссіи [5]). Во-

---

[1]) Львов. брат, лѣтоп. подъ 1666 г.

[2]) Лѣтоп. львов. братства подъ годомъ 1677.

[3]) Истор. уніи стр. 143.

[4]) Истор. уніи стр. 227, 236, Сочин. Кониссваго Т I. LXXYIII.

[5]) Булла отъ февр. 7 1755 г. нап. въ ист. уніи 342—345.

ля папы не исполнилась. За то архіепископъ Георгій Конискій еще болѣе страдалъ отъ фанатиковъ, чѣмъ его предшественники. «Семнадцать лѣтъ боролся онъ съ волками»—папистами, и не разъ подвергался опасности лишиться жизни [1]), доколѣ, какъ пастырь добрый не отдохнулъ «съ овцами» [2]) подъ кровомъ русскаго правительства.

Когда (съ 1789 г.) послѣдній въ Польшѣ православный епископъ переяславскій Викторъ [3]) страдалъ въ варшавской темницѣ, польское правительство, по своей давней польской привычкѣ обманывать, обѣщало православнымъ возстановить митрополію и три епископскія каѳедры. Дѣло это, начавшееся 1791 г. небыло приведено въ исполненіе до самаго паденія Польши [4]). Страданіе православныхъ пастырей епископовъ, ограждаемыхъ и высокимъ саномъ своимъ и частыми привиллегіями королевскими,—можно считать легкими испытаніями, въ сравненіи съ тѣмъ, что вытерпѣли отъ фанатиковъ пастыри священники. Съ самого начала до конца уніи они тяжко страдали и отъ духовенства латинскаго и уніатскаго, и отъ вельможъ польскихъ, и отъ ихъ арендаторовъ любимыхъ—жидовъ, за одно дѣйствовавшихъ. Предполагая, что главною причиною несогласія на унію должно быть невѣжество православнаго духовенства, уніатскіе епископы, и латинскіе ксендзы, въ отношеніи къ православнымъ священникамъ, поставили для себя правомъ «невѣжду страхомъ спасати». Вслѣдствіе такого убѣжденія латинское и уніатское духовенство привлекали православныхъ священниковъ въ унію не совѣтами и обѣщаніями, а угрозами, церковными проклятіями, узами темничными и всѣми возможными инквизиціонными пытками. Привязывали православныхъ священниковъ къ позорнымъ столбамъ, травили собаками, рубили, ломали имъ руки, ноги, морили голодомъ. Этими жестокостями многіе священнослужители были совращены въ унію. Кто же страха ихъ не убоялся и оставался въ право—

[1]) Ист. уніи 359.

[2]) Надгробная надпись Конискому т. 2, стр. 289.

[3]) Ист. уніи стр. 400.

[4]) Проэктъ этотъ описано въ сочиненіи Dzieła kongregacyi generalney obrządku starożytnego greckiego oryentalnego na seymie 1791 г.

славіи, тѣхъ часто умерщвляли самымъ насильственнымъ способомъ, топили, вѣшали, стрѣляли [1]). Если же по счастію оставляли въ живыхъ, то изгоняли изъ приходовъ и домовъ церковныхъ. И этимъ страдальцамъ пастырямъ, страдавшимъ вмѣстѣ съ цѣлыми своими паствами, никто не смѣлъ даже изъ жалости дать пріюта, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія, ненавести и мщенія ихъ враговъ. Особенно жестоко преслѣдовали православныхъ священниковъ уніатскіе священники, воспитанные базиліанами, большею частію латинскими монахами, переодѣтыми по гречески.

Сеймовымъ постановленіемъ 1641 г. предоставлено было православнымъ священникамъ право жаловаться на угнѣтающихъ ихъ уніатскихъ священниковъ. Разумѣется, что справедливости и управы найти было не возможно, и подобными жалобами православные священники въ конецъ разорялись. Насиліе дѣлалъ уніатъ, а судилъ его староста—латинникъ, воспитанникъ большею частію іезуитовъ. Иногда же не было никакой возможности позвать обидчика въ судъ,—потому что уніатскій епископъ переводилъ его на другой приходъ, и онъ церковь сдавалъ своему преемнику. Перваго, обидчика, трудно было найти, а послѣдняго, преемника его, какъ неучавствовавшаго въ насиліи, неслѣдовало позывать [2]). Лишенные дневнаго пропитанія отъ служенія алтарю Господню, пастыри православные не могли прокормиться и трудами рукъ своихъ. Владѣльцы латинники не только отнимали у нихъ земли, но и сожигали ихъ хлѣбъ на нивахъ. Семейства священниковъ принуждаемы были исправлять барщину, и даже приписываемы были въ крѣпостное состояніе [3]). Прошеніе русскаго духовенства чинамъ Рѣчи Посполитой, объ отмѣнѣ конституціи, по силѣ которой сыновья священниковъ русскихъ принуждены были вступать въ крѣпостное состояніе Suplem. ad. Hist. Rus. Munumenta № LXXXII pag. 226. Каждый новопоставляемый священникъ долженъ былъ дорогою цѣною покупать у владѣльца право на пользованія церковными угодьями. Владѣлецъ обыкновенно да-

---

[1]) Акты Запад. Россіи т. № 149 престрога стр. 221.
[2]) Лѣтоп. львов. братства подъ годомъ 1646.
[3]) Zbior wiadomosci i aktow o dziesięcinach koscielnych.

валъ самую неопредѣленную запись о поземельномъ правѣ священника (Erekcia). И этою дарственною грамотою священникъ не освобождался отъ арендныхъ поборовъ. Жидъ—арендаторъ стѣснялъ священника въ исполненіи самыхъ необходимыхъ потребностей хозяйственныхъ. Если же священникъ въ чемъ нибудь не подчинялся управленію жида, напримѣръ, приготовлялъ муку не на той мельницѣ, которая указана ему жидомъ; то жидъ грабилъ имущество священника, и его самаго подвергалъ суду. Часто жидъ, по малѣйшему неудовольствію на священника, обвинялъ его въ государственныхъ преступленіяхъ, мятежахъ и бунтахъ. И по доносу жида невинныхъ страдальцевъ въ псарнѣ томили голодомъ до смерти [1]). Оправданіе православнаго пастыря ничего не значило предъ судьями, жившими на счетъ жидовъ, и совѣстію нисколько не чище жидовской!

Съ восхищеніемъ разсказываетъ объ этихъ угнѣтеніяхъ, претерпѣваемыхъ русскимъ духовенствомъ отъ владѣльцевъ и ихъ арендаторовъ—жидовъ,—составитель извѣстнаго проэкта объ уничтоженіи православной и уніатской вѣры, въ русскихъ областяхъ, подвластныхъ Польшѣ. «Такъ-то умные, достойные вѣчной славы, поляки, предки наши, умѣли пользоваться попами, не менѣе какъ и холопами. Этими-то средствами, т. е. двусмысленными эрекціями, грабительствами при посредствѣ жидовъ, и обращеніемъ въ крѣпостное состояніе—людей духовнаго званія—говорю этими средствами предки наши много схизматиковъ обратили въ унію. Тѣми же средствами, дастъ Богъ, мы и остальныхъ схизматиковъ содѣлаемъ уніатами, потомъ и уніатовъ, превратимъ въ римско-католиковъ, и русское духовенство замѣнимъ римско-католическими ксендзами. Тогда-то цѣль уніи вполнѣ достигнута будетъ, и вездѣ водворится единое католическое исповѣданіе, римское« [2]).

А. В—скій.

(*Окончаніе впредь*).

---

[1]) Konnotacya krzywd, w Episkopii białorusskej podczynionych duchowenstwu. Сочин. Георгія Т. 1 LXXV.—

[2]) Supplementum ad. Hist. Rus. Monument. № LXXXI. Изъ проэкта пункты 7. 8 и 9.

XII.

ПО ПОВОДУ СВИТОКЪ И ХОХЛОМАНІИ.

Мы были крайне удивлены, прочитавши въ 11 № Дня статью (въ областномъ отдѣлѣ) подъ заглавіемъ: «Голосъ изъ Харькова,» и въ особенности примѣчаніемъ самой редакціи.

На сколько задѣтъ этою статьею Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи, это дѣло стороннее—не только для насъ, но, думаемъ, и для самаго Вѣстника. Но вопросъ, обсуждаемый статьею изъ Харькова и примѣчаніе редак. Дня, возбуждаютъ въ духѣ много различныхъ думъ и заставляютъ всякаго честнаго человѣка, знакомаго съ бытомъ и нравомъ здѣшняго народа и съ положеніемъ мѣстныхъ дѣлъ, высказаться откровенно, безъ всякой задней мысли, безъ всякаго предубѣжденія къ одной или другой сторонѣ, съ единственною только цѣлію—высказать истину.

Прежде всего выпишемъ тѣ слова редакціи Дня, которыя насъ болѣе всего удивили: «пишущій эти строки живо помнитъ утро, когда къ его больному старику—отцу, уже нѣсколько лѣтъ переставшему выѣзжать изъ дому и носившему «дома у себя, ради удобства, русское платье, явился однажды «полицейскій чиновникъ, съ письменнымъ приглашеніемъ дать «полиціи подписку: *сбрить имѣвшуюся у него бороду и «впредь оную не отпускать*. К. С. Аксаковъ и Хомяковъ, «также были приглашены и также были обязаны подписками: «*русское народное платье въ публичныхъ мѣстахъ не «носить*. Мы уже ожидали отъ мѣстнаго начальства распоря-

«женія, воспрещающаго употребленіе и русскаго народнаго языка «въ публичныхъ мѣстахъ, но къ счастію времена перемѣнились.»

Мы вполнѣ вѣримъ, что одному *дворянину* приказано было сбрить бороду, а двумъ дворянамъ запрещено носить русское платье въ *публичныхъ мѣстахъ*. Но слѣдуетъ ли изъ этаго выводить то заключеніе, какое вывелъ ред. Дня? Мы знаемъ, что прошедшее царствованіе, дѣйствительно, стремилось именно къ тому, что бы все иноземное или западное, противъ котораго такъ ратуетъ День, было ослаблено, и земля русская получила вполнѣ самостоятельный, русскій колоритъ и характеръ. Два года тому назадъ эта мысль высказана была гласно, одною почтенною и уважаемою личностію кіевскою и напечатана въ Кіевскомъ Телеграфѣ. Эта мысль, сколько намъ извѣстно, принята большинствомъ кіевской публики съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Когда во Франціи появились бородки и бороды и небольшая часть русскаго дворянства начала перенимать эту французскую моду, послѣдовало распоряженіе, чтобы русскому дворянству, и лицамъ служащимъ, французскихъ бородъ не носить. И распоряженіе на счетъ русскаго костюма касалось тоже исключительно нѣсколькихъ лицъ дворянства и только однихъ публичныхъ мѣстъ. Самъ ред. Дня говоритъ, что ношеніе подобныхъ костюмовъ, не должно бы быть дѣломъ партіи или моды, а правительство могло имѣть именно то убѣжденіе, что эти оригинальности—дѣло не безразличное, пришлое. Порицать или одобрять подобныя распоряженія—не наше дѣло, но такъ какъ онѣ касались собственно привиллегированнаго сословія, которое имѣло и имѣетъ особый мундиръ, особыя преимущества и составляетъ въ государствѣ почти офиціальное сословіе; то правительство имѣло законное право требовать соблюденія въ *общественныхъ* и *публичныхъ* мѣстахъ установившейся обычной формы и не подражать безусловно иноземнымъ модамъ, стоящимъ иногда въ такомъ явномъ разногласіи съ требованіями обозначенными для извѣстныхъ мѣстъ, временъ и лицъ. Послѣ этаго логично ли заключеніе, что «слѣдовало затѣмъ ожидать только распоряженія о воспрещеніи употреблять русскій народный языкъ въ публичныхъ мѣстахъ?» Ужели ношеніе козлиной бородки и кучерскаго зипуна равносильно употребленію русскимъ русскаго языка? Этотъ взглядъ, очевидно, направленъ къ искаженію истины.

Не менѣе удивила насъ трактація ред. Дня о свиткахъ. День, кажется, смѣшиваетъ ихъ съ простонароднымъ костюмомъ русскимъ. И въ Кіевѣ были господа, носившіе русскій костюмъ, т. е. красную шелковую рубаху, короткій бархатный зипунъ и такіе же штаны [1]); но эта кратковременная оригинальность нѣсколькихъ особъ, не нашла послѣдователей и сама собою прекратилась. Если, по мнѣнію ред. Дня, времена прежнія миновались и всякому позволено ходить въ чемъ попало (и въ шлафрокѣ, и въ одѣялѣ?); то къ чему возгласы, о доносахъ, тайной полиціи, инквизиціи, генеральствѣ и т. п. пустякахъ, не имѣющихъ ни какого примѣненія къ обсуждаемому вопросу? Вѣдь если одинъ говоритъ, что хорошо носить простонародный костюмъ лицамъ, предназначающимъ себя не для сохи и козелъ, и что тутъ нѣтъ ничего дурнаго, а другой доказываетъ противное, что же тутъ особенно предосудительнаго за что тутъ злиться, толковать о полиціи? Все это говорится не секретно, а открыто и печатно. И къ чему столько натужныхъ хлопотъ о введеніи въ исключительное употребленіе простонароднаго костюма? Ужъ не издать ли по этому поводу особый указъ? Сколько уже лѣтъ хлопочете вы объ украшеніи насъ зипунами, а много ли успѣли? Что же прикажете дѣлать, если все общество улыбается, смотря на нихъ, не сочувствуетъ вашимъ совѣтамъ и даже замѣтивъ на комъ либо изъ молодыхъ людей, предназначающихъ себя къ занятіямъ, непросторабочимъ костюмъ простонародный (большею частію въ искаженномъ видѣ); по неволѣ предполагаетъ, въ этомъ метаморфозѣ заднія мысли, особенныя тенденціи, которыхъ поощрять не слѣдуетъ? Если, затѣмъ, люди опытные, знающіе положеніе дѣлъ, потребности страны и причины, породившія манію къ простонародному костюму, указываютъ неумѣстность и опасность подобныхъ стремленій и предостерегаютъ молодежь отъ увлеченій дурныхъ послѣдствій этого обезъянства, то что же въ

---

[1]) Въ старину, сколько можно судить по описаніямъ, такіе или похожіе на нихъ кафтаны, носились только дома. И теперь многіе зажиточные русскіе люди, придерживающіеся старинныхъ костюмовъ, носятъ такіе же поддевки, но только дома, а въ общество явиться въ нихъ почитаютъ неприличнымъ.

этомъ можно находить особенно дурнаго? Кажется, если даютъ совѣтъ не резонный, то можно отвѣчать и указать на свои резоны, если они есть, но не горячиться, не браниться и, извините, не лгать.

Обратимся теперь къ статьѣ изъ Харькова, вызвавшей такое горячее замѣчаніе ред. Дня. Такъ и видно, что авторъ статьи знаетъ свой народъ только по наслышкѣ. У него все прадѣдовское одинаково дорого—и костюмъ, и типъ, и физіогномія, но только—лишь исключительно простонародныя. Ему *кажется*, что основныя черты славянскаго костюма, сходны во всѣхъ славянскихъ народахъ, а у малоруссовъ они (*тоже-кажется*) такіе то, съ измѣненіями въ различныхъ мѣстностяхъ. Намъ также *кажется*, что основныя черты народнаго костюма, не только похожи у всѣхъ славянскихъ народовъ, но даже просто у всѣхъ народовъ, а измѣненія этаго костюма, даже въ одномъ народѣ русскомъ, безконечны, по пословицѣ: *что городъ то норовъ, что деревня то обычай*. Стоитъ только въ лѣтнее время быть въ Кіевѣ, куда народъ сходится на богомолье изъ всѣхъ областей русскихъ и посмотрѣть какая разнокалиберщина въ этихъ костюмахъ! Какой же именно костюмъ считать общенароднымъ русскмъ, или малорусскимъ?

Авторъ съ какимъ то вдохновеніемъ говоритъ объ эстетичномъ вкусѣ народнаго костюма, но, какъ видно, лично не знаетъ ни народа, ни его костюма, и не имѣетъ ни унціи эстетическаго вкуса, потому что ему только все кажется. Мы опишемъ простонародный костюмъ въ нашей кіевской мѣстности. Крестьянскій лѣтній костюмъ: на ногахъ лапти или кожанцы, потомъ холщевые портки, такая же рубаха, на головѣ соломенная или войлочная, съ высокими тульями шляпа, вотъ и все. Когда крестьянинъ идетъ въ церковь, или въ гости, надѣваетъ свиту и подпоясывается поясомъ, большею частію домашняго издѣлія; но бываютъ поясы и свиты и бумажныя и шерстяныя, смотря по достатку человѣка. Во время зимы надѣваетъ поверхъ свиты (или и безъ свиты) тулубъ и сапоги, а кто подостаточнѣе надѣваетъ и суконныя штаны. Вотъ и весь костюмъ. Что онъ удобенъ и выгоденъ, въ этомъ нѣтъ спора, потому что весь онъ домашняго издѣлія, но чтобы онъ былъ эстетиченъ, или поэтиченъ, это смѣшно даже сказать.

Впрочемъ въ настоящее время и въ крестьянскій бытъ

начинаетъ проникать мода, и на первый разъ въ женской половинѣ: вмѣсто очипковъ и намитокъ, явились на головѣ платки—бумажные и шерстяные (первыя остаются только принадлежностію старухъ и пожилыхъ); вмѣсто безобразнѣйшихъ, дикарскихъ плахтъ спереди и сзади,—юбки, тоже бумажныя или шерстяныя; вмѣсто свитъ—кофты или ольгерки и т. п.— У дѣвушекъ на головѣ вмѣстѣ съ цвѣтами вплетаются и ленты, уборка головы разнообразится; ленты перехватываютъ рубаху на груди и рукахъ,—перстни, серьги, монисты на иныхъ—въ изобиліи. Этими мелочами, какъ равно зеркальцами и поясами, снабжаютъ ихъ русскіе офени, которые учащаютъ сюда съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе,—значитъ товаръ идетъ съ рукъ. Въ прошломъ году у насъ былъ даже одинъ букинистъ съ книгами московскаго издѣлія. У мущинъ также начинаетъ по немногу измѣняться къ лучшему костюмъ и смахивать на костюмы буржуазіи. Впрочемъ это улучшеніе вводится очень туго, и только между самыми зажиточными.

Если такимъ образомъ начинаетъ обобщаться мода и между крестьянами, то ясный знакъ, что и у нихъ рутина начинаетъ пошатываться, вкусъ очищаться; а съ развитіемъ его будутъ развиваться и дѣла,—это не подлежитъ сомнѣнію. По нашему мнѣнію это широкій шагъ впередъ,—это хорошо; а по мнѣнію харьковскаго автора, это—нарушеніе прадѣдовскихъ обычаевъ—значитъ дурно. Ужъ подлинно-«о вкусахъ спорятъ.»

За тѣмъ костюмъ городскаго люда совершенно другаго рода: тамъ онъ до того ужъ разнохарактеренъ, что нѣтъ возможности его описывать. Можно только сказать, что тамъ, гдѣ народъ развитѣе, богаче, тамъ и костюмы ближе къ общеевропейскимъ, и самый народъ—трудолюбивѣе и честнѣе.

Далѣе: для людей, предназначенныхъ къ кабинетнымъ занятіямъ, ни сельскій, ни городской—простонародные костюмы, уже годиться не будутъ по тому даже, что неудобны для этого рода занятій. Вообще—у всѣхъ народовъ, сословій и недѣлимыхъ, во всѣ эпохи, костюмы обусловливаются климатомъ, умственнымъ развитіемъ, сосѣдствомъ, историческимъ ростомъ, а главное—бытовымъ складомъ и ходомъ занятій извѣстныхъ сословій общества и недѣлимыхъ. Смѣшно объединять костюмъ земледѣльца съ костюмомъ воина, священника, судьи, вельможи, школьника и проч и проч.

Къ какому же разряду занятій предназначають себя *свитники*,—чтобы оправдать необходимость и пользу ношенія простонароднаго, сельскаго костюма? Если бы они имѣли въ виду и занятія, требующія пригоднаго для нихъ костюма, тогда еще мы помирились бы съ ихъ капризомъ, или оригинальностью, тогда можно было бы отнестись къ нему съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, потому что тогда они моглибы принести огромную пользу народу и всему обществу, потому что могли бы дѣйствовать разумно, и своимъ примѣромъ, знаніемъ, трудолюбіемъ и честностію, могли бы поднять уровень народнаго развитія и довольства. Но этаго, сколько намъ извѣстно, у нихъ и въ помышленіи нѣтъ. Они, правда, хотятъ дѣйствовать на народъ, но только посредствомъ пропаганды, для заднихъ цѣлей, не понимая, что, даже при добрыхъ намѣреніяхъ, можно сдѣлать весьма много зла.

Авторъ письма изъ Харькова, смотря на народный костюмъ съ поэтической стороны и описывая необходимость держаться въ отношеніи костюма прадѣдовскихъ обычаевъ говоритъ, между прочимъ: «слѣдовательно позднѣйшій прогресъ костюма, «т. е. собственно мода, есть уже болѣзнь происходящая отъ «пустоты и безсодержательности жизни *извѣстнаго* слоя че-«ловѣчества.»

Вотъ что значитъ мода по мнѣнію харьковскаго автора. А мы до сихъ поръ думали, что мода есть результатъ вкуса всего образованнаго міра европейскаго и американскаго, проникающій во многихъ мѣстахъ въ массы даже простаго народа, который не держится уже рутины,—что только народы не образованные, каковы азіатскіе и другіе, не слѣдуютъ модѣ и не знаютъ ее. Но стоитъ ли доказывать харьковскому автору, всю нелѣпость его взгляда на моду. Мы, напротивъ, увѣрены, основываясь на практикѣ всѣхъ вѣковъ и народовъ, а не на теоретической фантазіи, что всякій народъ, придерживающійся своихъ одинокихъ, обветшалыхъ, прадѣдовскихъ костюмовъ и обычаевъ (каковы, напримѣръ, китайцы и имъ подобные), словно окаменѣваетъ и не подвигается впередъ ни на шагъ въ своемъ развитіи, и рутина, вмѣстѣ съ костюмомъ, господствуетъ у него неподвижно.

И у себя подъ бокомъ мы имѣемъ на то доказательства. Посмотрите на нашихъ евреевъ. До 1842 года они носили

старинный свой костюмъ, не измѣняя его ни на іоту. До этой эпохи они крѣпко держались и всѣхъ старинныхъ обычаевъ и предразсудковъ, со всѣмъ окружающимъ ихъ обществомъ не имѣли ничего общаго, кромѣ меркантильныхъ дѣлъ,—жили особнякомъ. Но когда было приказано измѣнить костюмъ ихъ на общеевропейскій, посмотрите, какой произошелъ съ ними метаморфозъ! они стали учиться; входить во всѣ общества, не смотря на существующія еще у нѣкоторыхъ противъ нихъ старыя предубѣжденія; пустились въ литературу; интересы страны болѣе или менѣе интересуютъ и ихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ они сдѣлаются весьма полезными и дѣятельными членами общества. Конечно, все это касается еще пока далеко не всѣхъ евреевъ; большинство, особенно низшій классъ, хоть измѣнили нѣкоторыя еврейскія особенности въ костюмѣ и физіогноміи, но нашли возможнымъ придерживаться все таки своего особеннаго костюма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и древней рутины. Это весьма естественно: цѣлый народъ не можетъ вдругъ переродиться; пройдетъ еще нѣсколько генерацій, пока всѣ они усвоятъ себѣ новый взглядъ на дѣла и отношенія, сообразный духу времени и мѣсту. Довольно того, что данъ толчекъ, и неподвижные доселѣ сыны Израиля начали двигаться впередъ.

Вотъ что еще пишетъ авторъ изъ Харькова, на счетъ русскаго общества: «Возьмемъ наше свѣтское общество XVIII «столѣтія, такъ называемое *образованное*: оно такъ увлеклось «французскою жизнью, что одинаково бросило какъ свой языкъ «и свои обычаи, такъ и родную одежду. Съ той поры наша «жизнь раздвоилась: образовался небольшой кружокъ,—такъ «называемое образованное общество съ формами жизни западно-«европейской, съ *одною заботою корчить изъ себя фран-«цузовъ*,—и масса, остальной народъ, удержавшій все род-«ное (?). Да и что это за общество образованное, считающее «себя такимъ только потому, что бросило народную физіог-«номію? Жалкое образованное общество!»

Какова тирада на счетъ русскаго общества! Если можно сказать, что наше образованное общество безусловно-жалко, то развѣ только потому, что имѣетъ въ средѣ своей такихъ недѣлимыхъ, каковъ харьковскій писатель. Впрочемъ, судя по смыслу выраженія автора, онъ не причисляетъ себя къ числу образованнаго общества,—но, относитъ ли онъ себя къ массѣ,

трудно тоже сказать. Говоря серьезно, рѣчь харьковскаго автора, какъ видно, идетъ собственно о высшемъ сословіи и о массѣ, т. е. народѣ; средняго сословія, составляющаго главную силу и серединную пружину всякаго общества, для него какъ будто не существуетъ. Но и о высшемъ сословіи, будто корчащемъ только изъ себя французовъ и бросившемъ народную физіогномію,—мысли автора въ разладѣ съ дѣйствительностью, писаны по наслышкѣ. Еслибъ авторъ вникнулъ сколько нибудь въ смыслъ своихъ словъ, да сколько нибудь зналъ общество, о которомъ судитъ, то сообразилъ бы, что во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ, между людьми есть люди порядочные и «дрянцо человѣкъ,» есть и умные и глупые, что чѣмъ сословіе ниже и слѣдовательно менѣе образовано, тѣмъ зла и глупостей въ немъ больше, а въ простомъ народѣ больше всего,—что если ужъ высказывать недостатки различныхъ личностей и различныхъ сословій, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ относить ихъ къ цѣлому сословію, высшему ли то, или низшему,—что если бы, наконецъ, харьковскій авторъ сколько нибудь зналъ свою исторію и свою страну, то могъ бы видѣть, что то самое сословіе, которое, по его мнѣнію, корчитъ изъ себя французовъ, при всякомъ случаѣ, когда укажетъ надобность, жертвуетъ для своего отечества и жизнію и достояніемъ, стоя во главѣ всѣхъ другихъ сословій. Мы только ни гдѣ не видимъ, что бы тѣ говоруны, которые корчатъ изъ себя патріотовъ, толкуютъ о народности, хлопочутъ о свиткахъ и т. п., гдѣ нибудь высказали на дѣлѣ свой патріотизмъ и *дѣйствительное* сочувствіе къ родной странѣ,—а между пустыми словами, возгласами и дѣлами, разница неизмѣримая.

Стоитъ ли затѣмъ толковать о неизмѣнности и окаменѣніи родныхъ типовъ и физіогномій! Если типъ Обломовскій будетъ брошенъ, а физіогномія немытая и нечесанная, будетъ вымыта и причесана, то развѣ только харьковскій авторъ можетъ пожалѣть объ этомъ. Ужели все первичное, дикое, невѣжественное должно оставаться такимъ до скончанія міра?

Обратимся теперь къ главному предмету нашей статьи, который и у харьковскаго автора, хоть и отмежеванъ къ выноскѣ, но по всему видно, составляетъ все *суть* его филиппики. Въ этой выноскѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «мы

«думаемъ, что если есть двѣнадцать милліоновъ народа, гово-
«рящаго малороссійскимъ *языкомъ* (?) и имѣющаго свою на-
«родную *литературу* (??!), то нельзя лишить его права поль-
«зоваться своимъ *роднымъ языкомъ* для самообразованія и
«саморазвитія.»

Вотъ оно въ чемъ дѣло! Значитъ, по мнѣнію харьковскаго автора, русскій языкъ, доселѣ здѣсь повсемѣстно употреблявшійся и употребляемый, на которомъ самъ авторъ учился и пишетъ свои статьи, не есть его родной языкъ, а потому, хотя онъ и ведетъ рѣчь о родномъ языкѣ, но не о русскомъ, а малорусскомъ, считая его отдѣльнымъ отъ языка русскаго? Спросимъ прежде всего автора: давно ли существуетъ Русь и давно ли существуетъ, такъ называемая имъ, малорусская литература? Съ какихъ поръ появилось стремленіе къ обученію здѣшняго народа на простомъ языкѣ и съ какою цѣлію? Не далѣе какъ третій годъ тому назадъ, т. е., тогда, когда польскіе патріоты начали мечтать о воскресеніи Польши и когда духовенство повсемѣстно открыло приходскія, *русскія* школы и успѣхъ этихъ школъ превзошолъ всякія ожиданія, что, какъ видно, многимъ хохломанамъ крайне не нравится.

Спрашивается затѣмъ, кто хлопочетъ о томъ, чтобы народъ обучать на малорусскомъ простонародномъ нарѣчіи?

Самый народъ? Нѣтъ, и сто разъ—нѣтъ! Онъ и не думалъ объ этой оригинальности, онъ называетъ самъ себя «руськимъ» (по крайней мѣрѣ въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ), между собою говоритъ по малоруски (или какъ самъ онъ выражается—по мужицки), но въ церкви онъ привыкъ слышать языкъ славянскій и русскій—языки церкви и проповѣди. Первый языкъ съ незапамятныхъ временъ сдѣлался достояніемъ нашей религіи, и перемѣну его въ церкви народъ почтетъ не иначе какъ за ересь. Проповѣди говорятся всегда на обыкновенномъ русскомъ языкѣ, который здѣсь во всеобщемъ употребленіи, который народъ считаетъ также своимъ роднымъ языкомъ, принадлежащимъ болѣе развитымъ классамъ общества и который также хорошо понимаетъ какъ и свой простой языкъ,—натурально, когда рѣчь идетъ о предметахъ и вещахъ ему доступныхъ; многіе и сами говорятъ общимъ, русскимъ языкомъ. Духовенство пробовало говорить проповѣди простонароднымъ нарѣчіемъ, но народъ обижался, почиталъ это

просторѣчіе насмѣшкою надъ нимъ и религіей,—короче это нововведеніе въ церкви не могло приняться.

Хлопочетъ *общество*? Тоже нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Оно говоритъ вообще языкомъ русскимъ, не имѣетъ ни какого повода даже думать о народномъ обученіи на малорусскомъ нарѣчіи, на которомъ, въ настоящемъ его видѣ, и говорить можно только о самыхъ обыденныхъ вещахъ, не выходящихъ изъ круга простонародной жизни и занятій.

Наконецъ *мѣстные литературные органы*, которыхъ въ Кіевѣ издается довольно (однихъ періодическихъ изданій 8) и въ которыхъ принимаютъ участіе развитѣйшіе люди страны. Конечно, нѣтъ. Всѣ они пишутся по русски и не только ни одинъ журналъ и ни одна газета не сочувствуютъ введенію малорусскаго нарѣчія въ обученіе, но нѣкоторые сильно и весьма резонно возстаютъ противъ такого нововведенія, признавая его совершенно лишнимъ и не нужнымъ; а въ политическомъ отношеніи вреднымъ, ведущимъ народъ, общество и государство къ раздвоенію.

Послѣ этаго спрашивается вновь,—кто же хлопочетъ о заведеніи обученія въ сельскихъ школахъ на малорусскомъ нарѣчіи? Скажемъ, не обинуясь: во первыхъ *поляки*. Это можно видѣть и изъ отчета, напечатаннаго въ Кіевскомъ Телеграфѣ (№ 35, 1863 г.) за 1862 г., о рукописяхъ и книгахъ, написанныхъ на малорусскомъ нарѣчіи, представленныхъ въ кіевскую цензуру. Ихъ было всѣхъ 39 (ни одно не напечатано въ Кіевѣ) и большая часть ихъ написана поляками. Намъ весьма понятны эти затѣи польской партіи: мечтая сами и желая увѣрить легковѣрныхъ, что страна эта есть страна польская, а не русская, они весьма естественно, хлопочутъ о томъ, что бы ослабить здѣсь русскій языкъ, или даже совсѣмъ вывесть его изъ употребленія, замѣнивъ его полу-польскимъ нарѣчіемъ, малорусскимъ, придавъ ему названіе особаго языка и тѣмъ положить начало раздѣленію малой Руси отъ великой. Полякамъ весьма выгодно поддерживать, а то, пожалуй, и больше ополячивать то нарѣчіе, которое ими же выработано, напоминаетъ эпоху подчиненія—русскихъ областей Польшѣ и при услугѣ котораго легче ополячить здѣшній народъ. Хлопоты, конечно, безполезные. Живая рѣчь простолюдина—малоросса, постоянно сталкиваясь съ русскою рѣчью, весьма много ввела уже въ

ВОЛЫНСКАЯ СТАРИНА.

ГОРОДЪ ОСТРОГЪ

Немного такихъ живописныхъ видовъ, какой поражаетъ путешественника при въѣздѣ въ г. Острогъ съ запада: откуда представляется взору старый замокъ князей Острогжскихъ, въ которомъ надъ множествомъ развалинъ, наполняющихъ городъ высятся, подобно исполину, величественные останки византійскаго стиля православной Богоявленской церкви, построенной въ 15-мъ столѣтіи боголюбивымъ княземъ Острогжскимъ Василіемъ Θеодоровичемъ Краснымъ. Если вообще всякое разрушеніе наводитъ на душу какое то уныніе, то особенно грустно преданіе, о событіи, доведшемъ эту церковь до разрушенія: потому, что съ нимъ соединяется воспоминаніе дѣйствій іезуитскаго ордена на Волынѣ. Странно, что самое названіе этого ордена не возбудило, въ христіанскихъ народахъ особенной, въ отношеніи къ нему предосторожности. Ибо тогда какъ на востокѣ пустынножители и отшельники, посвящавшіе себя на служеніе Богу въ цѣломудріи, постѣ, нестяжаніи и самоотверженіи называли себя, просто, иноками или монахами; а на западѣ со временъ преподобнаго отца нашего Венедикта назывались именемъ своихъ учредителей (Игнатій Лойіола называлъ своихъ послѣдователей обществомъ Іисусовымъ). Вникнувъ въ смыслъ этого названія при первомъ появленіи іезуитовъ, каждый удобно могъ уже видѣть, что ихъ новое общество, не сдѣлавъ еще ничего знаменитаго, поставляетъ себя выше всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ и тѣмъ выказываетъ непомѣрную гордость или что оно будетъ дѣйствовать въ духѣ, какого-то новаго іисуса, подобно тому, какъ фарисеи ожидали мессію не предсказаннаго пророками, коего царствіе нѣстъ отъ міра сего, но земнаго завоевателя, который покоритъ рабству іудеевъ всѣ

народы: потому что если истинная христіанская церковь есть общество истинно вѣрующихъ въ Іисуса Христа, то всѣ, входящіе въ союзъ истинно вѣрующихъ въ него, составляютъ общество Іисусово. Изъ сего очевидно, что общество послѣдователей Лойіолы, назвавшись обществомъ Іисусовымъ, или было дѣйствительно таковымъ и по сему не имѣло надобности между христіанами въ такомъ названіи, или было обществомъ противнымъ духу Іисуса Христа, предсказаннаго пророками и проповѣданнаго апостолами. Вскорѣ доказали это событія, совершившіяся въ слѣдствіе кореннаго правила іезуитовъ: будто хорошая цѣль освящаетъ и беззаконныя средства, а найлучшая цѣль, къ которой каждый іезуитъ долженъ стремиться, есть все объемлющая сила, слава и богатство іезуитскаго ордена. Правило это во всей силѣ проявилось въ напряженнѣйшихъ дѣйствіяхъ іезуитовъ къ совращенію князей Острогжскихъ изъ православія въ латинство. Вѣчная истина Спаситель,—дѣйствовалъ такъ, что, по выраженію писанія, *ни лжи, ни лести, не было во устахъ Его*; поучалъ людей, что *діаволъ лжецъ и отецъ лжи*; а іезуиты къ совращенію съ первобытнаго вѣроисповѣданія дворянъ русскихъ и литовскихъ не совѣстились утверждать будто острогжскіе, литовскіе и другіе русскіе князья по вѣрѣ своей первоначально были въ соединеніи съ Римомъ тогда, какъ Острогжскіе не щадили пожертвованій къ сохраненію въ западной Россіи древняго православія, которому искони слѣдовали, а литовскіе князья, по свидѣтельсву Стрыйковскаго, по розысканіямъ Нарбута и другихъ писателей, были перекрещиваемы ксендзами изъ православія въ латинство. Однакожъ лживыми увѣреніями, при содѣйствіи тогдашняго правительства, тайныхъ козней и насмѣшекъ, успѣли наконецъ іезуиты совратить Януша (сына Константина князя Острогжскаго) учившагося ратному искуству при дворѣ нѣмецкаго императора Максимиліана II-го. Къ счастію старшій братъ Януша Константинъ, хотя также поколебался было іезуитскими софизмами, вскорѣ однакоже распуталъ ихъ хитросплетенія и сохранилъ въ чистотѣ вѣру предковъ своихъ; а младшаго брата его Александра не могли поколебать въ православіи ни просьбы, ни обольщенія жены его, бывшей, какъ говорятъ вошло въ обычай, католичкою. Къ прискорбію единственная, по смерти первыхъ дѣтей его, дочь Анна, бывшая въ супружествѣ за великимъ

гетманомъ Ходкевичемъ, по смерти отца и мужа, вполнѣ предалась іезуитамъ. Быть можетъ, что ее расположилъ къ тому примѣръ матери, или что воспитаніе ея въ прародительской вѣрѣ было запущено. Какъ бы то ни было, только іезуиты не только умѣли отклонить ее отъ православія; но даже успѣли распалить ея мечтательность идеаломъ святости, сообразной съ ихъ видами. Однакожъ изъ повѣствованія о запущеніи Богоявленской церкви можно заключать, что іезуиты боялись, чтобы гробъ родителя Анны, погребеннаго въ той церкви, не привлекалъ ее ко храму, а торжественность православныхъ обрядовъ и вразумительность языка, на которомъ въ томъ храмѣ совершалось богослуженіе, не возбудили въ ея совѣсти вопроса: съ какого пути іезуиты совратили и какимъ путемъ теперь ведутъ её?-По сему, какъ послѣдствія показываютъ, опасенію, не смотря, что Спаситель нѣкоему юношѣ, изъявившему желаніе за Нимъ слѣдовать по погребеніи отца своего, сказалъ: *оставь мертвыхъ!* іезуиты дотолѣ стращали робкую совѣсть Анны увѣреніемъ, что она еще не на пути совершенства, обѣщаніемъ вымолить спасеніе души родителя ея Александра, если она перевезетъ гробъ его въ ихъ коллегію, софизмами, что безъ сего условія онъ, какъ схизматикъ, по ихъ мнѣнію, погибъ на вѣки! Доколѣ бѣдная Анна не покорилась ихъ волѣ;—но и этого для іезуитовъ было мало; имъ хотѣлось одною и тою-же кознію достигнуть главнѣйшихъ своихъ цѣлей побудить гражданъ Острога и окрестныхъ его жителей, хотя къ чему нибудь похожему на мятежъ, а за симъ привить въ г. Острогѣ и его окрестностяхъ любимое свое пораженіе, свою вожделѣнную унію. Распаленные такимъ желаніемъ, не смотря на то, что гробъ князя Александра можно было взять изъ церковнаго склепа во всякое время, іезуиты заставили Анну перевезть его въ ихъ коллегію въ ночь Свѣтлаго Воскресенія Христова, чтобы тѣмъ нарушить торжественность христіанскаго праздника, отравить горестію праздничное веселіе православныхъ, чтобы такимъ образомъ острогжскихъ жителей по ревности къ вѣрѣ отцевъ своихъ, по своей преданности къ православнымъ своимъ владѣльцамъ, при извѣстіи о похищеніи тѣла любимаго своего князя, коего гробъ считали они своимъ завѣтнымъ, безцѣннымъ сокровищемъ, неимѣвшихъ времени охладѣть отъ праведнаго негодованія и обдумать свои дѣйствія,—

4*

взволновать и побудить къ возстанію на княжну свою. Желаніе іезуитовъ совершилось, только къ возбужденію безрасудной вспышки въ народѣ, требовалось еще новое подстрекательство, новое нарушеніе святости праздника и уничиженіе православныхъ обрядовъ. Оно не умедлило. Іезуитъ Нѣсяцкій и уніатъ Стебельскій говорятъ въ своихъ запискахъ, что когда княгиня Анна на возвратномъ пути изъ іезуитской коллегіи, была окружена народомъ громко роптавшимъ на святотатственное похищеніе изъ церкви тѣла князя Александра: то Анна, эта іезуитская праведница, раздраженная нетерпѣливостію и гнѣвомъ, приказала кучеру ударить по лошадямъ, и проѣхала каретой по пасхальнымъ хлѣбамъ, даже и другимъ снѣдямъ во множествѣ разставленнымъ вокругъ церкви и на замковомъ мосту; что раздраженный за сіе народъ, сталъ швирять въ карету красными яйцами такъ, что не только запачкалъ платье Анны, но даже кто-то изъ народной толпы подбилъ княгинѣ одинъ глазъ яйцомъ. Въ слѣдъ за симъ, по наущенію іезуитовъ, схвачены были почетнѣйшіе граждане и двѣнадцать членовъ острогжскаго магистрата обременены оковами, брошены въ тюрьму и преданы суду. Извѣстно, что въ это время дѣйствіемъ управляемаго іезуитами тогдашняго правительства православные были удалены отъ всѣхъ правительственнымъ мѣстъ и лишены правъ гражданскихъ. Посему никто не смѣлъ возвысить голоса къ извиненію безрасудной опрометчивости народа, доведеннаго іезуитскими кознями до мгновеннаго безумнаго возстанія; а мѣстная уголовная палата, по тогдашнему трибуналъ, должна была дѣйствовать по всей іезуитской волѣ и посему опредѣлила: однихъ изъ жителей острогжскихъ обезглавить, другихъ четвертовать, иныхъ колесовать; а домы главнѣйшихъ гражданъ разрушить и мѣста ихъ засѣять солью. Но когда подсудимымъ прочитанъ былъ на мѣстѣ казни приговоръ; то Анна, къ довершенію трагико-комедіи, объявила имъ съ своей стороны будтобы изъ великодушія прощеніе. Однако тогда-же сорокъ православныхъ священниковъ, по опредѣленію трибунала, лишены своихъ приходовъ; хотя ни Нѣсѣцкій, ни Стебельскій не могли придумать на нихъ ни тѣни какой нибудь вины, кромѣ того, что они были православные, что въ очахъ іезуитовъ было величайшимъ беззаконіемъ. Тѣже писатели утверждаютъ, что съ тѣхъ поръ православные разными средствами были заставляемы

участвовать въ римскомъ праздникѣ, именуемомъ *Божіе тѣло*, и будто съ тѣхъ поръ утвердилась въ Острогѣ унія; но митрополитъ Петръ Могила въ книгѣ своей »Kamień z procy« утверждаетъ, что унія усилилась въ народѣ отъ того, что въ продолженіе сорокалѣтнихъ гоненій православія, гонители всѣ средства употребляли, чтобы не допускать никого изъ православныхъ къ рукоположенію въ священники, а священниковъ ихъ изгоняли изъ приходовъ и подвергали всякимъ страданіямъ и бѣдствіямъ. Изъ разсказаннаго событія можно усмотрѣть еще, что іезуиты успѣли по своему обычаю окружить свою Анну— Алоизію своими клевретами и прислугою вполнѣ имъ преданною: потому что ни одинъ изъ православныхъ не дерзнулъ бы тронуть гробъ любимаго своего князя, а тѣмъ менѣе не рѣшился бы на святотатственное его похищеніе. Со времени же описаннаго событія городъ Острогъ сдѣлался жилищемъ жидовъ, іезуитовъ и другихъ римскихъ монаховъ, а граждане вытѣснены на края города и его предмѣстія.

Въ острогжскомъ замкѣ уцѣлѣла еще одна огромная старинная башня, палаты, въ которыхъ будтобы жили князья и подвалы; въ самомъ городѣ имѣются еще развалины кармелитскаго и другихъ монастырей, разрушенныхъ такъ же не человѣческою рукою, только причиною разрушенія ихъ не были козни и коварства людей

Знаменитая типографія, учрежденная въ 1580 году ревнителемъ православія Константиномъ Константиновичемъ княземъ Острогжскимъ, въ которой напечатана Библія, извѣстная подъ именемъ Острогжской, по удоствѣренію старожиловъ, находилась въ каменномъ, двухъ этажномъ домѣ и теперь еще существующемъ на лѣвой рукѣ при поворотѣ въ улицу ведущую изъ города къ дубенской заставѣ. Въ подтвержденіе сего многіе еще говорятъ, что до 1809 года, въ которомъ весь г. Осстрогъ пострадалъ отъ пожара, на фронтонѣ сказаннаго дома видны были еще изображенія ликовъ святыхъ православной церкви.

На подобіе бывшей въ г. Острогѣ Богоявленской церкви благочестивымъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Острожскимъ построена и существуетъ по сію пору близъ Острога церковь въ с. Мижиричѣ; но она княземъ Янушомъ Острожскимъ, принесшимъ на жертву Риму русское свое сердце, отдана францисканскимъ

монахамъ, гдѣ находилось знаменитое въ свое время острогжское славяно—греческое училище, коего первымъ ректоромъ и учителемъ былъ славный ученостію Кирилъ Лукаръ, бывшій въ послѣдствіи константинопольскимъ патріархомъ, теперь въ Острогѣ никакихъ уже нѣтъ слѣдовъ.

ДЕРМАНЬ.

Въ 20-ти верстахъ отъ города Острога по лѣвой рукѣ отъ дороги въ Дубно находится достойный вниманія путешественника дерманскій Святотроицкій монастырь, построенный, какъ со всею вѣроятностію можно полагать, также въ 15-мъ столѣтіи Василіемъ III Θеодоровичемъ княземъ Острогжскимъ. Древняя стѣна съ уцѣлѣвшими по мѣстамъ амбразурами и особенно огромная башня съ воротами сего монастыря, показываютъ, что онъ былъ построенъ съ цѣлію не только дать пріютъ желающимъ въ тишинѣ уединенія подвизаться въ иноческомъ званіи, но и быть защитою окрестныхъ жителей отъ непріязненныхъ нападеній. Дѣйствительно укрѣпленное мѣстоположеніе монастыря, построеннаго на высокой горѣ, неприступнаго съ трехъ сторонъ по утесистымъ обрывамъ окруженнаго покрытыми боромъ, горами, составляющими отрасль Карпатскихъ, въ 15-мъ столѣтіи не только могло выдержать долговременную осаду, но и могло быть неприступнымъ по тогдашнимъ стратегическимъ понятіямъ; но кромѣ указанныхъ болѣе старинныхъ зданій въ семъ монастырѣ не уцѣлѣло, за то уцѣлѣли письменные памятники старины и благочестія князей Острогжскихъ, какъ то:

1-е. Рукописное четверо—евангеліе въ листъ, пожертвованное сему монастырю Константиномъ Ивановичемъ княземъ Острогжскимъ, какъ о семъ свидѣтельствуетъ собственноручное его надписаніе, 1505 года. Сіе евангеліе достойно вниманія даже по искуственному сребропозлащенному переплету, украшенному амаліей и драгоцѣнными камнями, изъ которыхъ многіе неизвѣстно когда потеряны.—2-е Рукописный переводъ на славянскомъ языкѣ книги св. Діонисія Ареопагита о божественной іерархіи 1371 года. 3-е Рукописный Апостолъ, пожертвованный, какъ сказано въ надписаніи, въ дерманскую лавру 1538 года. 4-е. Рукописный переводъ на славянскомъ языкѣ бесѣдъ

Каллиста патріарха константинопольскаго 1499 года. Кромѣ сего въ монастырской библіотекѣ уцѣлѣли книги печатныя въ Дерманской типографіи, именно: 1-е. Октоихъ въ листъ 1604 года. 2-е, Лекарство на оспалый умыслъ.

Но особенно достоинъ замѣчанія помянникъ или рукописная книжечка, въ четверть, въ которую вносились имена благотворителей обители. Въ этомъ помянникѣ не только прописанъ родъ князей Острогжскихъ, но и князей Слуцкихъ, Луцкихъ, Саламирецкихъ, Ольшанскихъ, и многихъ другихъ древнихъ волынскихъ дворянъ и господъ. Изъ сихъ родовъ, какъ усматривается изъ памятника, многія лица были не только въ епископскомъ но и въ монашескомъ и священническомъ званіи православной церкви.

Такой-же и столько-же древній помянникъ сохранился еще въ Клинецкой церкви ровенскаго уѣзда; но въ семъ послѣднемъ помянникѣ прописаны другіе роды; именно: князей Чарторыйскихъ, князей Ольдерговичей, князей Трубецкихъ, господъ Стукаловъ, Рыловскихъ, Голубовъ, и многихъ другихъ, изъ которыхъ также нѣкоторые лица были монахами и священниками православной церкви. Такимъ образомъ, когда памятники гордыни и страстей человѣческихъ, сокрушенные переворотами потрясавшими въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ здѣшными странами, истлѣли и сравнены съ землею, имена благочестивыхъ людей остаются незабвенными подъ кровомъ святыни; съ умиленіемъ воспоминаются при совершеніи безкровной жертвы служителями Олтаря Господня, коимъ православною церковію, поставляется въ непремѣнную обязанность при всякомъ богослуженіи возносить молитвы, о упокоеніи душъ строителей и благодѣтелей храмовъ Божіихъ

ГОРОДЪ ДУБНО.

Достояніемъ князей Острогжскихъ, какъ извѣстно, въ старину былъ и городъ Дубно, въ которомъ также имѣли они свой укрѣпленный замокъ крайне обветшавшій уже, но сохранившійся еще доселѣ. Кромѣ сего здѣсь сохранилась доселѣ каменная Преображенская церковь, построенная однимъ изъ пра-

вославныхъ князей Острогжскихъ въ византійскомъ стилѣ и притомъ съ амбразурами въ видѣ крѣпостцы, только къ сожалѣнію при обновленіи сей церкви по плану неискуснаго архитектора измѣненъ древній стиль ея. При ней доселѣ уцѣлѣли въ развалинахъ каменныя келіи бывшаго здѣсь мужескаго монастыря.

Достойна также вниманія Крестовоздвиженская церковь, построенная на полуостровѣ, омываемомъ съ трехъ сторонъ рѣкою Иквою, въ память бывшаго здѣсь монастыря, котораго игуменомъ былъ преподобный отецъ нашъ Іовъ, по прозванію Желѣзо. Сей святый отецъ, бывъ испрошенъ незабвеннымъ ревнителемъ православія Константиномъ Константиновичемъ княземъ Острогжскимъ у игумена бывшаго въ Карпатскихъ горахъ Угорлицкаго монастыря, какъ прославившійся еще въ юности строгостію иноческой жизни, для показанія образа аскетическихъ подвиговъ братіи Дубенскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, 20-ть лѣтъ былъ игуменомъ сей обители, но смущаемый почестями, которыя воздавали ему православныя князья, господа и стекавшійся къ нему изъ окрестныхъ странъ народъ, избѣгая славы міра сего, удалился тайно на Почаевскую гору, гдѣ слова убѣжденный иноческою братіею согласился быть игуменомъ и переселился въ блаженную вѣчность 1651 года.

Въ вышеупомянутой Преображенской церкви памятникомъ благочестія князей Острогжскихъ можно почесть уцѣлевшій доселѣ колоколъ, литый 1517 года; а въ соборной деревянной Николаевской церкви два большіе массивные литые изъ мѣди подсвѣчника, изъ коихъ на каждомъ по пяти вѣтвей съ чашечками для вставливанія въ нихъ большихъ свѣчей, каждый изъ сихъ подсвѣчниковъ уставленъ на трехъ большихъ литыхъ-же изъ мѣди львахъ и на обоихъ вычеканена кругомъ надпись: Konstantinus Konstantinides Dei gratia dux Ostrosiae Palatinus Kijoviensis, marsaluss terrae Volyniensis, capitaneus Vladimirensis, а на среднемъ обручѣ подсвѣчниковъ высѣчены на нѣмецкомъ языкѣ слова; mit Gottes hilf: Ges: Mich. Lucas Triedoland anno 1575.

свой разговоръ русскихъ словъ; но хохломаны, дѣйствуютъ на оборотъ: всякое, вошедшее въ нарѣчіе чисто русское слово, они стараются выбросить, а вводя новыя слова—польскія, не трудно потомъ приблизить малорусское нарѣчіе къ польскому, до того по крайней мѣрѣ, дабы оба языка подошли до возможности слитія ихъ въ одинъ говоръ,—а самое названіе Руси замѣнить польскою Украиною.

За тѣмъ слѣдуютъ такъ называемые *хохломаны*. Какая ихъ цѣль? Они прикрываются желаніемъ пользы народу, который будто бы *не понимаетъ русскаго языка*. Такъ ли на самомъ дѣлѣ? До 1831 года здѣсь только— въ Кіевѣ, да въ духовныхъ заведеніяхъ преподаваніе шло на русскомъ языкѣ, во всѣхъ же свѣтскихъ заведеніяхъ, русскаго языка почти не было въ употребленіи, даже на правахъ иностраннаго. Надо сказать, что въ ту пору здѣшнее духовенство русское, будучи крайне бѣдно и стѣсняемо латино-польской пропагандой и панскимъ гнетомъ, было плохо образовано, за исключеніемъ не многихъ личностей. Въ быту своемъ оно мало чѣмъ отличалось отъ крестьянъ, въ обыденной жизни, оно вело рѣчь одинаковымъ съ крестьянами выговоромъ малорусскимъ, особенно церковные причетники; но обучалось на обыкновенномъ русскомъ языкѣ, и никогда не было и вопроса о томъ, чтобы этотъ языкъ былъ непонятенъ, не былъ бы *роднымъ* и чтобы его нужно было замѣнить малорусскимъ,—полякамъ же въ то время не приходило и на мысль хлопотать объ обособленіи малорусскаго нарѣчія. Въ прошломъ вѣкѣ, какъ ни плохо было образованіе духовное, но по времени оно было достаточно, заведено было здѣсь гораздо раньше, нежели во внутреннихъ губерніяхъ и потому, когда тамъ начали заводить духовныя учебныя заведенія, многіе наставники изъ Кіева были высылаемы и въ Москву, Петербургъ и другія мѣста, а между тѣмъ объ образованіи здѣсь на малорусскомъ нарѣчіи и непониманіи русскаго языка, также не было и помину.

Послѣ 1831 года, во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, обученіе заведено на русскомъ языкѣ, которое продолжается до настоящаго времени. Въ самомъ началѣ русскій языкъ принялся какъ *на родной почвѣ* и ни одного слова не заявлено въ пользу того парадокса, чтобы этотъ языкъ былъ для кого непонятенъ, а между тѣмъ въ учебныхъ заведеніяхъ воспитыва-

лось и воспитывается много простаго народа; число же учебныхъ заведенiй и число учащихся въ нихъ, значительно болѣе, нежели въ любой изъ внутреннихъ губернiй. Причетники въ домашнемъ быту и теперь почти всѣ употребляютъ мѣстное простонародное нарѣчiе, но никогда не затруднялись ни учить, ни обучаться на русскомъ языкѣ.

Лѣтъ 20 назадъ вѣдомство государственныхъ имуществъ завело у себя достаточное количество сельскихъ школъ, завело и сельскiя правленiя и въ нихъ писарей. Въ самомъ скоромъ времени всѣ писарскiя должности замѣстились крестьянскими мальчиками, мало того, даже палаты и окружныя правленiя наполнились ими. И обученiе и переписка съ сельскими правленiями и въ самыхъ этихъ правленiяхъ, велась и ведется на русскомъ языкѣ, и чтобы кто нибудь изъ крестьянъ не понималъ его, не возбуждалось также никакого вопроса. Хохломаны, не имѣя возможности отрицать факта, толкуютъ, что, пока мальчики выучатся читать и писать по русски, съѣдятъ много лозы. Лоза, къ сожалѣнiю, была у насъ самымъ популярнымъ педагогическимъ прiемомъ, не исключая даже гимназiй и всѣхъ учебныхъ заведенiй (существуетъ и теперь); по этому, конечно, не могла она не быть въ ходу и въ сельскихъ школахъ, но въ размѣрахъ далеко не значительныхъ и даже не вездѣ.—Въ настоящее же время, въ заводимыхъ духовенствомъ здѣшнихъ сельскихъ школахъ, она совершенно выводится изъ употребленiя; по крайней мѣрѣ сколько намъ извѣстно школъ, лозы въ нихъ совершенно нѣтъ и надо полагать, что эти школы, докажутъ и гимназiямъ, что можно обходиться и безъ лозы.

Три года какъ заведены здѣсь школы духовенствомъ повсемѣстно. Успѣхъ для начала можно назвать громаднымъ, особенно если принять во вниманiе, что духовенству не дано при этомъ случаѣ ни особыхъ средствъ, ни пособiй, но крестьяне сами начали давать скудныя средства и строить или отводить помѣщенiе для школъ. Нерѣдко духовенство тѣснилось само, что бы прiютить школу въ своемъ помѣщенiи. Между тѣмъ обученiе вездѣ идетъ на русскомъ и церковномъ языкѣ, и нѣтъ даже и мысли о томъ, что языкъ этотъ не понятенъ народу, или что онъ не сочувствуетъ ему? У меня въ деревнѣ также заведена приходская школа, которая помѣщается пока въ соб-

ственномъ моемъ домѣ. Двѣ уже зимы существуетъ эта школа. Въ первую зиму, по случаю поздаго открытія, она дѣйствовала всего только 3 мѣсяца, другую зиму 4 ½ мѣсяца. Въ первую зиму учитель былъ гимназистъ, во вторую семинаристъ (1 ½ мѣсяца), отлучившійся по дѣлу, и не возвратившійся къ сроку. Школа оставалась безъ постояннаго учителя. Священникъ могъ посѣщать школу только по временамъ и заниматься не долго, являлся также изрѣдка волостной писарь; по особеннымъ занятіямъ моимъ, я тоже могъ удѣлять для школы только по нѣсколько минутъ въ сутки. Мальчики обучались больше почти сами, по задаваемымъ урокамъ [1]). Въ первый сезонъ больше занимались чтеніемъ и только подъ конецъ его начали писать и дошли до азбуки. Въ настоящемъ же году стали писать отлично не только крупными словами, но и мелкими по одной графѣ, притомъ изъ печатныхъ книгъ, такъ какъ прописи всѣ прошли. Одинъ мальчикъ только первый годъ учится въ школѣ и, при постоянномъ посѣщеніи ея, началъ писать наравнѣ съ прочими. Для упражненія въ чтеніи, послѣ молитвъ и священной исторіи, они читали азбуку Золотова и статьи о пословицахъ и басняхъ, самыя басни, и повѣсти въ азбукѣ Студитскаго. Бо́льшаго успѣха не возможно ожидать не только отъ крестьянскихъ дѣтей, но и отъ всякихъ другихъ. Но вотъ что особенно замѣчательно: въ теченіи рождественскихъ праздниковъ, около мѣсяца, гостилъ у меня одинъ изъ родственниковъ— студентъ университета, который въ теченіи этаго времени между праздниками, занимался въ школѣ съ мальчиками. Онъ затѣялъ учить ихъ по малорусскимъ книгамъ и даже болѣе чѣмъ по русскимъ и церковнымъ; но результатъ вышелъ тотъ, что къ концу его педагогіи, т. е. къ половинѣ января, *изъ 12-ти мальчиковъ*, постоянно посѣщавшихъ школу, *оста-*

---

[1]) Каждые сутки занимались не болѣе 4 ½ часовъ: въ началѣ 1 ½ часа и часъ отдыху, вновь 1 ½ часа и часъ отдыху, потомъ опять ½ часа и затѣмъ домой. Во время отдыха бѣгаютъ и гуляютъ по двору и въ школѣ. Ни о какихъ наказаніяхъ, а тѣмъ болѣе о лозѣ, не было и помину,—если иногда черезъ-чуръ мальчики разшалятся достаточно было только пригрозить и порядокъ возстановлялся.

лось только два, и то писавшихъ азбуку [1]). Но лишь только онъ уѣхалъ, и разнеслась молва, что уже мальчиковъ не будутъ мучить мужицкимъ нарѣчіемъ, какъ вдругъ начали ходить всѣ мальчики и продолжали учиться исключительно на русскомъ и церковномъ языкѣ, стали писать изъ прописей, и съ печатныхъ книгъ. Наибольшее желаніе у мальчиковъ замѣчается къ чтенію книгъ духовнаго содержанія и церковныхъ и преимущественно къ церковному пѣнію; даже мальчики сами отъ себя спрашивали молитвы ко причащенію и нѣкоторыя другія, которыхъ въ азбукахъ и сокращенныхъ молитвенникахъ нѣтъ; къ малорусской же грамотѣ, какъ показалъ опытъ, чувствуютъ отвращеніе и книгъ малорусскихъ не хотятъ читать, хотя въ школьной библіотекѣ онѣ имѣются и читать ихъ никто не возбраняетъ, какъ вообще и во всѣхъ приходскихъ школахъ содержимыхъ духовенствомъ, куда хохломанія успѣла втереться съ малорусскими книжонками.

Наконецъ два года уже какъ открыты волостныя и сельскія правленія повсемѣстно. Съ ними и въ нихъ постоянно идетъ переписка: пишутся приговоры, постоянно толкуется и читается новое положеніе, какъ толковались прежде инвентари,— все на русскомъ языкѣ и былъ ли гдѣ возбуждаемъ вопросъ, что крестьяне языка русскаго не понимаютъ? Они до такой степени привыкли къ русскому языку, что скорѣе не поймутъ тѣхъ малорусскихъ книгъ, какія пишутъ новѣйшие хохломаны, потому что онѣ изуродованы своеобразнымъ правописаніемъ и переполнены словами, неупотребляющимися въ народномъ говорѣ и для народа совсѣмъ непонятными. Я никогда не забуду, какъ однажды волостной старшина, явившись послѣ бытности у губернатора, показалъ напечатанную къ нимъ рѣчь губернатора, съ переводомъ на простонародное нарѣчіе. Когда я прочиталъ

---

[1]) Пріобщите этотъ краснорѣчивый и несомнѣнный фактъ, гг. хохломаны, къ тысячи подобныхъ ему и, ради Бога, перестаньте увѣрять легковѣрныхъ великороссовъ, что вы дѣйствуете для народа, по его уполномоченію. Народъ васъ не видитъ и не знаетъ, какъ вы ни навязывайтесь ему съ услугами своими, а гдѣ увидитъ и пойметъ,—потащитъ васъ наравнѣ съ штрументами (инсургентами) въ волостное, къ становому, въ судъ.

ее сперва по русски, а потомъ сталъ читать по малорусски, старшина, махнувъ рукой, не позволилъ мнѣ кончить [1]) и сказалъ: «да это написано по нашему—по мужицки, чтобъ лучше, вѣроятно, поняли; да кто хочетъ понять, такъ и по русски хорошо пойметъ, а кто не хочетъ, то какъ ему ни толкуй и ни пиши, все не пойметъ.» Послѣ всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ, можно съ увѣренностію сказать, что домогательство хохломановъ о необходимости обученія народа на простонародномъ малорусскомъ языкѣ, подъ тѣмъ предлогомъ будто онъ не понимаетъ языка русскаго, *есть чистая ложь.*

Значитъ хохломанія держится на какихъ нибудь другихъ основахъ. Мы имѣемъ хохломановъ въ числѣ своихъ родныхъ, въ средѣ близкихъ и знакомыхъ людей, слѣдовательно стоимъ съ ними, такъ сказать, лицомъ къ лицу, гораздо ближе, чѣмъ съ поляками. Всѣ хохломаны, которые намъ только извѣстны, принадлежатъ къ воспитанникамъ университетскимъ, или вообще къ учебному вѣдомству, къ тому, то есть, классу людей, который меньше всѣхъ знаетъ свой народъ, свою родную страну и ея дѣйствительныя потребности. Ни въ народѣ, ни въ обществахъ, хохломановъ встрѣчать намъ не случалось [2]).

Въ числѣ этихъ молодыхъ людей нѣкоторые имѣютъ самое невинное убѣжденіе—просвѣщать народъ на ихъ простонародномъ языкѣ, полагая въ самомъ дѣлѣ, что онъ не понимаетъ русскаго, литературнаго языка,—другіе себѣ на умѣ,—третьи хватаютъ пошире, толкуютъ, что здѣсь должна быть хохломанія во всемъ: и въ обученіи, и въ дѣлопроизводствѣ, и въ судопроизводствѣ,—наконецъ есть еще хохломаны—фанатики, утописты, сепаратисты, о которыхъ можно только сказать: избави насъ Богъ!

Всѣ эти гг. хохломаны—участія въ мѣстныхъ литературныхъ органахъ не принимаютъ и ихъ не любятъ, своихъ убѣжденій въ нихъ не высказываютъ, потому—что здѣсь дѣла и люди знакомы ближе, мысли и затѣи видны яснѣе, и всякая

---

[1]) Не угодно ли гг. хохломаны пріобщить къ дѣлу и этотъ фактъ?

[2]) Мы вообще ведемъ рѣчь собственно о кіевской, подольской и волынской губерніяхъ, т. е. о юго-западной странѣ Россіи.

ложь или кривыя сужденія, могутъ быть тотчасъ и обнаружены. Они посылаютъ статейки свои за 1200 верстъ отсюда,—въ Петербургъ, частію въ Москву, а для столичныхъ жителей православной Руси, особенно для гг. русскихъ писателей и ученыхъ, достаточно однаго краснаго словца о непонятномъ говорѣ,—что бы вызвать рукоплесканія. Тамъ же въ Петербургѣ они обзавелись и своимъ органомъ «Основою,» чтобы дѣйствовать, такъ сказать изъ за угла. Ложь, или искаженныя и преувеличенныя извѣстія, какъ будто составляютъ ихъ девизъ. Примѣръ видимо взятый съ братьевъ—поляковъ. Самый журналъ Основа, если бы не былъ печатаемъ болѣе чѣмъ на половину, русскимъ литературнымъ языкомъ, едва ли были бы въ состояніи читать сами хохломаны.

Мы не станемъ развивать эту матерію, потому что она безконечна, а обратимъ только вниманіе на нѣкоторыя дѣйствія хохломановъ въ литературномъ мірѣ,—не приведутъ ли насъ онѣ къ какимъ нибудь серьезнымъ выводамъ и опасеніямъ. Во первыхъ взглянемъ на одну, весьма извѣстную граматку, изданную на малорусскомъ нарѣчіи для обученія народа. Въ концѣ ея приложена історійка нашего края—и какъ она лукаво разсказана? Видимо избѣгается названіе страны—*русскою*,—древняя исторія ея представлена въ искаженномъ видѣ, всего на одной страничкѣ. По ней выходитъ, что народъ здѣсь прекрасно себѣ жилъ, прекрасно молился Богу, то по лѣсамъ, то по рѣкамъ, но вдругъ явились откуда-то русскіе князья, завели вѣру идольскую, а потомъ приняли *грецкую*, начали драться между собою и разорять народъ, пока не явились татары и не покорили ихъ. Неужели самъ авторъ убѣжденъ, что это—добросовѣстная обрисовка быта древней Руси, что это не ложь? О Кіевѣ, натурально, нѣтъ и помину. Тысячелѣтнее существованіе его, какъ первоначальной столицы всей *единой* Руси, памятниками чего и до настоящаго времени остаются святыни кіевскія, съ гробницами св. князя Владиміра въ печерской лаврѣ и кн. Ярослава въ соборѣ св. Софіи, имъ устроенномъ и многіе другіе,—для историка вовсе не существуютъ. Ему, какъ, видно, сильно хотѣлось бы, чтобъ и самаго Кіева не существовало, потому что его святыня, соборы, памятники, составляющіе предметъ благоговѣйнаго почитанія *всего православнаго русскаго народа* и свидѣтельствующія о древней

славѣ, величіи и *единствѣ* всей Руси,—самымъ осязательнымъ образомъ доказываютъ неосновательность и лживость всѣхъ проводимыхъ имъ въ сознаніе народа возрѣній и злонамѣренность тенденціи хохломановъ.

Вотъ о рѣзнѣ козаковъ съ поляками историкъ росписался значительно болѣе. Всѣ эти пробѣлы и преувеличенія весьма замѣтны и въ мертвой печати; но если хохломаны будутъ по такой исторійкѣ знакомить народъ съ исторіей Россіи, на сколько они могутъ перемѣшать ложъ съ правдой въ изустномъ объясненіи и обученіи? Историку видимо не хочется допустить, что неурядица и безтолковье славянское, вызвали варягоруссовъ на княженіе,—что тѣмъ же древле—славянскимъ характеромъ, объясняются и послѣдующія междуусобицы;—онъ не видитъ, что если бы и въ настоящее время, завести порядокъ доисторической Руси, то въ первый же годъ самоуправленія пришлось бы опять призвать князей для порядка и владѣнія. Да посмотрите и нынѣ на прочихъ славянъ,—что ихъ губитъ, какъ не разъединеніе и разладица. Да вотъ хоть бы и наши дѣла съ поляками. Вѣрно, какъ дважды два четыре, что, если бы поляки обращались за совѣтомъ и защитой вмѣсто французовъ къ русскимъ, болѣе къ нимъ близкимъ по племенному родству и сосѣдству,—и они, и мы были бы, въ тысячу разъ и счастливѣе, и крѣпче, и покойнѣе. И этихъ грамотокъ спекуляція и затѣи хохломановъ раскинули тысячи въ здѣшнемъ краѣ!

Обратите затѣмъ вниманіе и на новѣйшее сочиненіе того же историка. Въ этомъ сочиненіи онъ уже жертвуетъ и интересами Малороссіи, искажая ея исторію до послѣдней возможности. По совѣсти ли все это писано или изъ другихъ побужденій? Мы никакъ не думаемъ, чтобы по совѣсти.

Наконецъ въ послѣднее время слишкомъ замѣтно дѣлается желаніе хохломановъ,—избѣгать названіе Руси и замѣнить ее Украйною, а говоря о русскихъ,—придавать имъ названіе великороссовъ, какъ бы забывая общее названіе русскихъ. Мы знаемъ, что, при бывшемъ польскомъ правительствѣ, была Украйна ,нынѣ южная часть кіевской губерніи; была и малороссійская слободская Украйна,—нынѣ харьковская губернія. Названіе это въ свое время имѣло смыслъ и значеніе, потому что называемыя Украйною области *русскія*, находились на

окраинѣ Польши и Малороссіи. Но можно ли въ настоящее время называть ихъ украйною, а тѣмъ болѣе русскій народъ здѣшній украинцами, когда онъ самъ себя такъ не называлъ никогда и не называетъ,—когда Русь далеко раскинулась и въ даль и въ ширь и бывшія окраины, далеко теперь не на краю одного русскаго государства? Мы не давно чрезвычайно удивились, когда наши югозападныя губерніи, въ одномъ законоположеніи, названы губерніями украинскими. Кіевъ и прежде, никогда не бывшій украйною, офиціально въ первый разъ названъ украинскою губерніею, во второй половинѣ XIX столѣтія, т. е. въ то время, когда онъ находится въ центрѣ всей западной и южной Россіи! Можетъ ли быть что либо не основательнѣе?

Есть еще одинъ мужъ, который, когда бросалъ пыль въ глаза молодыхъ людей, его на рукахъ носили, но когда поворотилъ назадъ (вѣроятно замѣтивши, что слишкомъ далеко зашелъ), на него стали свистать. Карьера этаго мужа вышла не блистательная, мода на него прошла; но какъ все таки человѣку хочется защитить себя отъ забвенія и попасть въ число передовыхъ; то этотъ человѣкъ вздумалъ заняться изданіемъ малорусскихъ книгъ, вѣроятно подъ тѣмъ предлогомъ, что простой народъ охотнѣе будетъ читать книги на простонародномъ нарѣчіи, нежели на общеупотребительномъ и обработанномъ русскомъ языкѣ.

Наконецъ нельзя не замѣтить еще и того, что гг. хохломаны на русскомъ языкѣ пишутъ и говорятъ одно, на малорусскомъ же говорится далеко не то. Если перевести на чистый русскій языкъ все это краснорѣчіе, то творцы его не избѣжали бы участи Шевченка и к° въ 40 годахъ. Вѣроятно гг. хохломаны пишутъ такъ въ той надеждѣ, что русскіе читать по малорусски не будутъ, а свои люди не выдадутъ.

Если хохломаны заботятся о благѣ народа, то пусть обратятъ вниманіе на *дѣйствительныя* его нужды, а этихъ нуждъ много и всѣ онѣ неотложенѣе грамотности на просторѣчіи, знакомомъ народу болѣе нежели его учителямъ. Не смотря на вымыслы поэтовъ и писателей,—народъ туземный дикъ и грубъ, упрямъ и неразвитъ. Воровство, особенно пьянство пятнаютъ его душу и портятъ его тѣло. Начатки свободы онъ легко можетъ превратить въ своеволіе. Въ средѣ его уже попадаются

деревенскія камеліи [1]). Противъ этихъ то недостатковъ пусть и отыскиваютъ противоядія гг. хохломаны, величающіе себя народолюбцами, и пусть хлопочутъ не о томъ какъ учить, а чему учить, не о томъ, чтобы учить на туземномъ просторѣчьи, а о томъ, что бы упрочить въ школахъ нравственно-религіозное образованіе. Въ умственномъ отношеніи народъ здѣшній также не развитъ: всѣ ремесла и мастерства, необходимыя для селянина, находятся въ самомъ первобытномъ состояніи и крайне недостаточны для обихода. Есть села въ 600 и болѣе муж. душъ, гдѣ нѣтъ ни одного кузнеца и откуда, за подчинкою плужка, рала и т. п., необходимо отправляться верстъ за 12 и тратить нѣсколько дней въ самую горячую рабочую пору. Навозъ еще и до селѣ многіе сбрасываютъ въ овраги и на дороги, а не на поля и огороды; о другомъ какомъ либо удобреніи, находящемся тутъ же подъ бокомъ, и понятія не имѣютъ. Недостатки эти слишкомъ повсемѣстны и ощутительны и чрезвычайно много вредятъ благосостоянію народному. Въ дѣлахъ самой простой механики туземные селяне крайне не свѣдущи.

---

[1]) Нельзя при этомъ случаѣ не поговорить о крестьянскомъ пѣніи. Молодыя женщины и дѣвушки, если поютъ иногда въ огородахъ, при работахъ и другихъ случаяхъ, то горланятъ въ одиночку на одинъ тонъ; хоровыхъ пѣсень вовсе не случается слышать, кромѣ свадебныхъ, гдѣ при различныхъ обрядовыхъ поговоркахъ и прибауткахъ, слышится чисто русская рѣчь. Мущины же, подгулявши, поютъ чаще, но найболѣе военныя, солдатскія пѣсни; малорусскихъ же знаютъ очень мало. Въ среднемъ сословіи молодые люди, собираясь иногда по вечерамъ или въ деревняхъ (натурально съ чистою русскою рѣчью), часто поютъ пѣсни малорусскія, великорусскія и русскія безразлично, считая все своимъ роднымъ. Въ разговорахъ, при выраженіи мыслей и чувствъ патріотическихъ и историческихъ, у насъ шло все за одно, и Кіевъ также точно думалъ и говорилъ, какъ думали и говорили въ Москвѣ и Петербургѣ, не представляя ни какой особенности, такъ продолжается и до нынѣ. Но не мудрено, если при теперешнихъ спорахъ, появятся въ народѣ, или среднихъ ефсрахъ— или отчаянные хохломаны, даже изъ великороссовъ.

сдѣлать или поправить самую простую молотилку, вѣялку и разные другіе принадлежности хозяйства и промышленности,— построить хорошую мельницу и т. п., для нихъ чрезвычайно трудно, или вовсе не по силамъ, нѣтъ ни механиковъ ни мастеровъ; попадаются изрѣдка только самоучки, или недоученые нѣмцы, слывущіе за механиковъ, которые большею частію портятъ дѣло, доводятъ до убытковъ, а въ случаѣ порчи сваливаютъ вину свою на другихъ. Честныхъ, надежныхъ и трудолюбивыхъ людей для экономическаго и всякаго другаго хозяйства, съ которыми можно бы было вести дѣло и хотя практически подвигаться впередъ, почти нѣтъ. Всѣ эти недостатки такъ общи и такъ вопіющи, что не могутъ не отражаться на ходѣ нашихъ дѣлъ нравственныхъ и житейскихъ.

А между тѣмъ посмотрите вокругъ себя,—сколько есть молодыхъ людей, не говоря о городахъ, но и въ деревняхъ, которые не получая никакого образованія, или что еще хуже, выучившись дома кое чему, не знаютъ что съ собою дѣлать и большею частію выходятъ негодяи, готовые на все. Даже молодые люди, воспитывающіеся въ университетахъ, какую поставляютъ цѣль своего образованія? Канцеляріи, да учительство, за исключеніемъ медиковъ. По неволѣ придется мечтать о политикѣ, демонстранціяхъ, хохломаніи и т. п., не находя пищи для ума и дѣла для жизни. Да, если въ настоящее время, чрезъ тысячу лѣтъ существованія Россіи, нашъ ученый людъ думаетъ еще о томъ, *на какомъ языкѣ лучше обучать народъ*, а не о томъ *чему лучше обучать его* и *что нужно для него*, то нѣтъ скорой надежды на устраненіе нашихъ недостатковъ хотя бы въ скоромъ будущемъ [1]).

Послѣ всего вышеизложеннаго предоставляемъ самимъ читателямъ разсудить, что такое хохломанія и къ чему она стремится. Если бы даже завести сельскія школы съ обученіемъ на просторѣчьи, *заставили* народъ обучать своихъ дѣтей въ этихъ школахъ, какъ же учить въ другихъ учебныхъ заведе-

[1]) Недавно напечатана статейка въ Сѣверной Пчелѣ о реальныхъ училищахъ въ Швейцаріи. Въ этой крошечной республикѣ, сравнительно съ Россіей, имѣется: 7 училищъ торговли, 65 промышленныхъ и 7 учебныхъ заведеній сельскаго хозяйства.

ніяхъ? Необходимымъ слѣдствіемъ такаго обученія должно быть раздвоеніе. Хотя хохломаны и величаютъ нѣсколько пустыхъ малорусскихъ книжонокъ особой литературой, но чему изъ нихъ можетъ научиться *даже* простой народъ? Обособленіе языка, созданіе на немъ ненужной литературы,—не будетъ ли безполезною попыткой, имѣющей въ виду удовлетвореніе не потребностей народныхъ, а своихъ личныхъ тенденцій? Не нужно забывать ни на минуту, что у насъ нѣтъ уже ни уніи, ни Польши, создавшихъ малорусское нарѣчіе, что время и историческая жизнь народа породила совсѣмъ иныя потребности, явились другія понятія и убѣжденія.

9 мая 1863 года. **С. Еремѣевъ.**

ПОЛЬСКІЙ КАТИХИЗИСЪ *).

Въ настоящій великій часъ возрожденія нашей возлюбленной отчизны, каждый, считающій себя ея вѣрнымъ сыномъ, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на олтарь отечества и поддерживать на немъ ту божественную искру, которая всегда сохраняла народъ польскій во всѣхъ его тяжкихъ бѣдствіяхъ, и приготовляла его къ новому великому возрожденію, на

[1]) Этотъ любопытный документъ найденъ у одного изъ убитыхъ польскихъ мятежниковъ. Мы знали уже давно о существованіи этаго катихизиса, да и изъ смысла его видно, что катихизисъ составленъ далеко прежде настоящаго мятежа, и всего вѣроятнѣе—еще въ концѣ 20или въ началѣ 30 годовъ настоящаго столѣтія. Это подтверждается минувшимъ поведеніемъ поляковъ. Замѣтно, что въ позднѣйшей редакціи катихизиса прибавлено не больше двухъ фразъ, приспособленныхъ къ новѣйшему государственному строю русскому.

РУССКІЙ КАТИХИЗИСЪ *).

Въ настоящій, великій періодъ возрожденія нашей возлюбленной отчизны—путемъ благодѣтельныхъ реформъ, вливающихъ новую жизнь и силу въ ея гигантскіе составы; въ настоящій моментъ возстанія противъ насъ враговъ домашнихъ, подстрекаемыхъ и ободряемыхъ врагами внѣшними,— каждый членъ семьи русской, считающій себя вѣрнымъ сыномъ Россіи, обязанъ, по силамъ своимъ и средствамъ, приносить посильную лепту на алтарь отечества и поддерживать на немъ тотъ божественный пламень патріотизма, который согрѣвалъ и воодушевлялъ народъ русскій въ годину испытанія, сокрушалъ и посрамлялъ всѣхъ враговъ и супостатовъ Россіи—и, на зло

[1]) Этотъ контръ—катихизисъ доставленъ въ редакцію Вѣстника однимъ авторитетнымъ лицемъ, которому она не имѣла права отказать въ сопоставленіи его катихизиса катихизису польскому. Ред.

погибель злостныхъ и коварныхъ враговъ. Искра сія въ настоящее время еще тлѣетъ, но настанетъ время, когда она вспыхнетъ, съ великимъ пламенемъ охватитъ всю вселенную, и народъ польскій, какъ чудная саламандра, возрожденный и облистанный огнемъ своего патріотизма, явится освободителемъ угнетенныхъ націй и представителемъ цивилизующей европейской миссіи. Время это настанетъ; но надо вооружиться терпѣніемъ, твердостью характера и силою воли. Вспомнимъ, братья, что Финикія, Венеція владѣли міромъ не силою оружія, но умомъ, просвѣщеніемъ и богатствомъ, послѣдуемъ ихъ примѣру и будемъ наблюдать прилагаемыя здѣсь правила, составленныя человѣкомъ, опытнымъ жизнію и преданнымъ своей родинѣ безпредѣльно.

Польша нынѣ является, по преимуществу, страною удобною для торговли и цивилизаціи. Была пора владычества Польши силою ея непобѣдимаго и славнаго оружія; но судьбы Божіи неисповѣдимы; теперь предстоитъ ей владычество надъ тѣми (?) странами, силою ума, торговли и просвѣщенія. Взгляните на Англію: нація исключительно торговая, а сильнѣйшая въ мірѣ и владычица всеея завистникамъ и ненавистникамъ, уподоблялъ ее *золоту, очищенному въ горнилѣ, изводилъ на широту*, дѣлалъ ее послѣ потрясеній грознѣй и могучѣе, шире и счастливѣе. Вспомни, Россія, 1612 и 1812 годы, и ты сильнѣе сознаешь возможность чудесъ и перерожденій, совершаемыхъ въ горнилѣ испытаній, огнемъ патріотизма. Этотъ огонь объялъ теперь всю Россію, во всю ея громадную длину и широту и, если промыслу угодно будетъ повергнуть насъ въ горнило испытанія, мы вѣримъ несомнѣнно, что стоимъ на пути къ великимъ дѣламъ и благодѣтельнымъ обновленіямъ дорогой намъ Россіи.

Россія теперь является по преимуществу націею умиротворяющею. Всѣ мысли желанія и дѣянія достойнаго, кроткаго, мудраго, православнаго великаго какъ она, ея Повелителя, Освободителя, Миротворца, Друга и Отца—были направлены къ тому, чтобы создать, расширить и упрочить внутреннее счастіе дорогой Ему Россіи, обновить, возродить ее, для невѣдомой доселѣ жизни и

го міра. Англія на морѣ,— Польша на сушѣ. У Англіи колоніи все ея богатство, но онѣ удалены; у Польши есть своя Индія: Украина и Литва,—колоніи эти съ Польшею составляютъ одно цѣлое и, при умѣ и знаніи вести дѣло, никогда въ матеріальномъ отношеніи не будутъ отъ нея отторгнуты. Мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ принять слѣдующіе, не безполезные для нихъ совѣты, для болѣе единообразнаго дѣйствованія, къ достиженію общей цѣли.

---

1). *Въ забранныхъ краяхъ* помѣщики должны стараться всѣми мѣрами не выпускать изъ рукъ своихъ имѣній, а если необходимость заставитъ разстаться съ ними, то продавать своимъ только соотечественникамъ, или, въ крайнемъ случаѣ,—жидамъ; но не давать развиваться тамъ русскому элементу. Помогать во

благоденствія. Поляки, подущенные со внѣ, захотѣли удержать насъ на пути къ этому благоденствію и не только возстали противъ законнаго своего Государя съ оружіемъ физическимъ, но и составили, или лучше вспомнили и пустили въ ходъ ученіе о средствахъ къ одержанію надъ нами побѣды нравственной,-пропитанныхъ адскимъ духомъ достойныхъ ихъ учителей—іезуитовъ. Что бы противопоставить этому оружію равносильное нравственное оружіе,—мы предлагаемъ нашимъ братьямъ по вѣрѣ и крови принять слѣдующіе совѣты, составленные человѣкомъ опытнымъ, безпредѣльно преданнымъ своей родинѣ—и весьма необходимые для болѣе единодушнаго дѣйствованія на пользу общую и возврата прерваннаго покоя и отсроченнаго на время счастія Россіи.

---

1). Въ тѣхъ областяхъ Россіи, въ которыя, вопреки международнымъ трактатамъ, заключеннымъ когда то Польшею съ русскими, вкрались поляки и путемъ разныхъ самоправствъ, насилій и незаконныхъ королевскихъ декретовъ, присвоили себѣ чужую землю—русскую,—мы русскіе должны всѣми *законными* мѣрами стараться

всѣхъ нуждахъ своимъ братьямъ; русскимъ же помѣщикамъ дѣлать всякаго рода непріятности, ничего имъ не продавать и не покупать у нихъ и т. д. Заводить съ ними процессы, кои легко будутъ ими проигриваемы, по случаю занятія судебныхъ мѣстъ въ *тамошнемъ краѣ*, нашими же единовѣрцами,—словомъ, дѣлать все, что бы принудить ихъ продать свои неправо-пріобрѣтенныя имѣнія и выѣхать изъ этого края, въ свою Московію; продающіяся же русскими имѣнія, стараться хоть общими силами, въ компаніяхъ пріобрѣтать въ свое владѣніе. Чрезъ это достигнемъ, со временемъ, въ этихъ странахъ исключительно польскаго господства и средоточія богатствъ края въ рукахъ нашихъ братій —*на помощь и пользу своей отчизны*.

Пускай алчная Россія считаетъ Украйну и Литву своею собственностью, *но кто ими будетъ пользоваться матеріально, того они, конечно, понимать не будутъ*.

Кромѣ того, предлагаемыя средства будутъ препятствовать сліянію этихъ губерній съ ненавистною Московіею, а если будемъ пользоваться тупоуміемъ и неразвитостью тамошнихъ отобрать отъ враговъ нашихъ нашу собственность и возвратить народу русскому земли русскія. Но такъ какъ мы не намѣрены нарушать правъ давности, хотя бы то и сомнительныхъ и даже просто самоправныхъ; то мы дѣлаемъ изъ предыдущаго правила слѣдующія исключенія и ограниченія.

а). Земли всѣхъ политическихъ преступниковъ, заявившихъ свою отчужденность и вражду къ Россіи нарушеніемъ присяги законному своему Повелителю и поднятіемъ противъ Него оружія,—должны быть немедленно конфискованы и, послѣ *достаточнаго* надѣла землею крестьянъ, явившихъ въ послѣднее время рѣдкій героизмъ, самоотверженіе и энергію къ подавленію польскаго бунта,—обращены частію въ казенную собственность, частію розданы въ награду нѣкоторымъ лицамъ за доблестное отстаиванье интересовъ Россіи.

Примѣч. 1). Къ числу преступниковъ, имѣнія которыхъ подлежатъ конфискаціи, конечно, относятся не только тѣ, которые взяты съ оружіемъ въ рукахъ, но и тѣ, которые подущали къ возстанію народъ, поддерживали революцію матеріальными средствами: деньгами, фабрикаціей и доставкою оружія, огнестрѣльныхъ заря-

папюви, то, дѣйствуя на *корыстолюбіе* ихъ деньгами, можемъ усыпить и этихъ лютѣйшихъ, по своему изувѣрству, нашихъ враговъ; усыпивъ же сихъ..... *) и дѣйствуя съ хитростью и умомъ на народъ, будемъ въ состояніи если не отвратить его отъ своей раскольничьей вѣры, то поколебать довѣріе къ своимъ попамъ, чего и достаточно, чтобы народъ смотрѣлъ на нихъ непріязненно.

2). Такъ какъ русскіе. большею частію, необразованны, лѣнивы и безпечны, то стараться полякамъ какъ можно болѣе образовать себя специально, чтобъ имѣть всегда преимущество предъ русскими въ занятіи *лучшихъ и выгоднѣйшихъ мѣстъ*, и тѣмъ самымъ подчинить себѣ эту грубую націю *морально*.

3). Людямъ, специально образованнымъ, стараться непремѣнно служить въ Россіи, не обращая вниманія на возгласы неразвитыхъ людей (не посвященныхъ въ тайны политики), что «служить русскому правительству для поляка—безчестно;» служа *на пользу своей родинѣ* въ Россіи, каждый полякъ являетъ въ себѣ великую

¹) Здѣсь пропущено слово, не приличное въ печати.

довъ, вооруженіемъ на свой счетъ разной сволочи—равно и тѣ, которые эмигрировали за границу и тамъ раздували пламень революціи польской, лгали и клеветали на Россію, располагали другія державы къ сочувствію и вооруженной помощи польскому бунту.

Примѣч. 2). Это правило ни чуть не равносильно, паралельному съ нимъ, іезуитскому правилу польскаго катихизиса. Въ немъ нѣтъ и тѣни незаконности, тѣмъ болѣе жестокости,—это правило всѣхъ вѣковъ и народовъ въ отношеніи къ политическимъ преступникамъ.

b). Въ тѣхъ имѣніяхъ. владѣльцы коихъ остались вѣрны своей присягѣ и долгу, нужно немедленно выкупить достаточную пропорцію земли для крестьянъ, что бы защитить какъ ихъ, такъ и самыхъ землевладѣльцовъ отъ обоюдныхъ искушеній, недоразумѣній и столкновеній. Эта мѣра весьма законна и раціональна. Даже, по окончаніи настоящаго грустнаго эпизода польско-русской исторіи, безъ нея трудно будетъ установить и поддержать нормальныя отношенія поселянъ къ землевладѣльцамъ.

Когда эти мѣры будутъ приведены въ исполненіе, западныя области Россіи сдѣлаются еще *болѣе русскими*; по—

миссію и самоотверженіе для блага своихъ соотчичей.

4). Если ты намѣренъ вступить въ русскую службу, то служи только тамъ, гдѣ можно разсчитывать на вѣрный доходъ, и какъ скоро наживешь достаточный капиталъ, оставляй службу и поселяйся на жительство въ твоей отчизнѣ, что бы нажитыя тобою деньги въ Россіи сдѣлать достояніемъ твоихъ собратій. Этимъ ты не только искупишь свое служеніе ненавистной тебѣ странѣ, но еще принесешь пользу своей отчизнѣ; ибо всякая мѣра, которая можетъ вести къ обѣдненію общаго врага отчизны, не только дозволительна, но и необходима,—средствомъ этимъ ты подрѣзываешь ему когти.

Стараться всѣми мѣрами, гдѣ только откроется возможность, нажиться на счетъ русской казны; это—не лихоимство и не порокъ, а добродѣтель; потому что, обирая русскую казну, ты чрезъ то самое обезсиливаешь враждебное тебѣ государство и обогащаешь свою родину, а слѣдовательно, дѣлаешь добро своимъ собратіямъ, и святая церковь проститъ тебѣ такое преступленіе. Самъ Господь Богъ, запретившій убивать ближняго, разрѣшилъ чрезъ своихъ святыхъ мужей обнажать оружіе на покореніе врага израильска-

ложится конецъ развитію въ нихъ польскаго элемента. Тогда ксендзъ—фанатикъ не посмѣетъ вести у насъ пропаганду, какъ въ странѣ языческой,—тогда его изувѣрству останется въ удѣлъ только безплодный, адскій скрежетъ зубовъ; тогда никакой мечтатель не будетъ считать Украйны и Литвы польскими областями, тогда пойметъ онъ, что тутъ и народъ и земля—русскія—и de jure, и de facto.

2). Такъ какъ поляки большею частію враждебно настроены противъ Россіи, такъ какъ слишкомъ застарѣлая вражда къ ней въѣлась въ ихъ кости, вошла въ ихъ плоть и кровь и не можетъ уже быть ослаблена ни гуманностью, ни мѣрами стѣснительными; то русскимъ нужно сдѣлать правиломъ—не предоставлять полякамъ мѣстъ въ русской службѣ, особенно *видныхъ и выгодныхъ*, и тѣмъ самымъ казнить ихъ, за безпричинную ненависть къ невинной Россіи, *морально* и защитить наше отечество отъ вліянія ихъ службы на его благосостояніе.

Примѣч. Можно только допускать надежнѣйшихъ (весьма не многихъ) изъ поляковъ къ мѣстамъ низшимъ, на которыхъ они нисколько бы не могли (еслибъ и хотѣли) вредить ин-

го. Предлагаемое же здѣсь оружіе—не смертельно, и тѣмъ болѣе достойно уваженія, что, отымая отъ все-грабящаго, награбленныя имъ богатства, ты передаешь ихъ бѣднѣйшимъ твоимъ собратіямъ; когда же твое отечество будетъ богато, то оно будетъ и сильно.

5). Старайся достигнуть всякаго вліятельнаго мѣста; а получивъ такое мѣсто и сдѣлавшись сильнымъ, покровительствуй своимъ собратіямъ и доставляй имъ въ свою очередь выгодныя и доходныя мѣста. Для достиженія этой цѣли, всякія средства позволительны, хотя бы онѣ казались для другихъ низкими; помни, что ты все это дѣлаешь для пользы своей отчизны а потому и униженіе твое должно въ глазахъ твоихъ соотчичей считаться великою жертвою; а что говорятъ противъ тебя другіе, не соотчичи твои, на то не обращай вниманія и дѣлай свое дѣло. Русскій въ особенности любитъ лесть и, отуманенный ею, готовъ скорѣе дать мѣсто тебѣ, ***чьмъ своему***, ***можетъ быть, и достойнѣйшему тебя собрату***, но не способному, по своей грубой натурѣ, къ вѣжливому обращенію; а потому лесть, какъ могущественный рычагъ противъ человѣка русскаго, по преимуществу употребляй вездѣ, тересамъ Россіи и наживаться въ ущербъ народно-русскому богатству. Но есть родъ службы, къ которому рѣшительно опасно допустить такихъ миссіонеровъ, каковы исповѣдники польскаго катихизиса....

3). Всѣми мѣрами нужно опасаться, чтобы не допустить врага Россіи къ какому нибудь вліятельному мѣсту, а особенно такому, на которыхъ необходимо поручить ему расходъ или переходное состояніе казенныхъ денегъ. И теорія и практика нѣкоторыхъ изъ этихъ воровъ и грабителей ясно доказали, что нарушитель этаго правила поступитъ весьма неразумно и жестоко, потому-что самъ подставитъ сердце своей матери подъ ножъ убійцы. Тутъ нѣтъ *нападенія*, которое хотятъ поддержать польскіе изувѣры богохульнымъ сопоставленіемъ событій ветхозавѣтныхъ съ грабежемъ и разбоемъ своихъ о Христѣ братій, а только одна *защита* отъ врага, и словомъ и дѣломъ заявившаго по отношенію къ намъ свой злой умыселъ. Лучше же дать дѣло и хлѣбъ человѣку надежному, родному сыну Россіи, который не выдастъ, не продастъ, не ограбитъ, ***нежели отъяти хлѣбы чадомъ и поврещи***.....

4). Честная, прямая и открытая душа человѣка русскаго

гдѣ изъ нея можешь извлечь выгоду въ своихъ планахъ. Когда же, такимъ образомъ, всѣ влiятельныя мѣста въ Россiи будутъ въ рукахъ поляковъ, то и Россiя незамѣтнымъ образомъ сдѣлается нашею данницею.

6). Въ войскѣ русскомъ долго не служи, что бы, дослужившись до высшихъ степеней, не сдѣлаться невольнымъ орудiемъ ненавистнаго твоему народу правительства,—исполнителемъ его плановъ. Вообще служи до того времени, пока изсякнутъ доходы и средства къ твоему обогащенiю, послѣ чего, не гоняясь за увлеченiями и постыдными украшенiями, покидай свою службу и скорѣе поселяйся въ кругу своихъ соотчичей, чтобы прiобрѣтеннымъ тобою сокровищамъ не дать перейти въ руки враговъ твоихъ.

7). Въ гражданской же службѣ служи сколько достанетъ силъ твоихъ и всходи на самыя высокiя ступени; отказывайся однако отъ занятiя первыхъ государственныхъ должностей, а добивайся только всѣми мѣрами быть помощниками вельможъ, товарищами и вообще приближенными къ нимъ лицами. Въ первомъ случаѣ правительство будетъ смотрѣть на тебя недовѣрчиво, и ты не будешь посвященъ въ его планы

должна сжаться и сосредоточиться въ себѣ, въ присутствiи врага Россiи. Ни одного слова откровеннаго, никакого намѣренiя, тѣмъ болѣе—никакой тайны государственной нельзя обнаружить предъ нимъ. Онъ измѣнитъ намъ, «вынесетъ соръ изъ избы,» онъ продастъ насъ, какъ Iуда, своимъ фарисеямъ и первосвященникамъ и составитъ планъ разрушенiя нашихъ добрыхъ намѣренiй и дѣйствiй. Бойся, русскiй, и ѳимiама лести, и мелкаго угодничества этихъ тварей; не вѣрь искренности ни ихъ do nóg padam, ni całuię nóżki; всѣ эти низости—маска, западня, устроенная для щекотанiя твоего самолюбiя, для уловленiя твоей простодушной натуры. Можешь быть вѣжливымъ съ полякомъ—безъ униженiй, но отнюдь не откровеннымъ и довѣрчивымъ.

5). Въ войскѣ русскомъ нельзя позволить, послѣ настоящей катастрофы, служить до высшихъ чиновъ современной польской молодежи, воспитанной въ правилахъ «польскаго катихизиса,»—и давать такихъ должностей, съ которыми неизбѣжно расходованiе казенныхъ денегъ, какъ-то: должности ротнаго или эскадроннаго командира, казначея, квартермистра и проч. Эта молодежь весьма ясно обнаружила свои намѣре-

ны; во второмъ если съумѣешь взять своего начальника въ руки и пріобрѣсти его довѣренность, то тебѣ сдѣлаются извѣстны всѣ тайны правительства, а слѣдовательно и твоимъ соотчичамъ. Если правительство откроетъ обманъ, то отвѣтитъ твой начальникъ, а ты будешь въ сторонѣ и сохранишь себя для новаго служенія твоей родинѣ.

8) Будь во всемъ правою рукою твоего начальника и, для достиженія его довѣрія, не щади ничего, брани въ его глазахъ даже своихъ соотчичей и осуждай ихъ дѣйствія. Ничего нѣтъ легче, какъ этимъ средствомъ убѣдить каждаго русскаго въ преданности твоей къ Россіи и правительству. Вкравшись въ довѣріе твоего начальника, тебѣ будетъ легче покровительствовать тайно твоимъ собратіямъ *).

9). Если замѣтишь вреднаго для твоей родины вліятельнаго члена въ русскомъ обществѣ, старайся всѣми средствами приблизиться къ нему и снискать его расположенность для твоихъ собратій, чрезъ что, если не уничтожишь его, то, зная нія на счетъ цѣли своей службы и безцеремонныхъ отношеній къ русской кассѣ.

6). Въ житейскихъ сношеніяхъ съ людьми испытанной честности и здравомыслія, хотя бы то и поляками, не запятнавшими себя измѣной,—будь честенъ, вѣжливъ, благороденъ, прямъ, даже признателенъ, но все-таки *не будь вельми правдивъ*,—не открывай до дна твоей души, особенно—тайнъ политическихъ и намѣреній правительства. Къ чему подвергать напрасному искушенію человѣка добраго. «Плохое положеніе— и доброму искушеніе,» говоритъ пословица. Подобными секретами нужно дѣлиться съ великою разборчивостью и съ русскими даже патріотами. Правило это вдвойнѣ обязательно для всякаго начальника.

7). Если замѣтишь, русскій, вреднаго для твоей родины польскаго патріота, дѣйствующаго среди насъ на зло намъ, немедленно дѣлись своимъ открытіемъ съ властію; но только, разумѣется, дѣйствуй не на основаніи личныхъ твоихъ антипатій или подозрѣній, а на основаніи ясныхъ и совершившихся фактовъ. Тогда между нами не будетъ тѣхъ пріемышей Россіи, которые мутятъ спокойствіе семьи нашей, продаютъ семейныя тайны врагамъ

---

*) Людей, въ высшей степени искусно примѣнившихъ это правило катихизиса къ своей службѣ, мы знаемъ весьма много.

всѣ замыслы врага, можешь отвратить грозящее бѣдствіе, противопоставивъ ему равносильное оружіе. Когда же такимъ образомъ во всѣхъ управленіяхъ Россіи будутъ наши агенты и все государство будетъ покрыто, какъ бы сѣтью единодушно-дѣйствующихъ нашихъ собратій; то оно будетъ въ нашихъ рукахъ и, современемъ, дѣйствуя систематически на русское общество, затрогивая нѣжныя чувства состраданія, мы подготовимъ его къ увѣренности, въ необходимости отдѣленія Польши *). Все это можетъ произойти безъ всякой вооруженной силы и кровопролитія; а чрезъ то мы будемъ еще крѣпче и могущественнѣе въ будущемъ.

10). Помни, что Россія—первый твой врагъ, а православный есть еретикъ (schizmatyk), и потому не совѣстись лицемѣрить и увѣрять, что они твои кровные братья, что ты противъ русскихъ ничего не имѣешь, а только противъ правительства, но тайно старайся мстить каждому русскому: онъ, по своей ненависти къ римской церкви и къ полякамъ не будетъ никогда твоимъ другомъ и всегда поддержитъ въ насилі нашимъ, топчутъ въ грязь наши святыни, изучаютъ насъ для того только, чтобъ удачнѣе вредить намъ, подмѣчаютъ наши слабыя стороны. больныя мѣста, чтобъ успѣшнѣе вести насъ къ разладу, смутамъ и погибели.

8). Помни, русскій, что Польша первый врагъ Россіи, а католичество—православія. Не лицемѣрь (какъ учитъ польскій катихизисъ) даже предъ поляками, что они твои кровные братья, что мы противъ поляковъ ничего не имѣемъ, что мы благоговѣемъ предъ ихъ патріотизмомъ и проч. Къ чему подлость, когда противъ нея и совѣсть, и современность, и исторія! Не передѣлать намъ польской пословицы, въ которой когда-то, сгоряча, высказалось все сердце нашихъ пріятелей: jak swiat swiatem, tak polak rusinowi (или moskalowi) nie będzie bratem. Не забыть намъ той *дружбы*, проявленія которой снабдили нашу исторію столькими кровавыми страницами, того изувѣрства, съ которымъ рѣжутъ, колютъ, вѣшаютъ теперь священники даже католическіе безоружныхъ христіанъ, женщинъ, дѣтей, старцовъ, друзей и проч.

9). Пускай не оскорбляется самолюбіе твое, русскій, если какой либо iegomość, или кто

---

[1]) Сѣмена этого ученія начинали уже всходить.

ліи противъ тебя свое правительство.

11). Между русскими говори всегда, что нѣмцы—первые враги русскихъ и поляковъ, что они, для политическихъ цѣлей, всегда разстраиваютъ своими козпями дружеское согласіе между обоими народами. Русскіе ненавидятъ нѣмцевъ, а потому всегда этому вѣрятъ. Это самыя лучшія ширмы, для прикрытія твоихъ дѣйствій и, увѣривъ непріятеля въ искренней къ нему дружбѣ, ты легко усыпишь его. Во всякихъ обнаруженныхъ твоихъ планахъ, сваливай вину на нѣмцевъ, чрезъ то ты обратишь ударъ въ другую сторону и будешь способствовать уничтоженію одного врага посредствомъ другаго, а самъ избѣгнешь подозрѣнія.

Говоря съ русскимъ, старайся выводить его изъ терпѣнія: по своей глупой и откровенной натурѣ, въ спорахъ русскій выскажется, а этого тебѣ только и нужно; зная цѣль врага, ты противопоставишь ему вѣрное оружіе.

12). Въ обществахъ русскихъ старайся болѣе молчать и не высказывай своихъ убѣжденій, потому что это невыгодно. На русскаго, въ своемъ обществѣ, старайся нападать,—сначала на ненавистное правительство, которому онъ какъ либо иной, назоветъ тебя *варваромъ*. Чтобы ты ни дѣлалъ, не избѣгнешь пока этого лестнаго названія. Своимъ угодничествомъ, своею деликатностью, а особенно неумѣстною гуманностью, ты не перемѣнишь ни симпатій его, ни убѣжденій, а только сильнѣй утвердишь его въ той ложной мысли, что насъ легко провести личиною дружбы, что мы слишкомъ просты и что насъ тотъ только не обманываетъ, кто не хочетъ. Если и бывало это прежде, то нужно стараться, чтобъ этого небыло впередъ, чтобъ уроки надувательства отъ мнимыхъ друзей не прошли для насъ безслѣдно.

10). Когда полякъ сваливаетъ свою вину на другаго, а особенно на нѣмца, будь увѣренъ, русскій, что онъ самъ виноватъ, что онъ только *исповѣдуетъ* тогда *на дѣлѣ* догматъ *своего катихизиса,* а нѣмецъ даже помышленіемъ не причастенъ тому преступленію, которое взводитъ на него полякъ Мы помнимъ предубѣжденіе (частію оно и теперь существуетъ), которое успѣли поселить противъ нѣмцовъ въ душѣ нѣкоторыхъ русскихъ обоюдные наши пріятели. Отнынѣ бросимъ-те, русскіе, это неосновательное предубѣжденіе. Между русскими нѣмцами нѣтъ ни од-

рабъ служитъ, потомъ на угнетеніе имъ другихъ народностей, и наконецъ на безчувственность его и черствость сердца къ угнетеннымъ братьямъ полякамъ.

Старайся подѣйствовать на самолюбіе русскаго, и тогда, къ концу разговора, сдѣлаешь изъ него преданнаго тебѣ слугу въ твоихъ предпріятіяхъ. Русскій, при своей простодушной и грубой натурѣ, весьма самолюбивъ, и названіе варвара его бѣситъ; чтобъ избавиться отъ этого ненавистнаго прозвища, онъ готовъ всадить ножъ въ ребро своего собрата. Затрогивай искусно самолюбіе русскаго и пользуйся имъ.

13) Если имѣешь дѣло съ сильнымъ и хитрымъ врагомъ, который тебя разгадываетъ, всѣми средствами старайся его уничтожить и избери для этого оружіе надежнѣйшее, именно: содѣйствіе ***вліятельнаго нѣмца***. Нѣмецъ, по враждѣ своей къ русскому элементу, тебѣ поможетъ,—врагъ твой погибнетъ, но будетъ думать, что обязанъ своимъ паденіемъ нѣмецкому вліянію. Этимъ средствомъ ты еще болѣе докажешь, что истинный врагъ русскихъ—нѣмецъ, а самъ, ни въ чемъ неподозрѣваемый, сдѣлаешь изъ врага себѣ пріятеля и усерднаго помощника въ твоихъ планахъ. Аминь.

ного измѣнника, клятвопреступника. Они только нѣмцы по имени, а въ душѣ—тѣже русскіе, и въ любви къ Россіи, долгу и чести не уступятъ роднымъ ея сынамъ. Прошло уже полтора вѣка (инымъ и болѣе) какъ они обрусѣли и за ласки и любовь къ нимъ Россіи платятъ ей чисто русскимъ патріотизмомъ, служатъ ей вѣрой и правдой и не мыслятъ даже объ отдѣленіи къ тѣмъ націямъ, къ которымъ принадлежали ихъ предки. Въ настоящій моментъ заявленія вѣрноподданническихъ чувствъ русскому Монарху, русскіе нѣмцы не отстали отъ насъ и обнаружили поголовную, неподдѣльную готовность жертвовать для покоя и цѣлости своей настоящей отчизны всѣмъ, даже жизнію [1]). Аминь.

---

[1]) Между пунктами русскаго и польскаго катихизисовъ нѣтъ прямой паралели. Это потому, что польскій построенъ безъ всякой системы, что положенія его не слѣдуютъ правиламъ логики на счетъ дѣленія и группировки частныхъ мыслей,—и одна мысль вторгается въ область другой либо повторяется въ отдѣльномъ положеніи съ видо-измѣненіемъ только фразеологіи.

Предъ нами два катихизиса; что мы скажемъ о каждомъ изъ нихъ?

1). Польскій катихизисъ говоритъ самъ за себя,—яснѣй и краснорѣчивѣе всякихъ толкованій и выводовъ. Онъ переполненъ такимъ цинизмомъ, такими низостями, такимъ изувѣрствомъ, въ немъ такъ наглядно отразилось нравственное безобразіе и безсиліе мертвой націи, такъ глубоко унижено достоинство человѣка,—что, не будь въ мірѣ оо. іезуитовъ, мы бы не поняли психической инниціативы и генеалогіи этого кодекса всевозможныхъ обмановъ и подлостей. А между тѣмъ этотъ катихизисъ—явленіе не эфемерное; его положенія обязательны не для нѣсколькихъ лишь недѣлимыхъ. Напрасно адепты его толкуютъ теперь объ апокрифичности его происхожденія; онъ—документъ историческій, популярный, вліяніе котораго рѣзко отобразилось въ отношеніяхъ патріотовъ польскихъ къ Россіи—прошедшихъ и настоящихъ. Допроси, русскій, свою память, собери въ одну группу, разсѣянные въ твоей жизни эпизоды разныхъ сношеній, столкновеній твоихъ съ поляками; поройся въ твоихъ воспоминаніяхъ, начальникъ, дарившій подчиненнаго тебѣ поляка своимъ довѣріемъ, припомни всѣ дѣла, соприкосновенныя къ полякамъ, которыя рѣшилъ ты подъ вліяніемъ этого довѣрія—и теперь, когда лица и обстоятельства, вліявшія на ваши отношенія и дѣйствія, прошли, когда впечатлѣнія минуты, породившія ошибки, увлеченія, обманы,—умолкли, положа руку на сердце,—скажите,—не замѣчаете ли вы во всѣхъ этихъ эпизодахъ, довѣріяхъ, дѣлахъ, ошибкахъ и проч. явственныхъ признаковъ враждебнаго приравженія къ русскимъ интересамъ исповѣдниковъ польскаго катихизиса? Не припомните ли даже какъ—именно и когда, та или другая личность сокрыла отъ васъ истину, подвела васъ подъ судъ, разрушила ваше доброе начинаніе, заставила васъ сдѣлать ложный шагъ, заплатить растраченныя кѣмъ либо казенныя деньги, затянуть ясное дѣло, отказать соперннку поляка или жида въ правомъ искѣ и проч. Не припомните ли даже и такого искушенія, когда, для одолѣнія вашей непреклонности и смягченія вашего сердца, къ вамъ подсылали бойкое существо, съ двумя истинно—польскими глазками,

съ рѣчью сирены, ухватками Венеры, и вы дѣлали не то, что хотѣли,—не припомните ли? О, мы увѣрены, что вы все это припомните, если только терпѣливо пороетесь въ вашихъ воспоминаніяхъ!

Вѣрьте же, послѣ этого, искренности польской дружбы, честности поляка на русской службѣ, когда это противно догматическимъ убѣжденіямъ его, когда эти качества онъ считаетъ самоубійствомъ! Но, избави Богъ, что бы мы обобщали этотъ взглядъ до отрицанія исключеній! Едва-ли нужно и говорить, что между поляками есть люди, чуждые сумасбродныхъ экзальтацій, патріотическихъ миражей и низостей, воспитанные въ правилахъ катихизиса христіанскаго, умѣющіе понять, что Россія ничего не сдѣлала ни имъ, ни Польшѣ, кромѣ добра, что, въ дѣлѣ русско-польскихъ отношеній, варварство, низость, изувѣрство, измѣна всегда приходились на долю ихъ соотчичей, пятнающихъ не только польскую націю, но и человѣчество. Само собою, что большинство—не на сторонѣ этихъ добрыхъ, честныхъ и благонамѣренныхъ сыновъ Польши—или точнѣе—Россіи, что къ нимъ относятся по преимуществу люди съ независимымъ состояніемъ, историческимъ именемъ, люди, какъ выражаются поляки, starej daty, и что—за тѣмъ—все почти мелкое, низшее чиновничество изъ шляхты, дѣлающееся иногда впослѣдствіи и крупнымъ, болѣй или менѣе—принадлежитъ къ группѣ исповѣдниковъ польскаго катихизиса.

2). Быть-можетъ полякъ назоветъ „русскій катихизисъ" жестокимъ, незаконнымъ? Напрасно! Послѣ катихизиса польскаго, догматизированнаго и въ теоріи и на дѣлѣ, трудно сочинить жестокій и незаконный—русскій. Съ исповѣдниками польскаго катихизиса—всѣ мѣры законны. А мѣръ, внушаемыхъ положеніями русскаго катихизиса нельзя назвать даже не гуманными; это мѣры—чисто оборонительныя. О конфискаціи имущества людей, заявившихъ злостное покушеніе на жизнь и цѣлость Россіи, о надѣлѣ землею крестьянъ, цѣлые вѣка стонавшихъ подъ гнетомъ рабства не легче египетскаго и оказавшихъ теперь особенныя услуги Россіи, объ осторожности и отчужденности отъ пріятелей, вѣчно держащихъ за пазухой камень (а то, пожалуй, и револьверъ) для

друга,—и говорить нечего: тутъ противъ нашего катихизиса не мыслима апелляція. И положеніе наше касательно принятія поляковъ на русскую службу отнюдь не жестоко; мы узаконяемъ на этотъ случай мѣру—тоже оборонительную. Скажите по совѣсти, у какой націи достанетъ духу пустить къ себѣ на службу людей, служебные принципы и нравственныя заповѣди которыхъ выражаются такъ: обманывай тѣхъ, у кого служишь, обманывай всѣхъ русскихъ, измѣняй дружбѣ, клятвопреступничай, крадь, подличай на сколько съумѣешь, чтобы вывѣдать секреты благодѣющей тебѣ націи, продать ихъ врагамъ ея и удобнѣе поражать ее въ самыя больныя мѣста! Нужно быть самоубійцею, чтобы пустить въ среду русской администраціи чиновника съ такими правилами и цѣлями; нужно быть безумнымъ, чтобы вручить общественную кассу человѣку, который служитъ для того только, чтобы грабить, важнѣйшій догматъ котораго—казнокрадство.

Такимъ образомъ правила нашего катихизиса обязаны своимъ основаніемъ правиламъ польскаго катихизиса, вызваны паралелью съ симъ послѣднимъ. Такимъ образомъ лица, которыя не могутъ, подобно намъ, читать польскаго катихизиса безъ ощущенія, испытываемаго человѣкомъ отъ прикосновенія къ отвратительной и ядовитой гадинѣ,—безъ ужаса, то есть, и омерзѣнія,—весьма безопасно могутъ быть приняты на службу русскую, къ какой бы націи эти лица ни принадлежали. Но, если искатели русской службы пропитаны идеями и намѣреніями польскаго катихизиса, само собою (какъ сказано и доказано выше) нужно быть врагомъ самому себѣ, чтобы позволить имъ терзать внутренность земли русской. Вотъ только трудный вопросъ: какъ узнать и различить личность, исповѣдующую катихизисъ христіанскій отъ тѣхъ, которые боготворятъ—„польскій?“ Примѣты тѣхъ и другихъ личностей отчасти намѣчены выше; теперь только можно фотографировать еще нѣкоторыя. Всякій пролетарій, служащій не изъ чести, не безкорыстно,—большинство современной мелкой шляхты и польской молодежи, воспитанной въ началахъ нигилизма и ложнаго патріотизма—почти безусловно принадлежатъ къ исповѣдникамъ „польскаго катихизиса.“

******й.

IV.

ВОЕВОДА ВОЛЧІЙ ХВОСТЪ.

ПОВѢСТЬ КРАСНАЯ,

ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ СВЯТОСЛАВА

И СЫНА ЕГО ВОЛОДИМІРА.

(Продолженіе).

XI.

ПЕЧАЛЬНАЯ УЧАСТЬ ХРАБЛА, ВОЛЧЬЕГО ХВОСТА.

На берегу Волхова въ недальнемъ разстояніи отъ Новагорода, на ярко зеленой муравѣ полулежалъ воевода Волчій Хвостъ. Сумрачный взоръ его впился въ синеватую даль. Казалось, что за чернѣвшеюся полосою сосноваго бора и дали онъ видѣлъ блаженный край, къ которому рвалось его кипучее сердце. Направо отъ него черными силуетомъ очертывались не высокія постройки града, а позади воеводы, тоже вдали, виднѣлись деревцы, кой гдѣ домины, и надъ всѣмъ этимъ высѣла небесная голубая чаша, въ срединѣ коей стояло свѣтлое солнце, разсыпавшее изъ чаши на окрестность золотые лучи свои. Воздухъ дышалъ упоительнымъ ароматомъ, несшимся со стороны зеленыхъ равнинъ. Человѣку въ тотъ часъ отрадно, даже упоительно было дышать. Самой ядовитой грусти притуплялось жало и сердце свободнѣе билось въ груди. Тяжкой недугъ облегчался и страдалецъ успокоивался, хотя на мгновеніе. . . . .

Но Храблъ и въ тѣ святыя мгновенія страдалъ душею, будучи крѣпокъ тѣломъ. Страдалъ невыносимо больно,— страдалъ какъ страдаетъ мать когда отъ нее сокрыли трупъ

любимаго ею дѣтища. У князя новогородскаго Владиміра Храблъ былъ въ любви, силѣ и славѣ. Казалось, что рай земной его окружалъ, а въ душѣ его гнѣздилась преисподняя ада. . . . .

Въ значительномъ отдаленіи отъ того мѣста, на которомъ находился Храблъ, на противуположномъ берегу Волхова, со стороны Новуграда, отъ берега отдѣлилась малая лодка и скоро зачернѣлась на свинцовыхъ водахъ рѣки. Храблъ замѣтилъ ладью, измѣнилъ свое прежнее положеніе и взоръ его впился въ судевошко, плывшее по направленію къ тому мѣсту, на которомъ онъ сидѣлъ.

Кажись это они!—Незнаю, какъ быть, что предпринять.. Оставаться въ землѣ варяжской не по сердцу моему. Съ варягами и норманами не житье кіевскому русину!—Отъ избытка чувствъ громко говорилъ самъ съ собою Храблъ.

По теченіи лодка быстро приблизилась къ Храблу и изъ нее вышли его лучшіе други мечники Ивой и Петро. Они были въ длинныхъ толстого сукна мятляхъ, которые обыкновенно надѣвались въ путь, головы мечниковъ были повязаны большими бѣлыми платами. По одѣянію ихъ можно было съ перваго взгляда замѣтить, что они приготовились отправиться въ дальній путь.

Петро шелъ впереди, Ивой за нимъ, быстро подошли они къ поднявшемуся съ своего мѣста Храблу и почтительно ему поклонились. Храблъ также отвѣчалъ имъ поклономъ, но также какъ и они безмолвно, безъ обычныхъ встрѣчныхъ привѣтовъ.

Мы и здѣсь тебя нашли!—Давши слово, ты долженъ его не нарушимо исполнить. Ты русинъ,.. ты кіевлянинъ, а не лядскій-песъ, не варяжскій кровожадный вранъ, и не новугородскій выхръ, ты не норманскій нахлѣбникъ, ты нашъ родной по плоти и крови, ты, повторялъ, кіевскій русинъ, и слово, сказанное тобою, долженъ соблюсти, какъ зеницу своего ока. Ты рѣшился оставить ненавистный тебѣ Новугородъ; ты же говорилъ и каждую годину твердилъ, что Новугородъ не Кіевъ, что русь кіевская не буйный выхрь новгородскій; ты же *ротился* и своимъ богомъ перуномъ и нашимъ, который превыше солнца, что и годины не останешься болѣе въ Новуградѣ и вмѣстѣ съ нами поѣдешь въ Кіевъ. . . . . . Говорилъ Петро съ видимимъ внутреннимъ волненіемъ.

Что ты такъ присталъ къ воеводѣ, быть можетъ онъ

раздумалъ, что путь далекъ и рѣшился остаться въ Новугородѣ, сказалъ Ивой, взявши дружески за руку Храбла.

Нѣтъ, нѣтъ Ивой, нѣтъ я не останусь въ Новугородѣ, сердце мое рвется въ Кіевъ. Тамъ и моя бѣдная мать—скиталица, тамъ и Юнія, тамъ и несчастная безумная Алла, тамъ и добрый старецъ Мславъ, тамъ и мой кормилецъ калѣка Костарь; тамъ Угорище, тамъ каменный теремъ великой Княгини Ольги и теремъ Святослава, тамъ мнѣ каждая тропа мила, тамъ Днѣпръ, привольный Днѣпръ; тамъ даже самые крещеные мнѣ любы, а въ Новугородѣ все чужое сердцу, постылое. . . . . .

Да, знатный воевода, Кіевъ не Новугородъ и мы скажемъ; отсюда поплыветъ идольщикомъ, въ Кіевѣ станетъ Божьимъ людомъ, примѣромъ сказать князья Аскольдъ и Диръ, и великая княгиня Ольга-звѣздами небесными стали, а ужъ въ этомъ буйномъ Новугородѣ, что есть Богу угодное? . . Ровно ничего! . . . Правда и у насъ въ Кіевѣ еще честятъ деревяныхъ боговъ, да куда ужъ не такъ какъ въ Новугородѣ. . . Сказалъ Ивой въ отвѣтъ Хроблу.

Если я сего дня утромъ ушелъ отъ васъ сюда, то не потому, что бы измѣнилъ мое намѣреніе, а для того, чтобы на единѣ поразмыслить: полезное ли и доброе ли для себя я предпринимаю и здѣсь я уже твердо рѣшился оставить Новугородъ и отправиться съ вами въ Кіевъ, и знаете, что еще я долженъ сказать: не будь вы крещеные, я бы не послушалъ васъ и не рѣшился вмѣстѣ съ вами предпринять такой далекій путь, но крещеные не только не посягаютъ на жизнь какого либо люда, но еще берегутъ жизнь своего дружника и даже не друга пуще своей собственной. Вотъ поэтому то вашъ Богъ лучше всѣхъ боговъ Руси.

Да, и ты наконецъ, воевода сознаешь, что нашъ Богъ лучше вашихъ идоловъ, а почему же не пріймешь крещенія?

Да и великая Княгиня ѣздила въ Константиноградъ креститься; она была мудрая княгиня и не приняла бы новой вѣры еслибы она не была лучше старой, но зато великій князь Святославъ Игоревичъ далекъ былъ отъ крещенія, а я вѣдь взросъ въ его теремѣ. . . .

Во время разговора Ивой высматривавшій всторонѣ своихъ челядиновъ увидѣлъ ихъ и подошедши къ воеводѣ, сказалъ.

Прощайтесь съ Новугородомъ, намъ ведутъ коней.

Если бы князь Владиміръ былъ въ эту пору въ Нову-

городѣ, то, быть можетъ, я еще не оставилъ его и Новугорода, а теперь я ничего не покидаю въ немъ дорогого моему сердцу, а напротивъ все чужое, постылое. Не по душѣ мнѣ варяги и ихъ жизнь; это не Русь, это не кіевляне . . . Однако, что объ этомъ говорить, въ путь мои честные ближники, кони намъ готовы.

Воевода быстро вложилъ ногу въ стремя, усѣлся на коня и выѣхалъ впередъ. Ивой и Петро послѣдовали за нимъ вмѣстѣ съ нѣсколькими преданными себѣ дружниками и челядинами.

Вершниковъ до десяти поѣхало вдоль берега шумнаго Волхова и скоро они скрылись за зеленымъ пригоркомъ и тогда тотъ же пригорокъ скрылъ отъ взоровъ вершниковъ всѣ зданія Новугорода. Путь вершникамъ лежалъ у береговъ рѣкъ, такъ было въ тѣ вѣки: безпредѣльныя пространства, нынѣ заселенной Россіи, тогда представляли одни тучныя поля, среди которыхъ паслись стада, коими такъ изобиловала древняя Русь. Кой гдѣ вершники находили небольшія поселенія, пріютившіяся болѣе подлѣ рыболовныхъ мѣстъ рѣкъ, и вокругъ поселеній, то есть вокругъ маленькихъ низенькихъ доминъ, кое какъ прикрытыхъ соломою, разставленныя среди зеленой долины на тонкихъ ивовыхъ палкахъ воткнутыхъ въ землю, длинныя ряды рыболовныхъ сѣтѣй, а далѣе за поселеніями золотились безбрежныя пространства колосистыхъ хлѣбовъ.

Мирно и невозмутимо жили въ тѣ дни на Руси; во всемъ было довольство и даже подъ часъ и кой какая роскошь, но и тогда какъ и теперь, народъ пѣлъ свою обычную пѣсню: *Въ старину живали дѣды веселѣй своихъ внучатъ*, и говорилъ: минулся золотой вѣкъ и наступилъ желѣзный, и жалобамъ конца небыло, и слушали такую пѣсню и такія жалобы и наши путники воевода Волчій Хвостъ и его товарищи.

Много дней прошло въ длинномъ и томительномъ пути, а нетерпѣніе скорѣе достигнуть Кіева увеличивалось съ каждымъ днемъ и вершники съ каждымъ же днемъ проѣзжали большее пространство, выѣзжая въ путь за долго до утренней зари и останавливаясь на ночлегъ за полночь не рѣдко въ чистомъ зеленомъ полѣ, по которому, со всѣхъ сторонъ ночной вѣтерокъ разносилъ упоительный ароматъ цвѣтовъ, оживлявшій усталыхъ путниковъ.

Засинѣлъ предъ путниками вдали темно синей стѣною

сосновый боръ, кой гдѣ показались серебристые холмы песка, а выше стѣны бора заголубились едва видно и приднепровскіе горы — возвышенности Кіева съ тремя его могилами: Вѣщаго Олега, Аскольда и Дира. Сердца путниковъ сильнѣе забились въ груди; сердце Храбла-Воеводы Волчьяго Хвоста исполнилось непонятнымъ для него чувствомъ и хоть сперва и тяжелымъ, но потомъ самымъ отраднымъ, какое только могъ чувствовать грубый язычникъ того времени и притомъ такой какимъ былъ Храблъ.

Вершники въѣхали въ дремучій боръ, о которомъ въ народныхъ вѣрованіяхъ ходило множество легендъ одна другой страшнѣе, одна другой кровавѣе. Однакоже наши вершники ѣхали невозмутимо спокойно, разговаривая о происходившихъ въ той мѣстности и ближайшихъ къ ней окрестностяхъ битвахъ съ половцами, печенѣгами и другими врагами Кіева и какъ подъ часъ случалось счастливо кіевскому русину избѣгать плѣна половецкаго.

Вечерѣло. Темнота въ мрачномъ бору увеличивалась и хотя рано начала свѣтить луна, но густота деревъ и кустовъ была такая, что вершники не могли слѣдовать своей лѣсной дорогой и часто ее теряли и опять часто, хотя случайно находили ее. Воздухъ началъ свѣжѣть отъ близости Днѣпра и вершники это не упустили замѣтить, тѣмъ болѣе, что выѣзжая на одну изъ прогалинъ лѣса Ивой вдали замѣтилъ едва свѣтлѣвшееся зеркало водъ Днѣпра, по коему скользили чешуйчатые лучи позлащенные свѣтомъ луны. Въ лѣсу, изъ болотъ подымался клубами какъ легкій дымъ костра ночной туманъ и заливалъ собою огромныя, пространства, представляя ихъ безбрежнымъ моремъ.

Кругомъ было тихо, ни птичка, ни ночная козявка, ни даже листочекъ на деревѣ не нарушали безмолвія лѣса.

Внутреннее чувство путниковъ веселило ихъ скорымъ достиженіемъ града Кіева и всѣ они мечтали увидѣть своихъ любыхъ ближниковъ и обнять ихъ. Какъ вдругъ изъ чащи лѣса пронеслась съ легкимъ шелестомъ стрѣла и едва не впилась въ грудь Ивоя, за нею вслѣдъ полетѣла другая и вдругъ, въ одно мгновеніе на нашихъ всадниковъ со всѣхъ сторонъ нежданно и негаданно полетѣли тучи стрѣлъ и осыпали ихъ, Ивой былъ раненъ въ руку, Воевода Волчій-Хвостъ въ лѣвую лядвію, но не смотря на такую неожиданную нечаянность, воевода Волчій-Хвостъ понялъ, что дѣло имѣютъ съ опаснымъ и многочисленнымъ врагомъ и безстрашно скоман-

доваль своимъ товарищамъ умчаться впередъ и потомъ въ разныя стороны.

Усталые кони, почуявъ врага, понесли, сколько доставало еще у нихъ силы, вершниковъ своихъ впередъ, и среди густоты наши путники разсѣялись. Чрезъ нѣсколько секундъ съ дикимъ гикомъ и бряцаніемъ мечами о щиты пронеслась партія хищныхъ печенѣговъ, укрывавшаяся въ дебряхъ этихъ лѣсовъ и производившая разбой по берегу Днѣпра. Не видя предъ собою нашихъ путниковъ, хищники также въ разсыпную начали искать и преслѣдовать ихъ въ чащѣ лѣса, — и вдали отрывчато слышались удары мечей и крыки раненныхъ.

Луна закатилась и далеко за полночь къ Днѣпру чернѣвшемуся среди лѣсныхъ возвышенностей кіевскихъ, возстававшихъ надъ нимъ съ праваго берега и безконечной стѣны чернаго бора росшаго на лѣвомъ берегу, изъ этого лѣса осторожно и тихо приближалось три вершника, два изъ нихъ поддерживали третьяго сильно раненнаго въ грудь стрѣлою, это былъ Храблъ. За ними, изъ ближайшихъ мѣстъ лѣса, вскорѣ еще выѣхало два или три вершника, и очень тихо и осторожно среди ночной темноты, по пещаному прибрежью также вслѣдъ за первыми приближались къ водамъ Днѣпра. Вдали слышался топотъ коней и голоса людей.

У берега Днѣпра, плескалось два рыбачихъ челнока, привязанныхъ веревкою къ пню согнившаго дерева и занесеннаго сюда весеннимъ разлавомъ водъ. Въ одномъ челнокѣ лежали сѣти и два весла, другой былъ пустъ. Вершники отыскали эти челноки, слѣзли съ коней, осторожно уложили въ пустой челнокъ раненнаго товарища и два изъ нихъ сѣли въ тотъ челнокъ, а остальные помѣстились въ другомъ челнокѣ, и, привязавъ за поводья коней къ челнокамъ, пустились плыть къ кіевскому берегу. Пріученные кони легко плыли за челноками, коими мастерски управляли вершники; и едва они отъѣхали нѣсколько саженей отъ берега, какъ замѣтили, что наберегъ изъ лѣса подъѣхали остальные товарищи дружины воеводы Волчьяго-Хвоста, который былъ въ безпамятствѣ отъ раны и котораго положили въ особый челнъ и переправляли чрезъ Днѣпръ.

Было далеко за полночь, когда дружина наша переправилась съ раненнымъ Хробломъ на правый берегъ Днѣпра. Кромѣ Хробла было еще два раненныхъ его товарища, но не такъ сильно и вовсе не опасно. Дружники наши, вышедши на берегъ и осторожно поднявъ Хробла изъ челнока, вынесли

его на берегъ и положили у берега, на серебрянный песокъ. Начались распросы и разсказы о случившемся и изъ словъ дружниковъ можно было только узнать, что орда печенѣговъ была гораздо болѣе сотни, что она никого изъ нихъ не взяла въ плѣнъ и не могла ничего похитить, что стрѣлы попали въ грудь Хробла и въ руки товарищей случайно, ибо печенѣги въ одно мгновеніе пустили ихъ тучу и радовались, что такъ легко отдѣлались отъ коварныхъ хищниковъ, жалѣя только о положеніи Храбла и совѣтовались, что съ нимъ дѣлать и куда его до времени укрыть.

Послѣ долгихъ споровъ и несогласій о томъ, какъ лучше поступить съ воеводою, коего жизнь была въ опасности и что дѣлать съ нимъ до восхода солнца,—нѣсколько вершниковъ, по совѣту прочихъ товарищей, отправилось во градъ разыскивать Костаря и другихъ знакомыхъ и близкихъ воеводѣ, другіе же усталые и изнеможенные улеглись подлѣ раненнаго, желая хотя на нѣсколько минутъ предаться отдыху.

Тишина на берегу воцарилась. Черныя тучи окрывали сплошною пеленою весь горизонтъ и въ двухъ шагахъ нельзя было разсмотрѣть предметовъ. Дружники, оставшіеся при Хроблѣ, вскорости отъ усталости уснули, и только среди тьмы ночной слышенъ былъ плескъ днѣпровскихъ волнъ и шумный раскатъ ихъ у берега.

Одинъ изъ раненныхъ дружниковъ полусонный полу въ памяти отъ раны, изъ которой истекало много крови, обезсиленный, услышалъ женскіе голоса въ самомъ близкомъ отъ себя разстояніи, потомъ услышалъ самое близкое приближеніе ихъ къ мѣсту ихъ покоя и едва могъ замѣтить во тьмѣ ночной, какъ эти женщины,—несшіе глиняные кувшины, въ кои они набрали изъ Днѣпра воду,—подошли къ раненному Хроблу, и съ ужасомъ сперва отскочили отъ него, замѣтивъ окровавленное платье на груди, а потомъ, послѣ быстрой размолвки приблизились къ раненному, освѣжили его голову водою, омочивъ его и этимъ нѣсколько приведя въ чувство, подняли его съ усиліемъ и хотя съ напряженіемъ своихъ слабыхъ силъ, но повели его подъ руки на возвышенность берега и исчезли во тьмѣ. Куда онѣ скрылись, что сдѣлали съ воеводою Хробломъ того не могъ видѣть и знать раненный дружникъ. Вскорѣ послѣ того проснулось два изъ дружниковъ. и оба обратившись къ Хроблу, желая слѣдить за его положеніемъ, удивились, когда убѣдились, что его не стало среди ихъ.

Въ первое мгновенie они приписали изчезновенie воеводы плѣненiемъ его печенѣгами, которые дерзнули переправиться чрезъ Днѣпръ, но когда они разбудили своихъ товарищей и сообщили имъ о случившемся, то всѣ вмѣстѣ рѣшили, что въ безпамятсвѣ и жару Хроблъ бросился въ волны Днѣпра и погибъ. Раненный дружникъ на вопросы товарищей, едва внятно, могъ произнесть нѣсколько словъ и когда говорилъ что Хробла взяли какiя то женщины и увели, то прочiе товарищи рѣшили, что раненный ихъ дружникъ бредитъ и поэтому не слѣдуетъ обращать вниманiе на его не связную рѣчь.

Розовая узкая, но длинная полоска протянулась на востокѣ и разрѣзала мрачную ночную пелену, волны стали тише плескать, хотя подулъ легкiй вѣтерокъ, отъ коего за колебалась травка и вѣточки кустовъ росшихъ по берегу. Ночная тьма начала синѣть, потомъ голубѣть и мало по малу заалѣлъ востокъ и настало утро. Когда уже порядочно разсвѣтало, возвратились дружники, отправившiеся ночью во градъ и съ ними прибылъ дряхлый полусѣдой калѣка Костарь. По выраженiю страшнаго лица его видно было что участь Храбла его безпокоила и когда остававшiеся товарищи на берегу Днѣпра, при воеводѣ сообщили что воевода исчезъ, то всѣ дружники и Костаръ впали въ сильное негодованiе, перешедшее потомъ въ сожалѣнiе объ участи Храбла, ибо всѣ увѣрились, что Хроблъ въ безпамятствѣ чувствуя нестерпимый жаръ, бросился въ волны Днѣпра и погибъ.

Вотъ здѣсь, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, я бродилъ съ моимъ добрымъ Хробломъ. Мы среди этихъ овраговъ и кустовъ встрѣтили Аллу, мать той Юнiи, которую если вы знаете, такъ любилъ Хробль, изъ за красоты которой онъ спасъ Кiевъ и великую княгиню Ольгу съ княжичами, отъ печенѣжскаго плѣна. Изчезла отъ него Юнiя какъ нынѣ и онъ исчезъ. И все причинено печенѣгами..... Произнесъ съ внутреннимъ волненiемъ Костарь и не въ силахъ будучи стоять, усѣлся на песку, поджавъ, по своей привычкѣ, подъ себя ноги.

Товарищи Хробла и людъ, пришедшiй изъ града, всѣ были того мнѣнiя, что Хроблъ бросился въ жару въ воды Днѣпра и погибъ въ немъ.

Это заклятое мѣсто!—началъ говорить Костарь, обратясь къ окружавшимъ его. Давно уже, еще въ живыхъ была княгиня Ольга, я съ Хробломъ прiѣхалъ ночью на Угорище. Среди ночи, мы пробирались вдвоемъ на конѣ въ чащѣ лѣса и

что жъ вы думаете. Діавольская сила едва, едва насъ не замучила. А ужъ, что было съ нами на этомъ мѣстѣ, то и разсказать трудно. Хроблъ желалъ схватить Аллу, которая показалась передъ нимъ стоявшею въ нѣсколькихъ шагахъ, на берегу, онъ пустился бѣжать за нею; казалось, что и Алла уходила отъ него на Угорище, Хроблъ быстро ее преслѣдовалъ и когда она почти была въ его рукахъ, въ мгновеніе ока она исчезла и сколько мы не искали ее среди овраговъ, въ кустахъ и вездѣ, не могли найти, ужъ подлинно какъ въ воду упала и исчезла. Да это заклятое мѣсто, нѣтъ никакого сомнѣнія, что чернобогъ ввергъ и Хробла въ пучину днѣпровскую.—Ну пойдемъ тризну по немъ совершимъ и погорюемъ всѣ вмѣстѣ, а раненымъ пособіе подадимъ и вамъ дружники славнаго воеводы Волчьяго-Хвоста пора отдохнуть.

Вершники повиновались Костарю: одни изъ нихъ сѣли на коней, другіе шли пѣшкомъ, ведя коней за повода, съ ними тихо побрелъ во градъ и Костаръ.

Печально шла во градъ толпа дружниковъ, не слушая утѣшеній Костаря.

(*Продолженіе впредъ*)

Нѣсколько случаевъ противодѣйствія латино-польской пропаганды народному образованію въ западномъ краѣ Россіи.

При письмѣ къ редактору-издателю Вѣстника одинъ изъ сельскихъ пастырей литовской епархіи прислалъ къ нему очеркъ нѣсколькихъ случаевъ противодѣйствія, какое встрѣчаетъ въ западномъ краѣ народное образованіе со стороны враждебнаго Россіи и православію латино-польскаго элемента, прося предать ихъ гласности посредствомъ обнародованія въ издаваемомъ семъ журналѣ. [1])

Въ Августѣ 1861 года высокопреосвященный митрополитъ Іосифъ пригласилъ духовенство литовской епархіи— учредить при церквахъ училища, для распространенія грамотности въ простомъ народѣ. Вслѣдствіе сего въ томъ же году 1 ноября была мною открыта школа въ ввѣренномъ мнѣ приходѣ, въ селѣ Люшневѣ, слонимскаго уѣзда. Въ іюлѣ того-же года въ с. Люшневѣ открылось волостное правленіе и явился мировой посредникъ. Село Люшнево составляетъ имѣніе слонимскаго уѣзднаго предводителя дворянства Евстафія Волловича, [2]) а по новѣйшему раздѣлу, въ административномъ отношеніи, состоитъ въ 4 участкѣ мироваго посредника,— сына вотчинника имѣнія Люшнева—Владислава Волловича. Эти гг. Волловичи, предводитель дворянства и мировой посредникъ, связанные родствомъ и облеченные властію, осенью тогоже 1861 года основали канцелярію для волостнаго правленія и при оной школу для народнаго образованія,—собравъ складку отъ прочихъ помѣщиковъ на учебныя пособія и 25

[1]) Не смѣю отказать законному требованію почтеннаго пастыря. **Редакторъ.**

[2]) Прямаго потомка того Волловича, который подписанъ на извѣстномъ протестѣ противъ уніи въ 1599 году, основателя православныхъ церквей и монастырей и сильнаго защитника гонимаго православія.

декабря составили библіотеку изъ книгъ польской печати, виленской типографіи. Волостной писарь Игнатовичъ римско-католическаго исповѣданія былъ назначенъ наставникомъ для ввѣреннаго мнѣ училища, въ коемъ было 30 мальчиковъ православныхъ, а иновѣрцевъ не могло быть, потому что въ селѣ Люшневѣ ихъ вовсе нѣтъ. Волостной писарь Игнатовичъ, получивъ отъ мироваго посредника Волловича должность наставника, сталъ вмѣшиваться въ дѣла училища, такимъ образомъ, въ одно и то же время, для одного и того же училища, появилось два наставника съ противоположными идеями, инструкціями, и стремленіями. Такое распоряженіе мироваго посредника Волловича обнаружилось не въ одномъ только Люшневѣ, но и въ сосѣдствѣ его, въ мѣстечкѣ Молчади, гдѣ еще въ ноябрѣ месяцѣ нанятъ отъ волостнаго правленія помощникъ писарю-учитель, и всю зиму училъ православныхъ учениковъ польской грамотѣ, а дьячекъ устраненъ, будтобы по неспособности обучать крестьянскихъ дѣтей. Въ Бозѣ почившій тамошній священникъ Дедевичъ постоянно доносилъ объ этой пропагандѣ мѣстному благочинному протоіерею Соловьевичу, но распоряженіе епархіальнаго начальства о прекращеніи ея нескоро послѣдовало, а между тѣмъ ученики православные Молчадской школы, въ продолженіи цѣлой зимы 1861 года, не успѣвъ научиться читать по складамъ польскую грамоту и незная имени своего Освободителя отъ крѣпостной зависимости, знали уже имя папы Пія IX. Въ январѣ 1862 года, узнавъ къ чему клонятся затѣи мироваго посредника Волловича и какъ быстро подвигается впередъ его пропаганда, я нашелъ опаснымъ дѣйствовать въ этомъ неотвѣтномъ дѣлѣ путемъ формальныхъ рапортовъ и приказалъ дьячку своему Куриловичу не впускать въ школу самозванца,— нанятаго отъ волостнаго писаря учителя для ввѣренной мнѣ школы какого-то не извѣстнаго и весьма подозрительнаго человѣка, слуцкаго уѣзда минской губерніи хоть (по его показанію) православнаго. Послѣ сего люшневскій волостной писарь Игнатовичъ, замѣтивъ съ моей стороны противудѣйствіе его замысламъ, 8 января началъ распространять между прихожанами православными польскія книги, подъ заглавіемъ: Elementarz dla chłopców wiejskich. Wilno 1860 roku, внушая имъ обучать своихъ дѣтей по этой книгѣ, потому что, по словамъ его, въ нихъ будтобы заключается вся мудрость, какъ прославлять Бога (въ сихъ книжкахъ помѣщенъ ультрамонтанскій катехизисъ), и будтобы по симъ книгамъ

весьма легко научиться—быть хорошимъ хозяиномъ, (въ сихъ книгахъ изложены нѣкоторые совѣты по хозяйству, выраженные въ пословицахъ и анекдотахъ). Всѣ эти буквари (Elementarzy), я захватилъ и немедленно представилъ ко многимъ особамъ своего епархіальнаго начальства, прося его положить преграду этой пропагандѣ, для пресѣченія которой у меня не было средствъ. Гг. Волловичи, узнавъ о моемъ противодѣйствіи ихъ затѣямъ, сильно ожесточились противъ меня. Они выдумали на меня самыя недобросовѣстныя клеветы и представили къ г. б. начальнику гродненской губерніи Дренякину;—потомъ, не успѣвъ ничего у гражданскихъ властей, обратились къ высшему духовному начальству, съ просьбою, дабы я былъ лишенъ люшневскаго прихода. Не имѣя законнаго основанія для подкрѣпленія такого лихорадочнаго желанія, Волловичи выдумывали самыя нелѣпыя и смѣшныя причины для удаленія меня съ прихода. *)

19 Августа, вопреки желанію гг. Волловичей, я назначенъ епархіальнымъ начальствомъ штатнымъ наставникомъ, при люшневскомъ народномъ училищѣ. Г. начальникъ гродненской губерніи Галлеръ извѣстилъ мироваго посредника, Волловича, что училища народныя подлежатъ вѣденію учебнаго округа, а непосредственное образованіе поселянскихъ дѣтей ввѣрено мѣстному православному духовенству. Вслѣдъ за тѣмъ предписано мировому посреднику позаботиться о домѣ для помѣщенія училища и о содѣйствіи въ семъ добромъ дѣлѣ. 13 октября прошлаго 1862 года школа была мною открыта торжественно,— съ совершеніемъ священныхъ обрядовъ въ новомъ домѣ, устроенномъ при волостномъ правленіи издержками общества. 27 дня того же мѣсяца мировой посредникъ Волловичъ, посѣщая эту школу, спросилъ помощника моего: обучаются ли мальчики по польски? „Нѣтъ,“ отвѣтилъ мой помощникъ. Потомъ вслѣдъ за мировымъ посредникомъ, войдя въ школу помѣщикъ Вога, спросилъ сторожа: здѣсь обучаютъ

([1]) 18 Іюля 1862 года подана записка отъ г. помѣщика с. Люшнева—слонимскаго предводителя дворянства Евстафія Волловича къ высокопреосвященнѣйшему митрополиту, слѣдующаго содержанія· „священникъ Дашкевичъ, живя вблизи моего жилаго дома и содержа несмѣтное число домашнихъ птицъ, дѣлаетъ мнѣ непріятности, (подлинныя слова), многіе господа помѣщики на него жалуются, посему прошу его перемѣстить на другой приходъ, а на его мѣсто назначить священника благонадежнаго и проч“.

рекрутовъ? Эти вопросы произвели на селянъ глубокое впечатлѣніе и разные толки, нетолько въ школѣ, но и во всемъ приходѣ. 8 ноября, въ 9 часовъ утра, была выброшена на улицу вся класическая мебель школы и домъ запертъ рукою волостнаго писаря Игнатовича Мальчики, только что начавшіе читать утреннія молитвы, испугавшись этого насилія, произведеннаго во время ихъ молитвы, и не будучи о немъ предварены, разбѣжались по домамъ, не кончивъ даже молитвы. Всѣ крестьяне села Люшнева, смотря на это самоправство, въ изумленіи спросили меня; что это значитъ, что домъ, построенный ихъ издержками для образованія своихъ дѣтей,—безъ всякой причины запирается писаремъ. Собравъ свидѣтелей, въ присутствіи ихъ, волостнаго старшины и сельскихъ старостъ, я спросилъ писаря Игнатовича: на какомъ основаніи онъ закрываетъ училище? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что этотъ домъ назначается на квартиру для мироваго посредника, на случай его пріѣзда, или же, по его усмотрѣнію, въ немъ будетъ устроенъ крестьянскій лазаретъ. Что же касается училища,—то какъ Государь Императоръ пожертвовалъ 10 тысячъ руб. сереб, на устройство народныхъ училищъ и таковыя деньги находятся въ распоряженіи г. попечителя округа,—то пусть, (говорилъ онъ) на эти деньги построится или наймется домъ подъ школу. Я спросилъ волостнаго старшину Ульяна Черногребля: согласенъ ли онъ съ такимъ распоряженіемъ писаря Игнатовача? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ душевно желалъ бы, дабы ученіе продолжалось въ отведенномъ для того обществомъ домѣ, но это дѣлается не по его волѣ. Я немедленно отправился лично въ Слонимъ и донесъ о семъ происшествіи мѣстному благочинному протоіерею Соловьевичу и г. попечителю виленскаго учебнаго округа, князю Ширинскому-Шихматову. Возвратясь изъ Слонима, я нашелъ, что виновникъ этого происшествія приказалъ уже перенести школу для продолженія ученія въ домъ самый для того неудобный, въ курную крестьянскую избу, тѣсную, темную, обращенную окнами на сѣверъ, вредную для здоровья учащихъ и учащихся. Кромѣ того хозяинъ дома былъ въ это время въ отсутствіи такъ что, возвратившись домой, онъ могъ бы выгнать школу изъ своего дома; ибо я не имѣлъ никакого документа, обезпечивающаго дальнѣйшее существованіе въ немъ школы. Само собою, я нашелъ нужнымъ донести объ этомъ распоряженіи волостнаго писаря Игнатовича попечителю учебнаго округа. 10 Декабря прибылъ изъ Гро-

дно, командированный начальникомъ губерніи Штабъ-ротмистръ Витъ, для разслѣдованія сего дѣла въ Люшневѣ и мѣстечкѣ Молчади, гдѣ тоже 5 Ноября изъ училищваго дома была выброшена вся классическая мебель на улицу, по распоряженію мироваго посредника. Г. Витъ, *переночевавъ въ домѣ Гг. Волловичей*, приступилъ къ дознанію, и въ первыхъ своихъ словахъ, при свиданіи и знакомствѣ со мною, высказалъ сочувствіе стремленіямъ гг. Волловичей,—выражаясь слѣдующими словами: „а если бы мы, батюшка, были на мѣстѣ Волловича, вѣдь мы тоже старались бы вводить свою національность„. [1])

Представляя результаты разслѣдованія начальнику гродненской губерніи, г. Витъ такъ былъ милостивъ къ гг. Волловичамъ, что, не смотря на очевидность преступленія, сдѣланнаго ими 8 ноября и явныя во вредъ вѣрѣ нашей и народности затѣи ихъ, вышли изъ этаго дѣла чуть не святыми; для меня же г. Витъ такъ былъ немилостивъ, что, собравъ во время обѣда въ домѣ гг. Волловичей разныя на меня клеветы, представилъ меня въ донесеніи преосвященному Игнатію, викарію литовской епархіи, съ самой невыгодной стороны. Гг. Воловичи, ободренные вожделѣннымъ для нихъ окончаніемъ разслѣдованія во время Рождества Христова, распустили въ своемъ *дворѣ* молву, посредствомъ волостнаго писаря Игнатовича, что я буду удаленъ изъ люшневскаго прихода, а кто ходитъ въ школу, тотъ приготовляется въ военную службу; вслѣдствіе чего дано ученикамъ прозвище—*рекрутъ*. Въ день Богоявленія (6 января), текущаго года, по случаю набора, взятъ въ рекруты самый лучшій ученикъ Константинъ Жидаль 18-ти лѣтній парень, примѣрнаго поведенія, съ весьма хорошими способностями, помогавшій мнѣ въ дѣлѣ обученія неграмотныхъ мальчиковъ. Недовольные школой пропагандисты старались этимъ маневромъ навести страхъ на другихъ учениковъ,—дабы они болѣе не приходили въ классъ, послѣ праздниковъ.

---

[1]) Гг. Волловичи—потомки знаменитаго Евстафія Волловича, бывшаго канцлеромъ литовскаго княжества при Стефанѣ Баторіѣ. Этотъ канцлеръ, какъ видно изъ исторіи, былъ православнаго вѣроисповѣданія, а потомокъ его г. мировой посредникъ Волловичъ, какъ отступникъ отъ вѣры и народности своего предка, не имѣлъ никакихъ правъ на сочувствіе слѣдователя Вита, выраженное въ вышеприведенныхъ его словахъ.

Простой народъ повѣрилъ сказкамъ волостного писаря Игнатовича о незавидной и поголовной участи ихъ дѣтей, обучающихся грамотѣ. 7 Января, по моему старанію, явились въ школу всѣ ученики, даже взятый въ рекруты весь день сидѣлъ въ классѣ надъ книгою, подъ карауломъ. Школа обратно была перенесена въ общественный домъ (1), который съ 8 ноября былъ запертъ. 14 Января прибылъ въ село Лушнево на ревизію народнаго училища чиновникъ командированный отъ попечителя учебнаго округа, князя Ширинскаго—Шахматова—Демяновичъ. Замѣтивъ въ ученикахъ уныніе, по случаю взятія ихъ товарища въ рекруты, ободривъ ихъ приличнымъ наставленіемъ и поощривъ похвалами, г. Демяновичъ вмѣстѣ со мною въ тотъ же день отправился въ мѣстечко Молчадзь, для ревизіи тамошней народной школы. Тамъ, во время самаго (только—что начатого) экзамена, въ лицѣ г. ревизора и учениковъ, взятъ изъ класса въ рекруты помощникъ наставника, мѣщанинъ Павелъ Даниловичъ. Мальчики всѣ расплакались, вообразивъ, что г. ревизоръ и ѣздитъ для того собственно, чтобы грамотныхъ выбирать въ военную службу. Посему случаю 30 января прибыли въ Люшнево опять тотъ же штабъ—ротмистръ жандармской команды Витъ и капитанъ крѣпостной артиллеріи Львовъ, засѣдатель слонимскаго мироваго съѣзда, командированные отъ г. начальника гродненской губерніи, для разслѣдованія сего дѣла: о распространеніи рекрутскаго набора исключительно на однихъ грамотныхъ—учащихъ и учащихся въ народныхъ школахъ. На слѣдствіи оказалось, что ученикъ ввѣреннаго мнѣ училища Константинъ Жидаль сданъ въ военную службу не по приговору мірской сходки, а по распоряженію волостного писаря Игнатовича, расположившаго къ согласію на то и волостнаго старшину. Константинъ Жидаль былъ смѣненъ, а писарь Игнатовичъ отрѣшенъ отъ своего мѣста. Этотъ писарь, состоя около 2-хъ лѣтъ на службѣ въ люшневской волости, отъ первыхъ дней своей службы, по данной тайной ему инструкціи, съ неусыпною заботливостію старался расторгнуть нравственныя узы духовныхъ моихъ чадъ со мною и поселять между нами вражду. Вмѣшиваясь во всѣ дѣла

(1) По прибытіи г. Вита на слѣдствіе 10 Декабря—самъ г. мировой посред. Волловичъ приказалъ перенести школу обратно въ общественный домъ, изъ коего 8 ноября была выброшена мебель.

моего управленія приходомъ, онъ старался парализовать благочестивыя стремленія православныхъ христіанъ, подстрекая ихъ къ неповиновенію власти и церкви и внушая имъ въ религіозныхъ дѣлахъ обращаться за совѣтомъ къ нему. Для достиженія своей цѣли, онъ выдумывалъ самыя недобросовѣстныя на меня клеветы, и прикрывая ихъ именемъ волостного правленія, представлялъ къ гражданскимъ и духовнымъ властямъ. Подъ разными предлогами, онъ тайно и явно противодѣйствовалъ успѣхамъ и процвѣтанію народнаго училища. Сверхъ того, будучи близокъ къ крестьянамъ, онъ, посредствомъ разныхъ искаженій современныхъ событій и знакомства съ краснорѣчіемъ Герцена, производилъ ядовитое вліяніе на образъ мыслей ввѣренныхъ мнѣ прихожанъ. Вотъ одинъ образчикъ этого вліянія: вышепрописанные слѣдователи спросили 30 января старосту села Люшпева Ивана Воробья: „чтобы ты сдѣлалъ въ такомъ случаѣ, еслибы въ Люшневѣ появилась шайка мятежниковъ и требовала, дабы ты къ нимъ присоединился“? Онъ отвѣтилъ: „еслибы писарь приказалъ, то къ нимъ присталъ бы“. Вотъ какія сѣмена посѣваются въ русскихъ обществахъ писарями, которые не отъ нихъ нанимаются, *а назначаются* мировыми посредниками! Всѣ члены волостного правленія неграмотные, они безусловно подчиняются писарю, въ рукахъ коего находятся ихъ печати; многое пишется безъ вѣдома старшинъ, иногда дѣлается распоряженіе и за ихъ согласіемъ, но облекается въ такой для нихъ туманъ, что заключающійся въ немъ ядъ, служащій къ упадку нравственности, къ ущербу казеннаго интереса, къ ослабленію вѣры нашей и народности, остается для нихъ незамѣтенъ. При такихъ жалкихъ представителяхъ общества, и при ихъ руководителяхъ польскихъ патріотахъ, наши народныя школы здѣшняго края находятся въ постоянной борьбѣ съ латинопольскою пропагандой и требуютъ особенной зоркости со стороны заступниковъ нашей вѣры и народности' но есть надежда, что, благодаря энергіи и неусыпнымъ заботамъ г. попечителя учебнаго округа, князя Ширинскаго-Шихматова, при стараніи православнаго духовенства, черезъ два—три года и мысль исчезнетъ въ головахъ польскихъ патріотовъ на введеніе въ здѣшнемъ краѣ мертвящей польской національности. Замѣчательно, что самые родители, отдавая въ школу дѣтей, просятъ учителей не обучать ихъ польскому языку. Поводомъ къ такому отвращенію отъ этого языка послужило пѣніе извѣстныхъ гимновъ въ костелахъ,

подбрасываніе на распутіяхъ и сборныхъ пунктахъ возмутительнаго содержанія сочиненій, подъ заглавіемъ: *мужицкая гуторка* и *мужицкая правда* (1),—первой въ стихахъ, а последней въ прозѣ, съ подписомъ автора: *Ianka z pod Wilna 15 Czerwca 1862 roku*. Обѣ брошюры, писанныя польскими буквами, на бѣлорусскомъ нарѣчіи. Цѣль автора сихъ брошюръ была—пробудить въ простомъ народѣ поголовное возстаніе противъ власти и присоединиться къ польской партіи. Простой народъ понялъ—кто это Ianko z pod Wilna, затыкалъ уши, чтобы не слушать проповѣдуемаго въ этихъ брошюрахъ съумазбродства и боялся, чтобъ дѣти его чрезъ изученіе польского языка не получили способности читать эти и подобныя имъ ядовитыя и бсзсмысленныя сочиненія.

С. Люшнева приходской священникъ и настав. народ. училища Александръ Дашкевичъ.—

26 Февраля 1863 года

О ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ У АВСТРІЙСКИХЪ СЕРБОВЪ.

(ПРЕОСВЯЩЕННАГО АНДРЕЯ, ПРАВОСЛАВНАГО ЕПИСКОПА ТРАНСИЛЬВАНСКАГО)

(*Окончаніе* 2)

Общія замѣчанія.

Для ясности дѣла не лишнимъ считаемъ сообщить здѣсь содержаніе рескрипта 1779 г.

§ 1. Подтверждаемъ привилегіи, данныя сербамъ императорами Леопольдомъ I, и Іосифомъ I, Карломъ VI и Маріею Терезіею.

§ 2. Митрополитъ есть глава сербскаго народа только въ дѣлахъ церковныхъ.

---

(1) Возмутительныя эти сочиненія подбрасываемы были полосой, начиная отъ Бѣлостока во всѣхъ уѣздахъ грод. губерн. осенью прошлого года. Вь моемъ приходѣ только 2 нумера печатныхъ листовъ было подброшено, при шинкѣ и представлено г. начальнику грод. губерніи.

(2) Смотри кн. 9.

§ 3—5. Митрополитъ получаетъ, кромѣ тѣхъ доходовъ, которыми пользуются и епископы, еще 6000 гульденовъ изъ камеральной кассы Ессегской и 3000 гульденовъ изъ камеральной кассы Темешварской; далѣе онъ владѣетъ имѣньемъ Даля, доколѣ не назначится ему другое имѣнье внѣ предѣловъ Кроаціи; въ вознагражденіе за имѣніе Нерадинъ и дачу (praedium) Банковцы принадлежащія возстановленному въ это время по требованію народа монастырю Гергетегу, получаетъ онъ изъ казны ежегодно 5000 гульденовъ; накопецъ ему слѣдуетъ по таксѣ за епископскую ставленную грамоту отъ епископовъ вершецкаго и темешварскаго по 200, отъ пакрацкаго 125, отъ новосадскаго и арадскаго по 150 и отъ карлштадскаго и будинскаго по 100 червонцевъ.

§ 6. Имущество умершихъ митрополитовъ и епископовъ наслѣдуетъ не казна; но, § 7, его надобно отдѣлить отъ имущества митрополіи, § 8, 9, 10, 11, для какой цѣли назначается три національныхъ ассистента: духовный, военный и гражданскій.

§ 12. Имѣніе умершаго митрополита управляется генералъ-коммандою въ Славоніи.

§ 13. Погребеніе умершаго митрополита должно быть соразмѣрно его достоинству, однако просто.

§ 14, 15. Правила, которыя должны быть наблюдаемы при упраздненіи архіепископской каѳедры.

§ 16. Для покрытія издержекъ на соборъ, созываемый для выбора архіепископа, можетъ быть употреблено, кромѣ 500 гульденовъ, назначенныхъ для отряжаемой при семъ случаѣ милиціи, еще 1500 гульденовъ. Остатки доходовъ митрополіи поступаютъ въ иллирскій національный фондъ.

§ 17. Если имущества умершаго митрополита недостаточно для покрытія его долговъ, то церковное и національное имущество не должны быть употребляемы для этой цѣли.

§ 18. 19. Митрополитъ и епископы могутъ въ духовномъ завѣщаніи располагать половиною своего имѣнія, другая же половина поступаетъ въ національный фондъ.

§ 20. Наименованіе архіепископскаго и епископскихъ мѣстоблюстителей принадлежитъ его величеству.

§ 21. Церковныхъ достоинствъ могутъ достигать не только тѣ, которые состоятъ при архіепископскомъ или епископскомъ дворахъ, но и другія способныя духовныя лица.

§ 22. Выборъ и посвященія епископовъ, равно какъ и архимандритовъ, настоятелей монастырей и мѣстоблюстителей должны быть производимы безмездно. Настоятель прихода за епископскую ставленную грамоту имѣетъ уплатить по 30 крейцеровъ съ семейства; но если число семействъ болѣе ста, то такса не должна превышать 50 гульденовъ. Въ приходахъ, гдѣ состоитъ нѣсколько священнослужителей, семейства должны быть подѣлены между ними, а за тѣмъ каждый изъ приходскихъ священниковъ имѣетъ уплатить за епископскую грамоту таксу, соотвѣтствующую числу его семействъ. Далѣе за посвященіе церкви слѣдуетъ по таксѣ 9 червонцевъ, а за антиминсъ 3 червонца. Каждый приходскій священникъ имѣетъ уплачивать епископу ежегодно по три крейцера.

§ 23. Другіе платежи, бывшіе прежде въ употребленіи, уничтожаются.

§ 24. За каноническія визитаціи архіепископъ и епископъ не получаютъ вознагражденія.

§ 25. Церковныя общества не должны быть обременяемы отсылкою корреспонденцій.

§ 26. Въ области военной границы корреспонденціи должны быть препровождаемы военными почтами.

§ 27. Доходы, коими пользовались епископскіе викаріи, прекращаются.

§ 28. 29. 30. Управленіе имуществомъ умершаго епископа и его погребеніе производятся, какъ то и другое происходитъ по смерти архіепископа.

§ 31—39. Назначаются округи протопресвитеровъ. Приходскимъ священникомъ можетъ быть только императорскій подданный. Никто не смѣетъ принимать посвященіе въ Ипекѣ или въ другомъ мѣстѣ. На священническія должности должны быть только тѣ посвящаемы, которые въ слѣдствіе испытанія оказались къ тому достойными. Устройство духовныхъ училищъ должно быть отложено. Клиръ не можетъ получить въ наслѣдство иму-

щество мірянина, который умеръ, не сдѣлавъ завѣщанія. Назначается число священниковъ, и въ тоже время 25 годъ полагается законнымъ возрастомъ для посвященія въ священника.

§ 39. Назначается такса для доходовъ за церковныя требы.

§ 40. Протопресвитеры освобождаются отъ податей и общественныхъ налоговъ.

§ 41. Бракъ долженъ быть совершаемъ въ приходѣ, къ которому принадлежитъ невѣста, послѣ троекратнаго оглашенія.

§ 42. 43. Назначается такса для погребеній, и священникамъ воспрещается писать завѣщаніе какого либо мірянина.

§ 44. Исповѣдывать имѣютъ право не одни лишь монахи, но и мірскіе священники.

§ 45. Овдовѣвшіе священнослужители не обязываются поступать въ монашеское званіе.

§ 46-50. Объ уменьшеніи, устройствѣ и имуществѣ монастырей.

§ 51. Священнослужителей невольно подвергать телеснымъ наказаніямъ.

§ 52. Отлученіе отъ церкви можетъ быть совершено только съ разрѣшенія короля.

§ 53. Священнослужители подчинены епископамъ лишь въ церковныхъ дѣлахъ.

§ 54. 55. Священнослужители не смѣютъ подвергать своихъ прихожанъ ни тѣлеснымъ, ни денежнымъ наказаніямъ.

§ 56. Священнослужители обязаны осужденныхъ на смерть приготовить къ этому.

§ 57. Нѣмецкія нормальныя школы имѣютъ оставаться и впередъ.

§ 58. Въ Вѣнѣ устроится иллирская типографія. Изъ-за границы могутъ быть ввозимы только такія книги, которыя одобрены цензурою.

§ 59. Печатать и обнародывать императорскія распоряженія, безъ высшаго разрѣшенія недозволено.

§ 60. Соборъ можетъ быть созванъ лишь съ высочайшаго разрѣшенія.

§ 61—63. Епископамъ не дозволено учреждать денежные сборы въ своихъ епархіяхъ.

§ 64. Старый календарь имѣетъ полную силу, и католическіе праздники должны быть соблюдены лишь въ мѣстахъ, въ которыхъ живутъ и католики.

§ 65. Назначаются праздничные дни.

§ 66. 67. Распоряженія касательно устройства церквей и закладки кладбищъ.

§ 68. Предотвращаются злоупотребленія, происходящія при смѣшенныхъ бракахъ.

§ 69. Обнародованіе священнослужителями правительственныхъ распоряженій. Въ заключеніе присовокупляется церемоніалъ, который долженъ быть соблюдаемъ на соборѣ, созываемомъ для выбора архіепископа, равно также на синодѣ для выбора епископа и наконецъ при введеніи въ должность архіепископовъ или эпископовъ.

Дѣла церковнаго судопроизводства опредѣлены консисторскимъ уставомъ, утвержденнымъ въ 1782 году и правительствомъ. Консисторская система раздѣляется на четыре отдѣла. Первый отдѣлъ опредѣляетъ кругъ дѣйствія консисторіи. Епархіальная консисторія образуетъ первую инстанцію, а архіепископская аппелляціонная консисторія—вторую, отъ которой жалобы могутъ быть переносимы къ императору. Церковное судопроизводство простирается лишь на церковныя дѣла, именно: на опредѣленіе силы брака и брачнаго сговора; на полное и не полное расторженіе брака, то есть, отлученіе отъ стола и ложа; на посвященіе и лишеніе свящ. сана духовныхъ лицъ; на обсужденіе погрѣшностей, допущенныхъ при совершеніи св. таинствъ; кратко на все, касательно силы и важности таинствъ. Консисторія завѣдываетъ церковною дисциплиною, наказываетъ провинившихся священнослужителей, утверждаетъ настоятелей монастырей, возводитъ пресвитеровъ въ протопресвитеровъ, произноситъ судъ надъ архимандритами, настоятелями монастырей и ихъ мѣстоблюстителями; наблюдаетъ за порядкомъ богослуженія, за церковнымъ имуществомъ, погребальными мѣстами и погребальницами, за веденіемъ церковныхъ метрикъ; пересматриваетъ ежегодно счеты монастырей и потомъ представляетъ ихъ въ архіепископскую апелляціонную консисторію для высшей ревизіи.—Второй отдѣлъ содер-

житъ судебное дѣлопроизводство. Всѣ рѣшенія въ бракоразводныхъ и другихъ брачныхъ дѣлахъ, равно какъ устраненіе отъ мѣста приходскаго священника, настоятеля монастыря или архимандрита должны происходить на основаніи **формальнаго процесса**. Въ процессахъ, касающихся полнаго расторженія брака, или лишенія должности какого либо священнаго лица, **дозволенъ рекурсъ**.—Въ третьемъ отдѣлѣ показываются лица консисторіи. Президентъ консисторіи епископъ или вмѣсто его епископскій викарій; члены: два настоятеля монастыря, два протопресвитера, два пресвитера, одинъ письмоводитель и одинъ фискалъ. Члены консисторіи называются засѣдателями (assessores); они избираются консисторіею въ слѣдствіе кандидаціи, учрежденной епископомъ; письмоводителя, фискала и переводчика назначаетъ епископъ. Консисторскій фискалъ обязанъ защищать св. таинства. Всѣ лица консисторіи присягаютъ епископу, безпристрастно подавать голоса въ разбираемыхъ дѣлахъ.—Четвертый отдѣлъ опредѣляетъ кругъ дѣятельности архіепископской, апелляціонной консисторіи. Сія послѣдняя можетъ принять на разсмотрѣніе только такія дѣла, которыя рѣшены епархіальною консисторіею. Ни одинъ процессъ не долженъ оставаться нерѣшеннымъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Архіепископъ не имѣетъ права присутствовать при ревизіи процесса, поступившаго изъ его епархіальной консисторіи въ апелляціонную консисторію, и вмѣсто его предсѣдательствуетъ тогда одинъ изъ епископовъ. Равнымъ образомъ, не долженъ и епископъ присутствовать при ревизіи процесса, поступившаго изъ его епархіальной консисторіи. Предсѣдатель въ апелляціонной консисторіи архіепископъ, или въ случаѣ архіепископской вакансіи, его викарій. Члены этой консисторіи: два епископа, два архимандрита, два настоятеля монастыря, два протопресвитера, два пресвитера и письмоводитель. Всѣ они назначаются архіепископомъ. Пополненіе предписаннаго числа членовъ происходитъ чрезъ кандидацію. При разсмотрѣніи дѣлъ, должны присутствовать, кромѣ предсѣдателя и письмоводителя, еще шесть членовъ. Апелляціонная консисторія обязана доносить его величеству о разсмотрѣнныхъ и поступающихъ для разсмотрѣнія процессахъ, а равно и объ отчетахъ монастырей. Для разысканія

всякой жалобы, поступающей противъ какого либо епископа, архіепископъ наряжаетъ изъ членовъ апелляціонной консисторіи чрезвычайную комиссію,—эта комиссія составляется изъ четырехъ апелляціонныхъ членовъ и письмоводителя архіепископской консисторіи. Противъ рѣшенія сей комиссіи можно посылать апелляцію въ архіепископскую, апелляціонную консисторію, а отсюда къ королю.

О народномъ соборѣ.

Издревле у сербовъ былъ обычай, на общемъ соборѣ заниматься выборомъ архіепископа и церковными дѣлами. Этотъ обычай перенесенъ былъ въ Австрію тою частію сербскаго народа, которая турецкими ужасами и мерзостями принуждена была, покинуть отечественную почву и поселиться во многихъ мѣстахъ Венгріи. Сохраненіе этого обычая, созывать общіе соборы, для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ, обѣщалось сербамъ и подтверждалось упомянутыми привилегіями; и такимъ образомъ, со времени переселенія сербовъ (1690) до нынѣ состоялось семь народныхъ соборовъ, именно въ 1708, 1769, 1774, 1780, 1790, 1836, и 1842 годахъ; восьмой соборъ долженъ бы былъ составиться въ 1847 году и для этой цѣли ужъ наименеванъ былъ императорскимъ комиссаромъ баронъ Кульменъ; но онъ не состоялся по случаю волненій 1848 и 1849 годовъ. Изъ этихъ семи соборовъ только на двухъ, именно бывшихъ въ 1769 и 1790 годахъ, кромѣ выбора архіепископа, разсуждалось и о церковныхъ и училищныхъ дѣлахъ; и на неудавшемся соборѣ 1847 года предполагалось заняться общими церк. дѣлами. Сначала число депутатовъ на народній соборъ не было опредѣлено,—на соборѣ 1708 года было 70 лицъ, а въ 1769 году число депутатовъ было положено 75, и именно такимъ образомъ, что между ними должно быть 25 духовныхъ лицъ (безразличія монастырскаго и мірскаго духовенства), 25 изъ провинціальнаго населенія и 25 изъ населенія военной границы. Какъ въ теченіи времени многіе получили права дворянъ, то на конгресѣ 1790 года присовокупилось еще 25 изъ дворянъ. На соборахъ 1837 и 1842 годовъ дворянство не было принимаемо за особенное сословіе, и потому на

обоихъ этихъ соборахъ собралось по прежнему порядку только 75 выборныхъ. Путевыя издержки вознаграждаются выборнымъ изъ денегъ, собранныхъ отъ избирателей. На соборѣ для выбора архіепископа принимаютъ участіе и епископы трансильванскій, далматскій и буковинскій, но лишь какъ избиратели, а не какъ кандидаты; потому что кандидатами могутъ быть лишь тѣ епископы, коихъ епископіи упоминаются въ вышеприведенныхъ привиллегіяхъ; епископіи же трансильванская, далматская и буковинская подчинены карловской митрополіи уже позднѣе, послѣ ея учрежденія, и при томъ лишь въ догматическихъ и чисто духовныхъ дѣлахъ. Относительно далматскаго епископа нельзя сказать ничего достовѣрнаго, потому что далматская епископія, современи подчиненіи Дамаціи австрійской монархіи, при выборахъ архіепископовъ, именно въ 1837 и 1842 годахъ, оставалась праздною.—За разрѣшеніемъ созвать соборъ по народноцерковнымъ дѣламъ обращается къ его величеству архіепископъ, или, въ случаѣ вакансіи архіепископской каѳедры, обращаются за тѣмъ предстоятели христіанъ. Соборъ составляется въ присутствіи императорскаго комиссара, коего прибытіе и присутсвованіе на соборѣ сопряжено съ особыми торжественностями. Когда выборъ архіепископа состоится, то представляется комиссаромъ его величеству просьба объ императорскомъ утвержденіи новоизбраннаго митрополита, и по высочайшемъ утвержденіи новый митрополитъ торжественно вводится вв должность.

О синодахъ.

Карловскій архіепископъ, слѣдуя канонической практикѣ грекоправославной церкви, составлялъ съ начала съ епископами синоды, на которыхъ разбираемы были предметы, касающіеся вѣры, христіанскаго поведенія, епархіи, церковныхъ общинъ и школъ, и также поступающія въ синодъ отъ духовныхъ или мірскихъ лицъ бумаги относительно сихъ предметовъ. Такіе синоды ежегодно составлялись обыкновенно въ праздникъ св. апо-

толовъ Петра и Павла; но въ 1769 году императорскимъ правительствомъ было объявлено, что впредь синодъ можетъ составиться только съ высшаго разрѣшенія и въ присутствіи императорскаго комиссара. Митрополитъ Павелъ Ненадовичъ объ уничтоженіи этой мѣры, но безъ успѣха. Такимъ образомъ, въ 1769 году составленъ былъ первый синодъ для избранія епископа въ присутствіи императорскаго комиссара. До этого времени избраніе епископа происходило весьма неправильно; именно архіепископъ требовалъ отъ каждаго епископа письменнаго объясненія о томъ, кого онъ признавалъ достойнымъ епископскаго сана, и за тѣмъ дѣлалъ съ своей стороны представленіе его величеству объ утвержденіи такимъ образомъ избраннаго. Въ настоящее время испрашивается императорское разрѣшеніе для созванія синода по какому бы то нибыло церковному дѣлу. Члены синода суть всѣ епископы епархій, означенныхъ въ привилегіяхъ сербскому народу; архіепископъ — предсѣдатель. Въ синодахъ, составляющихся по догматическимъ дѣламъ церкви, принимаютъ участіе и епископы трансильваніи, Буковины и Далмаціи. Императорскій комиссаръ не присутствуетъ при разсужденіяхъ синода, а лишь при его открытіи и заключеніи. При открытіи и заключеніи синода должны также, по предписанію, быть соблюдаемы нѣкоторыя церемоніи.

Церемоніалъ, предписанный для собора по случаю избранія архіепископа, состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Два епископа и шесть другихъ представителей имѣютъ встрѣтить императорскаго комиссара за 400 шаговъ отъ Карловецъ; гдѣ одинъ изъ епископовъ привѣтствуетъ его отъ имени клира и народа. Отвѣтивъ на это привѣтствіе, комиссаръ слѣдуетъ за епископами и представителями до переднихъ горъ карловскихъ. Тамъ принимаютъ его вышепоказаннымъ способомъ другіе два епископа и шесть пословъ, съ которыми онъ потомъ отправляется, при звукѣ колоколовъ, при пушечныхъ выстрѣлахъ и съ военнымъ парадомъ, въ назначенное ему жилище, гдѣ его принимаютъ уже все духовенство и всѣ прочіе послы собора, расположенные въ два ряда. Послѣ взаимныхъ привѣтствій каждый отправляется въ свое жилище.

2. На другой день коммиссаръ принимаетъ оффиціальные визиты и дѣлаетъ съ своей стороны и самъ визиты епископамъ, которые ему представились. Въ тотъ самый день къ вечеру нѣкоторые изъ епископовъ и пословъ отправляются къ коммиссару съ просьбою, объявить о конгрессѣ и назначить день для его открытія, дабы возможно было сдѣлать ему донесеніе о числѣ и названія пословъ, и дабы онъ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе, разрѣшилъ приступить къ молитвамъ, которыя продолжаются цѣлую ночь.

3. Къ опредѣленному часу назначеннаго для собора дня, коммиссаръ, въ сопровожденіи духовенства и откомандированнаго для сей цѣли войска, отправляется въ залъ собора.

4. По вступленіи въ залъ коммиссара, епископовъ, переводчика и присяжнаго національнаго секретаря, читаются однимъ протоколистомъ, изъ національнаго протокола, имена всѣхъ пословъ, доказавшихъ своими уполномочіями законность своего назначенія на соборъ, записывается число пословъ и списываются подлинныя уполномоченныя грамоты. Потомъ коммиссаръ садится на возвышенномъ нѣсколькими ступенями мѣстѣ подъ балдахиномъ, устроенномъ въ залѣ, и велитъ прочитать декретъ о высочайшемъ разрѣшеніи предстоящаго собора и о своемъ назначеніи въ качествѣ коммиссара.

5. Совершаются молитвы для призыванія св. Духа, и за тѣмъ слѣдуетъ.

6. Привѣтствіе коммиссара со стороны епископовъ, клира и народа, и отвѣтъ коммиссара къ собранію. Потомъ коммиссаръ назначаетъ для выбора архіепископа столько дней, сколько нужно, и удаляется изъ собранія такимъ же образомъ, какъ туда былъ введенъ, и провожается въ свое жилище.

7. Когда выборъ состоится, коммиссаръ извѣщается объ этомъ со стороны собора депутаціею, составленною изъ духовныхъ и другихъ пословъ, и съ вышеописанною торжественностію вводится въ собраніе, гдѣ предлагаетъ вопросъ, довольно ли собраніе послѣдовавшимъ выборомъ? Получивъ положительный отвѣтъ, онъ велитъ своему секретарю собирать голоса и посламъ подписать избирательную грамоту, которую наконецъ и самъ подписываетъ

и скрѣпляетъ своею печатью. На другой день составляется просьба его величеству объ утвержденіи новаго выбора, и передается комиссару для дальнѣйшаго препровожденія. По полученіи высочайшаго утвержденія, комиссаръ назначаетъ день и часъ для его обнародованія, для какой цѣли комиссаръ потомъ снова съ вышеописанною торжественностію отправляется въ залъ собора, возвѣщаетъ о послѣдовавшемъ высочайшемъ утвержденіи, привѣтствуетъ новоизбраннго архіепископа и все собраніе, наконецъ назначаетъ день для инсталляціи (торжественнаго введенія въ должность) архіепископа.

8. Въ день назначенный для инсталляціи, архіепископъ съ ассистующими епископами и клиромъ отправляется въ митрополитскую церковь, куда съ обычною торжественностію сопровождается и императорско-королевскій комиссаръ. При входѣ въ церковь, принимается онъ архіепископомъ, одѣтымъ въ архіепископское облаченіе, двумя епископами и всѣми послами націи, и провожается на опредѣленное для него мѣсто. Тамъ выслушиваетъ онъ торжественную присягу новоизбраннаго митрополита на твердую, ненарушимую вѣрность его императорско-королевскому, апостольскому величеству и императорскому дому. Потомъ новый митрополитъ съ троекратнымъ восклицаніемъ „vivat“ (русское ура) поднимается епископами, клиромъ и народомъ. За тѣмъ архіепископъ благодаритъ комиссара за его труды, а комиссаръ увѣщаваетъ архіепископа, епископа, духовенство и народъ къ вѣрности его величеству, ко взаимной любви и согласію. Послѣ того онъ прощается со всѣмъ собраніемъ, присутствуетъ при литургіи, и по ея совершеніи отправляется со всѣми послами, клиромъ и архіепископомъ въ домъ архіепископа къ обѣду, чѣмъ эта церемонія и оканчивается.

Церемоніалъ, соблюдаемый при случаѣ прибытія императорскаго комиссара на синодъ, составленный для избранія епископа или для другихъ церковныхъ дѣлъ.

1. Въ день, назначенный для прибытія комиссара, выходятъ къ нему шаговъ на 400 отъ Карловецъ на встрѣчу два епископа, три духовныхъ лица и три мірскихъ. Первые избираются изъ архіепископскаго придворнаго штата, послѣдніе изъ магистрата.

Одинъ изъ епископовъ принимаетъ комиссара привѣтственною рѣчью, на которую комиссаръ отвѣчаетъ выраженіемъ своей благодарности епископамъ и прочимъ посламъ, и слѣдуетъ за ними до переднихъ карловскихъ горъ, гдѣ принимается и привѣтствуется двумя другими епископами и всѣмъ архіепископскимъ дворомъ. Оттуда провожается онъ въ архіепискій дворецъ въ которомъ происходитъ синодъ. Наконецъ принимается онъ тамъ, выставленною для сей торжественности, почетною военною стражею, при звукѣ трубъ и барабанномъ боѣ. Другіе епископы ожидаютъ на ступеняхъ воротъ архіепископскаго двора. На самой низшей ступени находится митрополитъ.

2. Въ сопровожденіи всего духовенства, комиссаръ немедленно отправляется въ залъ, назначенный для засѣданій синода. Доступъ въ этотъ залъ дозволенъ всѣмъ приходящимъ, но чтобы толпа не тиснулась къ столу синода и для предотвращенія всякаго шуму, ставится военная стража.

3. Въ этомъ залѣ ставится длинный столъ, покрытый коврами. На концѣ сего стола, на немного возвышенномъ мѣстѣ, покрытомъ коврами, находится сѣдалище императорскаго комиссара, обтянутое бархатомъ. Налѣво отъ него есть столько же пышное, но стоящее лишь на полу, сѣдалище митрополита, по обѣимъ сторонамъ котораго справа и слѣва находятся еще семь сѣдалищъ для епископовъ; на другомъ концѣ стола на правой сторонѣ стоитъ сѣдалище для императорскаго актуара, а на лѣвой—для національнаго секретаря; отъ актуара подальше съ правой стороны находится наконецъ еще одинъ столъ съ сѣдалищемъ для переводчика. Каждое мѣсто снабжено бумагою, черниломъ и перьями.

4. По занятіи вышеупомянутыхъ мѣстъ тѣми, для кого они назначены, приближется къ столу магистратъ и становится въ рядъ въ надлежащемъ отъ него отдаленіи. Прочій, находящійся здѣсь народъ, стоитъ немного далѣе сзади въ полной тишинѣ и скромности.

5. Потомъ комиссаръ съ покрытою головою говоритъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ.

6. На эту рѣчь митрополитъ, вставши, отвѣчаетъ, выражая свою благодарность, на нѣмецкомъ или славянскомъ языкѣ; но рѣчь

митрополита должна быть напередъ доставлена комиссару въ подлинникѣ или въ нѣмецкомъ переводѣ.

7. Потомъ садится сначала комиссаръ, за нимъ митрополитъ, далѣе епископы и такимъ образомъ по порядку всѣ члены собранія. Тогда магистратъ съ приличнымъ поклономъ удаляется вмѣстѣ съ прочимъ народомъ. Въ случаѣ сопротивленія, выставленная здѣсь военная стража обязана употребить силу. За тѣмъ выходитъ изъ зала и самая стража, и дверь затворяется. Только у дверей дома, т. е. резиденціи, остается шесть солдатовъ, какъ почетная стража.

8. По удаленіи такимъ образомъ изъ зала постороннихъ лицъ, император.-корол. комиссаръ показываетъ митрополиту полученную инструкцію касательно синода, разламываетъ предъ нимъ имп. корол. печать, и передаетъ инструкцію актуару, который ясно и громко ее читаетъ. Послѣ того актуаръ передаетъ инструкцію комиссару, а этотъ митрополиту. Актуаръ, секретарь и переводчикъ, стоявшіе во время чтенія инструкціи, садятся опять.

9. Потомъ комиссаръ, сидя, говоритъ вторую рѣчь, въ которой назначаетъ день для перваго засѣданія.

10. На эту рѣчь митрополитъ отвѣчаетъ, тоже сидя.

11. Наконецъ комиссаръ даетъ обыкновенный знакъ ко вставанью, послѣ чего сначала члены синода, а потомъ комиссаръ поднимаются съ своихъ мѣстъ, и съ покрытою головою выходятъ изъ зала, впереди епископы, а за ними митрополитъ по лѣвую руку комиссара. На лѣсницѣ ожидаютъ два епископа и магистратъ для сопровожденія комиссара въ его жилище, откуда послѣ взаимныхъ привѣтствій отправляются домой.

12. На другой день, послѣ литургіи, комиссаръ принимаетъ оффиціальные визиты, и отвѣчаетъ на нихъ и самъ.

13. На слѣдующій день, въ три четверти девятаго часа, два епископа отправляются со стороны синода къ комиссару и провожаютъ его въ синодъ, гдѣ, при входѣ въ залъ, принимаютъ его два другіе епископа и митрополитъ.

14. Синодальный столъ долженъ быть устроенъ такъ, какъ

сказано подъ 3. Во время совѣщаній въ затворенномъ залѣ, шесть солдатовъ составляютъ стражу.

15. По окончаніи совѣщаній, митрополитъ и епископы провожаютъ комиссара до лѣстницы, и оттуда два епископа до его жилища.

Правила, соблюдаемыя, при посвященіи, инсталляціи и присягѣ всякаго новоизбраннаго епископа [1]).

Какъ скоро епископъ избирается митрополитомъ и подчиненными ему епископами, тотъ часъ посылается со стороны митрополита представленіе его импер. корол. апостольскому величеству съ просьбою объ утвержденіи и дипломѣ для новоизбраннаго епископа. За тѣмъ слѣдуетъ посвященіе со стороны митрополита; назначается имп. кор. комиссаръ; просится надлежащимъ путемъ о распоряженіяхъ по сему дѣлу; объявляется объ этомъ комитатамъ и королевскимъ свободнымъ городамъ; комиссаръ же сносится съ архіепископомъ, или вмѣсто его съ его уполномоченнымъ, о назначеніи срока для инсталляціи, которая производится въ мѣстѣ, назначенномъ для епископской резиденціи. За день до инсталляціи, комиссаръ и архіепископъ, или его уполномоченный, разсматриваютъ содержаніе присяги, которую имѣетъ произнести новый епископъ, согласна ли она съ существующею формою. Въ день инсталляціи, въ опредѣленный часъ, духовенство и народъ расположенный въ два ряда, сопровождаютъ комиссара до дверей церкви; тамъ принимаетъ его новоизбранный епископъ вмѣстѣ съ другими духовными лицами, въ церковныхъ облаченіяхъ, и провожаютъ его на назначенное мѣсто. Предъ началомъ богослуженія, новоизбранный епископъ приводится архіепископскимъ уполномоченнымъ на мѣсто, назначенное для положенія присяги. По положеніи присяги, прочитанной архіепископскимъ намѣстникомъ, вручается она комиссару. За тѣмъ архіепископскій намѣстникъ

---

[1]) У насъ тоже было »столованіе« епископовъ, совершавшееся въ церкви св. Георгія, воздвигнутой Ярославомъ 1-мъ въ Кіевѣ близъ Соф. собора, и состоявшее въ томъ, что митрополитъ возводилъ новопосвященнаго епископа, на другой или третій день по посвященіи, на каѳедру, а клиръ и народъ возглашали новому архипастырю многолѣтіе. Опис. Софійскаго собора стр. 15. Прим. переводчика.

передаетъ комиссару высочайшую утвердительную грамоту; комиссаръ отдаетъ ее своему актуару, и тотъ читаетъ ее и на сербскомъ языкѣ объявляетъ собравшемуся духовенству и народу. Потомъ читается архіепископская грамота, и актъ оканчивается, при восклицаніяхъ народа, троекратнымъ поднятіемъ вверхъ епископа, послѣ чего слѣдуетъ литургія. Комиссаръ, послѣ литургіи, выходитъ изъ церкви въ епископскую резиденцію съ такою-же церемоніальностію, съ какою и принимаемъ былъ. Тамъ подписывается присяга еще въ другомъ экземплярѣ и отдается архіепископскому намѣстнику. Наконецъ имп. кор. комиссаръ требуетъ засвидѣтельствованія о томъ, что инсталляція совершена; такое засвидѣтельствованіе дается ему архіепископскимъ намѣстникомъ (которымъ бываетъ обыкновенно или епископъ, или архимандритъ).

Въ силу привилегій, дарованныхъ сербскому народу, Карловская архіепископія состоитъ изъ восьми епархій, и именно: изъ карловской, новосадской, темешварской, арадской, вершецкой, офенской, пикрацкой и карлштатской. Митрополитъ и епископы избираются и возводятся на ихъ каѳедры вышеописаннымъ образомъ. Имъ вольно, посредствомъ духовнаго завѣщанія распоряжаться половиною собственнаго ихъ имущества; другая половина поступаетъ въ кассу іерархіи, въ такъ называемый національный фондъ, изъ котораго епископы бѣднѣйшихъ епархій ежегодно получаютъ пособіе, такъ впрочемъ малое, что ихъ вещественное благосостояніе чрезъ это не улучшается. Этотъ національный фондъ находится при митрополіи и управляется архіепископомъ и тремя національными ассистентами, — однимъ епископомъ, однимъ гражданскимъ чиновниковъ изъ комитатовъ однимъ офицеромъ изъ военной границы подъ контролемъ министерства церковныхъ дѣлъ. Равнымъ образомъ при каждой епископіи находятся два епитропа, одинъ изъ гражданскаго званія, другой— изъ военнаго, которые имѣютъ блюсти за цѣлостію и сохраненіемъ движимаго и недвижимаго имѣнія епархіи. Эти епитропы живутъ въ мѣстѣ епископской резиденціи, если обстоятельства дозволяютъ это. Они назначаются земскимъ высшимъ начальствомъ по предложенію епископа и рекомендаціи архіепископа. Тѣ епи-

тропы, коихъ дѣятельность простирается и на военную границу назначаются королевскимъ намѣстничествомъ лишь по сношеніи съ генеральною командою. Епитропы и національные ассистенты не имѣютъ жалованья; они обязаны наблюдать, чтобы послѣ смерти епископа ничего не пропало ни изъ его собственнаго, ни изъ епархіальнаго имѣнія; кромѣ того обязаны присутствовать при судебной комиссіи, дѣлающей опись и опечатывающей оставшееся имѣнье епископа. Они отвѣчаютъ за всякій убытокъ, происходящій но ихъ винѣ и проч.

(*Окончаніе впредь*).

ЭПИЗОДЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ШЕВЧЕНКА.

Я полагалъ, что *Основа* съ сентябрскою книжкою прошлаго года, полученною у насъ въ ноябрѣ, наполняясь большею частію поэтическими произведеніями тредіаковскаго нашего времени, скончалась уже отъ чахотки, — отъ этакого кушанья не поздоровится;—но я ошибся,—она обнаружила еще знакъ жизни: 24-го марта получена у насъ октябрская книжка, процензурованная 3-го февраля. — Отъ чего же происходитъ эта медленность?... Но не объ этомъ дѣло.

Въ Основѣ постоянно помѣщались стихотворенія Шевченка, выдержки изъ его дневника, письма, матеріалы для его біографіи.— Я хочу поговорить о напечатанной въ майской книжкѣ прошлаго года статьѣ г. Савы Ч., въ которой я замѣтилъ нѣсколько невѣрностей.

Шевченка я зналъ коротко. Я познакомился съ нимъ въ концѣ 1839 года въ Петербургѣ, у милаго добраго земляка Е. П. Гребенки, который рекомендовалъ мнѣ его, какъ талантливого ученика К. П. Брюлова.... Я просилъ Шевченка сдѣлать мой портретъ акварелью, и для этого мнѣ надобно было ѣздить къ нему. Квартира его была на Васильевскомъ островѣ, не вдали отъ академіи художествъ, гдѣ-то подъ небесами, и состояла изъ передней, совершенно пустой и другой, небольшой, съ полукруглымъ вверху окномъ, комнаты, гдѣ едва могли помѣщаться — кровать, что-то въ родѣ стола, на которомъ раз-

бросаны были, въ *живописномъ* безпорядкѣ, принадлежности артистическихъ занятій хозяина, разныя полуизорванныя, исписанныя бумаги и эскизы, мольбертъ и одинъ полуразломанный стулъ; комната, вообще, не отличалась опрятностью: пыль толстыми слоями лежала вездѣ; на полу валялись, тоже, полуизорванныя исписанныя бумаги; по стѣнамъ стояли обтянутые на рамахъ холсты—на нѣкоторыхъ были начаты портреты и разные рисунки.

Однажды, окончивъ сеансъ, я поднялъ съ пола кусокъ исписанной карандашомъ бумажки и едва могъ разобрать четыре стиха:

Червоною гадюкою
Несе Альта висты.
Щобъ летилы крюки зъ поля
Ляшкивъ—панкивъ ѣсты.

Що се таке, Тарасъ Григорьевичь?—Спросилъ я хозяина.—Та се, добродѣю, не вамъ кажучи, якъ иподѣ напацутъ злиднѣ, то я пачкаю папѣрець,—отвѣчалъ онъ.—Такъ щожъ? Се ваше сочиненіе?—Эгежъ!—А багато у васъ такого.—Та е чи маленько.—А дежь воно?—Та оттамъ пѣдъ лѣжкомъ у коробцѣ.—А покажѣть!

Шевченко вытащилъ изъ подъ кровати лубочный ящикъ, наполненный бумагами въ кускахъ, и подалъ мнѣ. Я сѣлъ на кровать и началъ разбирать ихъ, но никакъ не могъ добиться толку.

Дайте менѣ оцѣ бумаги до дому, — сказалъ я, — я ѣхъ прочитаю.—Цуръ іому, добродѣю! Воно не варто працѣ.—Нѣ, варто — тутъ е щось дуже добре.—Іо? чи вы жъ несмѣетесь изъ мене?—Та кажужъ, нѣ.—Сѣлькось, — возьмѣть, коли хочете; тѣльки, будьте ласкавѣ, нѣкому не показуйте й неговорѣть.—Та добрежъ, добре!

Взявши бумаги, я тотчасъ же отправился къ Гребенкѣ и мы, съ большимъ трудомъ, кое-какъ привели ихъ въ порядокъ и, что могли прочитали.

При слѣдующемъ сеансѣ я ничего не говорилъ Шевченку объ его стихахъ, ожидая, не спроситъ ли онъ самъ о нихъ,—но онъ упорно молчалъ; наконецъ я сказалъ:

—Знаете що, Т. Г.? Я прочитавъ вашѣ стихи—дуже, дуже добре! Хочете—напечатаю?—

—Ой, нѣ, добродѣю! не хочу, не хочу, далебѣ що не хочу! Щобъ ище попобили! Цуръ іому!—

Много труда стоило мнѣ уговорить Шевченка; наконецъ онъ согласился и я, въ 1840 году, напечаталъ *Кобзаря*.

При этомъ не могу не расказать одного обстоятельства съ моимъ цензоромъ.

Это былъ почтенный, многоуважаемый Петръ Александровичъ Корсаковъ.

Послѣдняя пьеса въ кобзарѣ (моего изданія)—*Тарасова нѣчь*. Съ нею было найболѣе хлопотъ, чтобы привести ее въ порядокъ. Печатаніе приближалось уже къ концу, а она едва только поспѣла. Поскорѣе переписавши ее, я самъ отправился къ Корсакову, прося его подписать ее.

—Хорошо! сказалъ онъ,—оставьте рукопись и дня черезъ два пришлите за нею.—Нельзя, П. А. въ типографіи ожидаютъ оригинала.—Да мнѣ теперь, право, некогда читать.—Ничего.—подпишите, нечитавши; все же равно—вы незнаете малороссійскаго языка.—Какъ незнаю!—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ *). Да почему же вы знаете малороссійскій языкъ?—Какъ же! Я, въ 1824 году, проѣзжалъ мимо курской губерніи.—Конечно, этого достаточно, чтобы знать языкъ, и я прошу у васъ из-

*) П. А. былъ большой *язычникъ*; въ особенности надоѣдалъ мнѣ *Plat Deutsch*.—Однажды утромъ сидѣлъ я у него; мы курили превосходныя сигары и разговоръ шелъ о литературѣ. Корсаковъ только что началъ издавать журналъ. Докладываютъ о какомъ-то господинѣ, котораго фамилію я забылъ. П. А. велѣлъ просить—и въ ту же минуту схватилъ толстѣйшую тетрадь и началъ читать на не понятномъ мнѣ языкѣ. Чтеніе это продолжалось болѣе четверти часа, а мнѣ это время показалось нѣсколькими часами, такъ, что, я готовъ уже былъ уйти, но пришедшій господинъ предупредилъ меня.—По уходѣ его, Корсаковъ разразился гомерическимъ смѣхомъ.

—Что это за комедія, спросилъ я?—Извините, пожалуста! Другаго средства избавиться отъ этого господина, который страшно надоѣлъ мнѣ, я не нашелъ, какъ занять его этимъ чтеніемъ.—

—Да что это такое вы читали?

—Первообразъ Фауста на *Plat-Deutsch*. Превосходная вещь!

—Ну, сдѣлайте милость, Богъ съ нею!

виненія, что усомнился въ вашемъ знаніи, но, ей Богу, мнѣ некогда ждать; пожалуста подпишите скорѣе, — повторяю, въ типографіи ожидаютъ оригинала — А что, тутъ нѣтъ ничего *такого?*—Рѣшительно нѣтъ.—

Добрѣйшій П. А. подписалъ; Кобзарь вышелъ.

Въ то время былъ въ Петербургѣ Григорій Степановичъ Тарновскій, съ которымъ я познакомилъ Шевченка; а вскорѣ пріѣхалъ Николай Андреевичъ Марковичъ, посорившись съ московскою цензурою за свою исторію Малороссіи и надѣясь найти петербургскую болѣе снисходительною. Я свелъ его съ добрѣйшимъ Петромъ Александровичемъ, и въ тоже время познакомилъ съ нимъ и Шевченка.....

И вотъ Тарасъ нашъ развернулся,—завелись денежки,—началъ кутить......

Я помню эти знаменитыя, незабвенныя оргіи у одного изъ нашихъ любимыхъ въ то время писателей, на которыя попадалъ иногда и Тарасъ. — Весело, безотчетно весело жилось тогда!... Да и какія лица участвовали въ нихъ, и какія имена!.. Но—иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече....

Въ письмѣ Шевченка къ редактору народнаго чтенія есть тоже невѣрности и нѣтъ многаго дѣйствительнаго,—такъ, онъ не описываетъ главной причины своего освобожденія,—о чемъ сказано будетъ ниже.—Вѣроятно, объ этомъ знаютъ и другіе. Самъ Шевченко никогда мнѣ этого не расказывалъ,*) а спросить его казалось мнѣ щекотливымъ.

Г. Сава Ч. говоритъ, что, по словамъ поэта, во время путешествія Шевченка съ сестрою въ лебединскій (кіевской губерніи) монастырь, заронилась въ его душу идея будущихъ *Гайдамакъ*.

—Нѣтъ! это было не такъ.

Тогда же (въ 1840) мнѣ хотѣлось узнать больше подробностей о барской конфедераціи. Статья энциклопедическаго лексикона Плюшара не удовлетворила меня. Часто я говорилъ объ этомъ съ Гребенкою, въ присутствіи Шевченка, который былъ въ то время еще довольно скроменъ, и нетолько ни одного извѣстія не сообщилъ мнѣ, но не подалъ даже знака, что ему извѣстно что нибудь о произшествіяхъ того времени. Я пере-

*) Черная не благодарность.

читалъ множество сочиненій, въ которыхъ надѣялся найти хоть что нибудь объ этихъ дѣлахъ; наконецъ мнѣ попался романъ Чайковскаго на польскомъ языкѣ Wernyhora, изданный въ Парижѣ. Я далъ Шевченку прочитать этотъ романъ; содержаніе гайдамакъ и большая часть подробностей цѣликомъ взяты оттуда

—Въ числѣ мальчиковъ, взятыхъ въ дворъ помѣщика для прислуги разнаго рода, по испытаніи ихъ, »Тарасъ былъ записанъ годнымъ на *комнатнаго живописца* (Основа)«.—Это произошло оттого, что еще прежде, когда Тарасъ былъ дома и потомъ у своихъ велемудрыхъ учителей, то вездѣ разрисовывалъ мѣломъ, или углемъ столы, лавы, двери, даже стѣны хатъ и проч., за что всегда и получалъ отъ хозяевъ достодолжныя добрыя увѣщанія и награды, какъ то: чубайки, подзатыльники, и проч.—Несправедливо, что Тарасъ былъ отправленъ въ Петербургъ по этапу; онъ отправился, въ числѣ прочей прислуги, съ обозомъ панскимъ.

Дѣло о выкупѣ Шевченка началось совсѣмъ не такъ, какъ разказываетъ г. Сава Ч. и самъ Шевченко, который умалчиваетъ о подлинномъ фактѣ. Это было вотъ какъ:

Въ концѣ 1837-го, или въ началѣ 1838 го года, какой-то генералъ заказалъ Шевченку свой портретъ масляными красками.—Портретъ вышелъ очень хорошъ и, главное, чрезвычайно похожъ. Его превосходительство былъ очень некрасивъ; художникъ, въ изображеніи, ни сколько не польстилъ.—Это ли, или генералу не хотѣлось дорого, какъ ему казалось (хотя онъ былъ очень богатъ), платить за такую отвратительную физіогномію; но онъ отказался взять портретъ.—Шевченко, закрасивши генеральскіе аттрибуты и украшенія, вмѣсто которыхъ навѣсилъ на шею полотенцо и добавивъ къ этому бритвенныя принадлежности, отдалъ портретъ въ цирюльню для вывѣски. Его превосходительство узналъ себя,—и вотъ возгорѣлся генеральскій гнѣвъ, который надобно было утолить, во что бы ни стало.... Узнавши кто былъ Шевченко, генералъ приступилъ къ (Энгельгардту), бывшему тогда въ Пб., съ предложеніемъ—купить у него крестьянина. Пока они торговались, Шевченко узналъ объ этомъ и, воображая, что может ожидать его,

бросился къ Брюлову, умоляя—спасти его. Брюловъ сообщилъ объ этомъ В. А. Жуковскому, а тотъ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.—Э–ду дано было знать, чтобъ онъ пріостановился съ продажею Шевченка.

Въ непремѣнное условіе исполненія ходатайства за Шевченка Императрица требовала отъ Брюлова окончанія портрета Жуковскаго, давно уже Брюловымъ обѣщаннаго и даже начатого, но заброшеннаго, какъ это очень часто бывало съ Брюловымъ. Портретъ вскорѣ былъ оконченъ и розыгранъ въ лотореѣ между высокими лицами Императорской фамиліи.—Э–ду внесены были деньги за Шевченка.

Нужны ли тутъ какіе нибудь комментаріи?...

Какъ же Шевченко, впослѣдствіи, отблагодарилъ Императрицу за этотъ великодушный поступокъ!!!. Недаромъ теперь и друзья его скрыли подлинный фактъ и виновниковъ откупа Шевченка...

Я сказалъ, что съ изданіемъ Кобзаря, у Тараса завелись денежки, и онъ началъ кутить. Я, сколько могъ, старался воздерживать его отъ этой разгульной жизни, предчувствуя, что ею онъ убьетъ свой талантъ и, можетъ быть, наживетъ себѣ еще бѣду.

Предчувствія мои, къ сожалѣнію, оправдались; но въ то время Шевченко разсердился на меня за это, до того, что бывши потомъ въ нашихъ мѣстахъ, не захотѣлъ даже побывать у меня и я нигдѣ съ нимъ не встрѣчался. Живописью занимался онъ здѣсь мало; но много написалъ стихотвореній, къ сожалѣнію въ духѣ возмутительномъ, которыя, какъ я предвидѣлъ, довели его до несчастія.

Недаромъ говоритъ пословица: *съ хама не буде пана**)

---

*) Физіологія человѣка очень сходна съ физілогіею лошади: порода много значитъ. Пусть вамъ представятъ лошадь чистой арабской породы, съ значительными недостатками (пороками, какъ говорятъ гиппологи) – и, не смотря на нихъ, вы заплатите за эту лошадь (разумѣется, если вы въ состояніи) нѣсколько тысячь рублей: возьмите жъ лошадь тамбовской породы—сильную, здоровую, правильную во всѣхъ статьяхъ,—за нее не дадутъ болѣе 200 рублей.

Такъ и человѣкъ: чѣмъ выше онъ рожденъ, тѣмъ благороднѣе въ немъ чувства.—Дайте какое хотите воспитаніе

и другая *пьяному море по колѣна*.—Шевченку море было ниже колѣнъ. Чего хотѣла эта пьяная голова?... Гетманьщины!!!—но

Була колысь Гетьманьщина,
Та вже не вернетця.—

Онъ въ стихахъ и на словахъ, по шинкамъ вездѣ проповѣдывалъ возмущеніе.—Вотъ ходячій по этому случаю анекдотъ:

Въ мужичей свиткѣ сидѣлъ однажды, Шевченко въ праздничный день, въ шинкѣ; передъ нимъ стояла ***пляшка съ горѣлкою***.—Въ шинкѣ всегда много порядочныхъ людей по праздникамъ.

Тарасъ, попивая горѣлочку, вынулъ изъ ***кишени*** нѣсколько пригорщей ржаныхъ зеренъ и разсыпалъ ихъ на столѣ въ одну большую кучку,—потомъ изъ нея отдѣлилъ другую меньше, а третью еще меньше.

—Що се ты, дядьку, робишь спросилъ его одинъ изъ присудствовавшихъ? — Осыцо, — отвѣчалъ онъ: — отся велика купка—оце мы, мужики; меньша—се пани; а ся, малѣсѣнька—се царѣ. Теперь—дивѣтьця!—И, взявши пригорщнею всю большую кучку, засыпалъ ею обѣ меньшія.—Теперъ нема нѣ панѣвъ, нѣ царѣвъ,—тѣлько мы.

—Повадится кувшинъ поводу ходить, тамъ ему и голову сложить.—Голова Тараса осталась на плечахъ, но за то отдувалась спина и подспинье.

мужику, онъ будетъ ученъ, даже уменъ и образованъ; но найдете ли вы въ немъ ту деликатность чувствъ, которая присуща дворянству?—*) И не ищите!—Исключенія, разумѣется, есть: такъ и лѣтомъ бываютъ скверные, холодные, туманные дни,—но все же Іюнь и Іюль—мѣсяцы лѣтніе; такъ и осенью выкажется изъ рѣдка прекрасный, свѣтлый, теплый день,—но все же Ноябрь—мѣсяцъ осенній.

Р.... всегда будетъ князь; К... .. всегда будетъ конюхъ.

Fortes creantur fortibus et bonis,
Est in juvencis, est in equis patrum
Virtus, nec imbecillem feroces
Progenerant aquilae columbam.
Hor.

---

*) Оно получаетъ это качество души по наслѣдству, только въ третьемъ, много во второмъ поколѣніи можно ожидать отъ образованнаго мужика развитія чувства деликатности.

Въ одинъ прекрасный вечеръ 1846-го года, онъ, пробираясь изъ черниговской губерніи въ Кіевъ, былъ арестованъ на мосту и потомъ отосланъ солдатомъ на оренбургскую линію.

Катузѣ по заслузѣ говоритъ пословица.

Не могу, при этомъ не разсказать анекдота о Z., который утверждаетъ какъ сказано въ Основѣ, что Шевченко былъ отправленъ въ Пб. по этапамъ.

Когда Шевченко содержался въ Кіевѣ подъ арестомъ, тамъ проживалъ въ то время и Z., бывшій съ нимъ въ большой дружбѣ. Генералъ губернаторъ (Бибиковъ) потребовалъ Z. къ себѣ.

—Вы знакомы съ Шевченкомъ,—спросилъ онъ?—Знакомы, Вашее Высокопревосходительство отвѣчалъ Z.—Какія у васъ съ нимъ отношенія?—А щожь, В. В., якѣ нашѣ одношенія!... Чи по правдѣ прикажетѣ говорить?—Конечно если я васъ спрашиваю, то вы должны отвѣчать самую истину,—Щожь, В. В., нѣгде дѣтьця, треба казать правду... Тѣльки вже В. В., простѣть! я знаю, що воно такъ не слѣдуе,-се противозаконно,-та щожъ робить!..Якъ преѣхавъ я здому, то привѣзъ, простѣть В.В., привѣзъ кажу барильце сливьянки, та барильце вишневки; а квартира моя и Шевченкова, були оттакъ собѣ поручь,—та мы було й носимся зъ барильцями, одъ мене до іого, а одъ іого до мене, поки ажъ выпили усе; а якъ выпили, то и всѣ одношенія перестали: нѣчого було носить, В. В.—Прощайте г. Z.!—

Это какъ говорится по нашему: *пошить у дурнѣ*.—

Не смотря, однакожь, на это, полиція стерегла выѣздъ Z. изъ Кіева,—и когда Z. собрался домой, то ему предшествовалъ секретно, полицейскій чиновникъ, съ жандармомъ, который и пріѣхалъ въ хуторъ *Сороку* прежде хозяина и дома встрѣтилъ его, предъявивъ предписаніе—осмотрѣть его бумаги.—Сѣлькось,—якъ зволите,—отвѣчалъ Z.—

Чиновникъ перерылъ все и не нашелъ ничего подозрительнаго. Оставался одинъ шкафъ, запертый двумя замками—впутреннимъ и висящимъ.

—Отоприте-ка этотъ шкафъ,—сказалъ чиновникъ.—Э нѣ! звиняйте—сіого вже не буде!—Какъ не будетъ? Вы должны показать все,—отоприте сей часъ!—Ей же Богу, не одчиню.—Слушайте,—если не хотите открыть добровольно, то я прика-

жу отбить замки.—Батечку, голубчику! незаймаите сіѣ шкафы,—помилуйте, Бога ради!—

Но не смотря на всѣ мольбы Z., жандармъ сломалъ замки.

—Ой, лишенько! пропавъ же я теперъ на вѣки,—закричалъ, въ слезахъ Z.

Шкафъ открытъ. На полкахъ стоятъ, выстроившись рядами, какъ солдаты, сульи, бутыли, бутылки, штофы, съ различными наливками и водками.—Какъ чиновникъ ни хлопоталъ, но не могъ найти ничего болѣе въ шкафѣ, и вся армія была поставлена въ прежнемъ порядкѣ.

—Что вы боялись и плакали, спросилъ чиновникъ,—тутъ ничего нѣтъ.—Якъ нѣчего нѣтъ? Тутъ моѣ дѣтки; якъ же менѣ не боятся за ѣхъ, та це плакать, коли я думавъ, що вы ѣхъ позабираете.—

Я сказалъ, что отдувалась спина Тараса: онъ прислалъ одной своей знакомой, съ оренбургской линіи, свой портретъ.—Нарисовалъ онъ себя безъ рубашки, только въ нижнемъ платьѣ, съ заложенными на голову руками; у ногъ лежитъ солдатская аммуниція, а съ боковъ два солдата, съ поднятыми лозами; внизу подпись: *Отъ якъ бачите*!—А кто виноватъ если не безпутная голова?—*Что посѣешъ то и пожнешь* говоритъ писаніе. Зачѣмъ же обвинять людей?...

Шевченко былъ принятъ въ Малороссіи очень хорошо въ лучшихъ нашихъ аристократическихъ домахъ,—отчего же такая ненависть къ *панству?*

Менѣ невесело було
И въ нашѣй славнѣй Украинѣ!
Нѣхто любивъ мене вѣтавъ
И я тулився нѣ докого,—
Блукавъ собѣ. молився Богу,
Та *люте панство* проклынавъ.

Говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи.—Чѣмъ же это панство *люте*?—Шевченко, болѣе другихъ сѣверныхъ пролетаріевъ (*), которые такъ много пишутъ и до сихъ поръ о

*) Пролетарій proletaire. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, которымъ можно бы перевести это выраженіе, потому, что и самый предметъ, означающій эту идею, у насъ долгое время не существовалъ, благодаря, во первыхъ, прекраснымъ осно-

притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, могъ видѣть хорошее положеніе этихъ крестьянъ, никогда ни въ чемъ не нуждавшихся у хорошаго владѣльца. Исключенія, конечно, были,—но онѣ были рѣдки, по крайней-мѣрѣ, въ Малороссіи.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

. . . . . Веселѣ хати,
Высокѣ зъ далека палати,—
Бодай вы терномъ поросли!
Щобъ люде й слѣду не найшли,
Щобъ и не знали, де шукати!...

Отъ чего такая ненависть?... Неужели это остервенѣлое чувство происходило отъ зависти къ богатству?... Иначе нечему приписать его........

И вирѣсъ я хвалить Бога,
Та не вилѣзъ въ люди....
Луччебъ було не родити,
Або утопити,
Якъ мавъ бы я у неволѣ
Господа гнѣвити.—

»Учися, серденько! колись
»З насъ будуть люди!»—ты (*доля*) сказала.
А я послухавъ, та й учивсь,
И вивчився,—а ты збрехала:
Якѣ зъ насъ люди!...

Повторяю—кто виноватъ?—*Що посѣешь те и пожнешь*.—

внымъ законамъ нашего отечества, а во вторыхъ—простому *человѣколюбію*, проистекающему изъ глубины русскаго сердца; не *возвышенная* современная *филантропія* породила и у насъ пролетаріевъ, а свобода еще болѣе размножитъ ихъ.

Нѣкто изъ моихъ знакомыхъ говоритъ, что пролетарій значитъ—человѣкъ, не имѣющій гнѣзда и пролетающій свободно по всему свѣту.

Пролетаріи всегда желаютъ уничтоженія *законной* собственности: имъ нечего ѣсть и терять, а при безурядицѣ наѣсться и выиграть можно много.

Иногда можно подумать, что все, испытанное Шевченкомъ, послужило ему въ пользу. Въ посланіи къ К—му онъ говоритъ:

А малась воля, малась сила,—
Та силу позычки зносили.
А воля въ гостяхъ упилась,
Въ степу небога заблудила...
. . . На позорище ведуть
Старого дурня муштрувати,
Щобъ знавъ, якъ волю шановати,
Щобъ знавъ, що дурня всюди бьють.

Въ другомъ стихотвореніи:

Въ неволѣ тяжко, хоча й волѣ,
Сказать поправдѣ не було,—
Та все таки якось жилось
Коло людей, та коло поля,—
Теперь же злиѣ тіѣ долѣ
Якъ Бога ждати довелось:
Я жду ѣѣ и визлядаю,
Дурній свѣй розумъ проклинаю,

Повторяю—можно подумать, что это раскаяніе... Нѣтъ! вотъ продолженіе:

Шо дався дурнямъ одурить....

Въ 1860 году Шевченко былъ въ Малороссіи и сватался, въ нѣжинскомъ уѣздѣ, на горничной Н. А. М(акаров)ой—Лукерьѣ. Слово дано. Лукерья, вслѣдствіе этого важнаго событія, какъ невѣста великаго человѣка, сдѣлалась Лукерьей Ивановной и ѣздила въ каретѣ; но въ одинъ прекрасный вечеръ, Шевченко, пьяный, сильно побивши свою невѣсту, прогналъ ее отъ себя. Она вновь обратилась въ Лукерью просто и опять поступила въ горничныя.

1863 г. **П. М—съ.**

Апрѣль.

Яблочинскій Свято—Онуфріевскій, второклассный, мужескій монастырь варшавской эпархіи.

Клерикально-польская пропаганда, вѣрная преданіямъ и системѣ іезуитизма, всѣми кривдами и неправдами старается въ настоящее время доказать національное и религіозное единство народности западно-русскаго края съ Польшею—собственно. Минуя несбыточность этихъ стремленій, ложность избранной дороги,—этой безстыдноклевещущей пропагандѣ все-таки не передѣлать фактовъ, не вырвать живыхъ страницъ исторіи, если эти факты осязательны, если эти страницы не писаны и не находятся въ вѣдѣніи ватиканской библіотеки, а живутъ, такъ сказать, физически.

Спросимъ ли мы историковъ (даже польскихъ извѣстныхъ своимъ пристрастіемъ и односторонностію); прислушаемся ли къ говору народному;—въ обоихъ случаяхъ мы узнаемъ, что Польшею-собственно (Wielkopolska) называется теперешнее великое герцогство познаньское; территорія теперешняго Царства Польскаго самыми поляками называется Малою Польшею (Małopolska). Кто видѣлъ краковяка и велькополянина и говорилъ съ ними; тотъ съ перваго взгляда и слова замѣтитъ различіе ихъ отъ мазовяка. Проѣхавъ верстъ 50, по брестскому или люблинскому шоссе, если только вы не *панъ*, т. е. если васъ мужички не имѣютъ причины опасаться;—васъ поразитъ чисто западно-русскій говоръ, почти у воротъ самой Варшавы. Часто отъ поляковъ намъ удавалось (конечно не въ настоящее, горячечное время) слышать отзывы о люблинской губерніи: tam już wszędzie Ruś. По крайней мѣрѣ двѣ трети люблинской губерніи, гдѣ г. Хелмъ столица, бывшаго русскаго княжества, населены русинами ([1]), которые въ столько вѣковъ гнета устояли въ своей народности (а въ единственномъ

[1]) Утвердительно сказать не можемъ, но кажется и теперь хелмской унитской епархіи подчинено до 300 уніатскихъ приходовъ, несмотря на то, что ксендзы—поляки, поддерживаемые какою-то невидимою рукою, каждогодно переводятъ тысячи народа изъ уніи въ католицизмъ, за которымъ слѣдуетъ полонизированіе—wynarodowienie.

мѣстѣ—въ Дрогичинѣ-и въ вѣрѣ), хоть и должны были подчиняться ненавистной уніи, пролившей столько благородной славянской крови въ угоду римскому Далай—Ламѣ.

Мы думаемъ не одинъ изъ русскихъ и даже поляковъ удивится, узнавъ, что въ самой Польшѣ, въ люблинской губерніи, радзыньскомъ уѣздѣ, отъ древнихъ временъ и до сихъ поръ остался древне-православный Яблочинскій монастырь, никогда небывшій въ уніи, какъ живой укоръ полякамъ, забывающимъ о русской народности въ западно—русскомъ краѣ, и ксендзамъ, безсовѣстно отвергающимъ существованіе въ Польшѣ и Литвѣ православно—восточнаго исповѣданія. Монастырь этотъ, получившій свое названіе отъ с. Яблочина, находящагося отъ него въ верстѣ, стоитъ на самомъ (лѣвомъ) берегу р. Буга, раздѣляющаго гродненскую губер. отъ Польши. Разстояніемъ сей монастырь отъ м. Кодня (Цар. Поль.) въ 10-ти верстахъ и отъ крѣпости Брестъ-Литовска въ 40 вер О времени основанія его опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣется; утвердительно можно сказать, что существовалъ онъ до уніи (слѣдов. до извѣст. брестскаго собора 1595 г.), какъ это видно изъ грамотъ, данныхъ разными владѣльцами с. Яблочина, и особенно княгинею Богушевою на земли и др. угодія, дарованныя сему монастырю и братіи его, равно изъ того обстоятельства, что не время было основывать монастыри православные, когда и существовавшіе уже были въ рукахъ уніатовъ, жидовъ и пр. Сохранившіяся въ монастырѣ грамоты замѣчательны тѣмъ, что выданы изъ придворной литовской канцеляріи, подписаны литовскими канцлерами съ приложеніемъ печати одного литовскаго государственнаго герба (pogoń) и писаны на бѣлорусскомъ языкѣ, а не на польскомъ или латинскомъ.

Что не попалъ этотъ монастырь въ руки уніатовъ, имѣвшихъ кругомъ гнѣзда и отличавшихся ястребинымъ окомъ, видѣвшимъ издалека хорошій кусокъ,—это очень понятно. Нужно подъѣхать очень близько, зная хорошо дороги, чтобы видѣть монастырь; а бываетъ время весною всегда и часто осенью, когда прилежащія земли, по мѣсяцу и больше заливаются водою, такъ что сообщеніе съ монастыремъ весьма неудобно. Такъ теперь, когда и лѣса повырублены кругомъ, и болота осушены; чтоже было въ древности, когда тутъ была пуща? Очевидно, глухой уголъ не соотвѣтствовалъ базиліянскимъ операціамъ и

они оставили его, если можно выразиться, на произволъ судьбы, которая посмѣялась надъ ними, передавъ его цѣлымъ и незапятнаннымъ православ. Россіи. Во времена вел. княжества варшавскаго и національ. польскаго правительства, ближайш. помѣщикъ графъ г. (Грабовскій) завладѣлъ было самовольно въ 1808 г. монастырскими землями, лѣсами и угодіями и владѣлъ до 30-хъ годовъ, когда правительство, въ лицѣ покойнаго князя Паскевича, возвратило оныя монастырю и взыскано съ неправильно-владѣвшаго извѣстную сумму денегъ, на которую построено каменную 3-хъ престоль. церковь и таковыя же келліи. Съ этого времени начинается улучшеніе его состоянія, которое далеко еще неудовлетворительно; хотя, кромѣ доходовъ съ земель, онъ пользуется суммами изъ казны царства польскаго. Окрестные православ. поселяне очень бѣдны, посѣтителей почти не бываетъ; уніяты и католики, чествующіе чудотворную икону Онуфрія великаго (древняго византійс. стиля), сбиваемы своимъ духовенствомъ съ толку, бываютъ рѣдко и то украдкой.

Благое дѣло помочь единовѣрнымъ братьямъ, страждущимъ подъ чужимъ игомъ: но, говоря словами Спасителя, *недостоитъ отяти хлѣбъ чадомъ и поврещи псомъ* (Мѳ. XV. 26). Пунктъ, занимаемый Яблочинскимъ монастыремъ стоитъ того, чтобы *на него было обращено особенное вниманіе*.... Это передовой постъ православія въ Европѣ.

Всякое даяніе благо. И Яблочинскій, во многомъ нуждающійся, пріиметъ оное съ благодарностію и молитвою къ Богу и Св. Его угоднику Онуфрію Великому.

Адресовать можно *всякія* письма и посылки на имя О. архимандрита Анастасія, настоятеля сего монастыря,—въ мѣстечко Кодень люблинской губерніи Царства польскаго.

Гродецкій.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

Письма изъ венгерской Руси.—письмо 7, Густъ, (4) 16 мая 1863 года.

Кажется, трудно развить Австріи вознамѣренную ею конституціонную жизнь. Принявъ во вниманіе, что вѣнцемъ конституціоннаго зданія должно быть полное собраніе рейхсрата

(государственнаго совѣта), мы легко поймемъ затрудненіе австрійскаго правительства, происходящее отъ того, что ему понынѣ не удалось увѣнчать дѣло свое желаемымъ успѣхомъ. Ибо хотя уже два раза, именно въ 1861 и 1862 годахъ, происходило собраніе рейхсрата, однако ни разу не могъ онъ собраться вполнѣ. Итакъ изданныя императоромъ грамоты, какъ-то дипломъ отъ 20 октября 1860 г. и патентъ отъ 26 февраля 1861 г., на которыхъ основывается новая австрійская конституція, понынѣ еще не поступили въ полную и современную жизнь. Не лишнимъ считаемъ здѣсь кое что замѣтить объ устройствѣ рейхсрата. Онъ, по указанію упомянутаго патента, состоитъ изъ двухъ палатъ, какъ-то: изъ палаты вельможъ и депутатовъ. Члены первой палаты суть: совершеннолѣтніе герцоги владѣтельнаго дома, большіе помѣщики, отличенные дворянствомъ и достоинствомъ государственныхъ совѣтниковъ, всѣ архіепископы и сверхъ сего императоръ по собственному благоусмотрѣнію можетъ избрать въ члены упомянутой палаты отличныхъ мужей, стяжавшихъ себѣ заслуги на гражданскомъ, духовномъ, литературномъ и артистическомъ поприщахъ.—Палата депутатовъ должна состоять изъ 343 народныхъ представителей, избираемыхъ изо всѣхъ австрійскихъ провинцій. Эти депутаты должны быть избираемы на земскихъ сеймахъ, а по требованію обстоятельствъ, могутъ быть избираемы безпосредственно самими же округами, городами и корпораціями, имѣющими право на участіе въ рейхсратѣ. Рейхсратъ тотъ долженъ собираться ежегодно и въ немъ должны быть разсматриваемы всѣ дѣла, касающіяся общихъ интерессовъ имперіи и составляющія предметъ ея общаго законотельства.

Въ особенности въ кругъ дѣйствій его входятъ вопросы, касающіеся рекрутскаго набора, исполненія военной повинности, финансовъ, а равно также и по части опредѣленія бюджета, составленія отчетовъ о состояніи денежныхъ оборотовъ въ имперіи, постановленія мѣръ для усиленія государственнаго кредита, повышенія податей и всякаго рода налоговъ.—Въ продолженіе минувшихъ двухъ лѣтъ австрійское правительство много хлопотало объ образованіи полнаго рейхсрата, но всѣ усилія его, въ томъ отношеніи, остались тщетными, ибо многія провинціи сопротивились жертвовать своею древнею конституціею

въ пользу новой австрійской и слиться съ прочими провинціями, получившими настоящую австрійскую конституцію. Именно отказали въ отправленіи своихъ депутатовъ въ рейхсратъ слѣдующія провинціи: Венгрія, Ломбардско-венеціанское королевство, Далмація, Хорватско-славянское королевство, Трансильванія и Истрія. Такимъ образомъ въ палатѣ депутатовъ не доставало изъ Венгріи 85, изъ Ломбардско-венеціанскаго королевства 20, изъ Далмаціи 5, изъ Хорватско-славянскаго королевства 8, изъ Трансильваніи 26, изъ Истріи 4; всего 149 депутатовъ. Не смотря на неудачу свою въ составленіи полнаго рейхсрата, австрійское правительство все-таки усердно старается употребить всѣ мѣры для подкрѣпленія его новыми силами. Особенно въ настоящемъ году, оно обратило свое вниманіе на Трансильванію, стараясь склонить ее къ отправленію депутатовъ своихъ въ рейхсратъ. Эта провинція всѣхъ болѣе даетъ австрійскому правительству надежду на восторжествованіе надъ противными силами. Ибо въ ней мадярское поселеніе въ отношеніи къ совокупному румунскому и нѣмецкому народонаселенію находится въ значительномъ меньшинствѣ, такъ какъ всѣхъ мадяровъ считается только 517,577, а напротивъ—румуновъ 1,104.322, нѣмцевъ же—200,364. Имѣя въ виду эту числительную разность трехъ народовъ, австрійское правительство постаралось всѣхъ первѣе сыскать въ свою пользу румуновъ и нѣмцевъ (саксонцевъ), дабы при помощи ихъ побѣдить мадяровъ, сопротивлявшихся его намѣреніямъ. Съ этою цѣлію дозволено было румунамъ собраться въ Германштадтѣ подъ предводительствомъ ихъ святителей, именно православнаго архіерея Шагуны и уніятскаго архіепископа Стерки-Шулуца. Въ этомъ собраніи, открывшемъ 8 (20) апрѣля с. г. свои засѣданія, происходившія въ продолженіи четырехъ дней сряду, рѣшено было поднесть его величеству благодарственный адресъ, содержащій въ себѣ соглашеніе румунской націи на принятіе австрійской конституціи, основывающейся на вышеозначенныхъ императорскихъ грамотахъ. Этотъ адресъ 4-го мая (по нов. ст) с. г. былъ поднесенъ его величеству торжественной депутаціей подъ предводительствомъ вышеупомянутаго православнаго преосвященнаго. Въ томъ же смыслѣ также и семиградскіе саксонцы, за годъ прежде, поднесли съ своей стороны императору вѣрноподданническій адрессъ. Такъ какъ

австрійское правительство теперь полною питается надеждою, что Трансильванія отправитъ депутатовъ въ рейхсратъ, то оно рѣшило созвать въ Германштадтѣ семиградскій земскій сеймъ, положивъ срокъ 1-ое іюля (по нов. ст) с. г. Равнымъ образомъ рѣшено собрать также и рейхсратъ, постановивъ для сего срокъ 17-ое (5) іюня с. г.—Нѣтъ сомнѣнія, что семиградскіе румуны имѣли сильныя побужденія расторгнуть союзъ, связывавшій ихъ съ мадярскими и принять новосоставленную австрійскую конституцію. Ибо при преобладаніи мадяровъ, они не были включены даже въ число народовъ, такъ какъ, по уложенію семиградскаго великаго княжества только мадяры, секели (теперъ омадярченные) и нѣмцы были признаваемы народами, равнымъ образомъ и православіе было исключено изъ ряду вѣроисповѣданій, покровительствуемыхъ законами. А потому румуны, воспользовавшись нынѣ обстоятельствами, между условіями, на которыхъ принимаютъ австрійскую конституцію, на первомъ мѣстѣ поставили свое объявленіе о томъ, чтобы ихъ народность и вѣроисповѣданіе были признаваемы законодательною властію и уважаемы наравнѣ съ прочими національностями и вѣроисповѣданіями, состоящими въ Трансильваніи. Конечно нельзя не признать, что для румуновъ было крайне оскорбительно прежнее семиградское уложеніе, въ силу котораго ихъ православіе, исповѣдуемое около 700.000, было пренебрегаемо законами, тогда какъ римско-католическое, евангелическо лютеранское, реформато-кальвинское и социніанское исповѣданія состояли подъ защитой законодательной власти и пользовались уваженіемъ конституціоннаго управленія. Чувствуя это уничижительное свое состояніе, румуны нѣсколько разъ пытались свергнуть съ себя тяготящее на нихъ иго, особенно взолновались они въ 1437 году противъ притѣснителей своихъ, стараясь освободиться отъ ихъ угнѣтенія. Но чрезъ это ни мало не облегчили они положенія своего; напротивъ сдѣлали его гораздо тягостнѣе прежняго, такъ какъ въ слѣдствіе сего ихъ возстанія, прочіе три народа, въ томъ же году, заключили между собою союзъ для защищенія себя отъ румуновъ и отраженія ихъ непріязненныхъ нападеній. Съ тѣхъ поръ они никогда не переставали домогаться своихъ народныхъ правъ, но, кажется, въ настоящее время возсіяла для нихъ свѣтозарная денница, предвѣщающая имъ лучшую долю ихъ церковнаго и

гражданскаго быта. И въ самомъ дѣлѣ. пора, чтобъ румуны, послѣ многовѣковыхъ притѣсненій, заняли въ Трансильваніи имъ приличное мѣсто. Они со славянами, когда то населявшими семиградскую землю, въ которой теперъ только нѣкоторые ихъ слѣды находятся, ибо всѣхъ считается неболѣе 2598 душъ, составляютъ первобытный народъ этой провинціи. Всѣ прочіе народы суть пришельцы въ упомянутой землѣ, именно: секели считаются остатками полчищъ Аттилы, мадяре прибыли въ нее въ 889 году, а саксонцы туда переведены были на поселеніе венгерскимъ королемъ Гейзою II, около 1140–1146 г.— Зная, что безъ народнаго просвѣщенія ни одинъ народъ не можетъ имѣть притязанія на преуспѣяніе въ народномъ благосостояніи, семиградскіе румуны для образованія своей литературы и развитія народнаго просвѣщенія, въ минувшемъ году, учредили академію наукъ подъ названіемъ: »Asociatiune transilvana penstru literatura romana si cultu aporuleci romanu.« — Въ настоящее время взоры австрійцевъ преимущественно обращены на Трансильванію. Всѣмъ любопытно узнать: отправитъ ли семиградскій сеймъ депутатовъ въ рейхсратъ? Многіе въ семъ сомнѣваются, такъ какъ мадяры стараются употребить всѣ возможныя мѣры для воспрепятствованія успѣхамъ австрійской политики. Не мало затрудняетъ, въ этомъ отношеніи, намѣренія австрійскаго правительства, вопросъ доселѣ нерѣшенный о томъ: составляетъ ли Трансильванія составную часть Венгріи или Австріи? Мадяры, основываясь на исторіи и законахъ, утверждаютъ, что Трансильванія есть достояніе короны св. Стефана, перваго короля Венгріи. По свидѣтельству исторіи, они говорятъ Тухутумъ, одинъ изъ семи мадярскихъ вождей, по избраніи Арпада въ начальствующаго вождя, былъ отправленъ для завоеванія провинцій, лежащихъ за лѣсомъ. Этотъ Тухутумъ, побѣдивъ валашскаго военачальника Гелу, завоевалъ и Трансильванію и подчинилъ ее власти законныхъ государей Венгріи. При вышеприведенномъ первомъ королѣ Венгріи вождь Трансильваніи Дюла II покусился отложиться отъ власти венгерскихъ королей, но, не будучи въ состояніи преодолѣть силу оружія св. Стефана, попался въ плѣнъ и съ тѣмъ лишился власти надъ Семиградіемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ-то съ 1002 года по 1526 г. управляли Трансильваніею подвѣдомственные венгерскимъ королямъ князья, которые, до прекращенія владѣ-

тельнаго арпадскаго дома, были избираемы изъ сего, а, по прекращеніи его, въ продолженіе періода вольнаго избиранія королей венгерскихъ, были избираемы изъ знаменитыхъ дворянскихъ фамилій венгерскихъ съ усвоеніемъ имъ титула воеводъ.— По освобожденіи Венгріи изъ подъ власти турокъ, Трансильванія досталась австрійскимъ императорамъ, по замѣчанію мадярскихъ правовѣдовъ, какъ наслѣдственнымъ владѣтелямъ провинцій, входящихъ въ составъ венгерскаго королевства. Они ссылаются, по этому вопросу, на грамоту императора Леопольда, спустя годъ по взятіи будинской крѣпости, именно въ 1687 г. выданную и помѣщенную въ сводѣ законовъ венгерскаго королевства. Въ ней сказано: »supremi nostri regii muneris— dignoscimus, charissimam hanc Transylvaniae regionem, **jam a seculis inclyto nostro Hungariae regno assertam,** magis magisque velut animam complecti«. Сверхъ сего содержатся въ упомянутомъ сводѣ законовъ выразительныя постановленія о томъ, что Трансильванія составляетъ составную часть Венгріи. Именно подъ 1692 г. во II статьѣ замѣчено: »siquidem Transylvaniam **veluti ad regni Hungariae sacram coronam pertinentam** per suam Majestatem **qua regem Hungariae** possideat«; далѣе подъ 1744 годомъ въ 18 статьѣ сказано: Publicis etiam constitutionibus regni inserendum resolvit Sacra Regia Majestas, quod **Transilvaniam veluti ad regni Hungariae sacram coronam pertinentem** tam eadem quam successores sui **qua reges Hungariae** possidebunt«. На основаніи сихъ и затѣмъ послѣдовавшихъ законовъ, венгерцы всегда требовали соединенія Трансильваніи съ Венгріею, а особенно на сеймѣ, собранномъ въ 1790 г., на которомъ присутствовали также и депутаты Трансильваніи, всѣми силами домагались своихъ правъ, но австрійское правительство, имѣя въ виду раздробленіе государства на мелкія провинціи, подъ разными предлогами, не хотѣло въ этомъ отношеніи удовлетворить желаніямъ сейма венгерскаго, не смотря на то, что это же требованіе было помѣщено тоже и въ ряду королевскихъ предложеній, представленныхъ тому же сейму, происходившему въ 1790 и 1791 годахъ. Наконецъ, на угорскомъ сеймѣ, происходившемъ въ 1847/8 году было рѣшено соединеніе Трансильваніи съ Венгріей, вмѣстѣ же было и утверждено императоромъ Фердинандомъ. Тоже соединеніе было принято на семиградскомъ сеймѣ, происходившемъ въ Клаузенбургѣ въ 1848

году. Но такъ какъ австрійское правительство не признаетъ дѣйствительности законовъ упомянутаго 1848 года, то оно продолжаетъ распоряжаться въ Трансильваніи, какъ въ провинціи, вовсе независимой отъ Венгріи. Между тѣмъ защитники австрійской политики въ пользу мнѣнія своего, указываютъ на времена, въ которыхъ Трансильванія была независимою провинціею отъ Венгріи. Это именно было во время господства турокъ надъ Трансильваніей, когда на основаніи такъ называемаго вѣнскаго договора о заключеніи мира, состоявшагося въ 1606 и 1608 годахъ и въ силу обоюднаго договора, заключеннаго въ Токаѣ въ 1611 г. между семиградскимъ княземъ Габріелемъ Баторіемъ и Турзоемъ, уполномоченнымъ короля Венгріи, а равно и утвержденнаго на сеймѣ въ 1613 г. съ обѣихъ сторонъ, независимость Трансильваніи отъ Венгріи была признана торжественно и неприкосновенность верховной власти обоихъ краевъ была объявлена всенародно. Этою властію преимущественно воспользовался семиградскій князь Габріелъ Бетленъ.—Разумѣется, что въ политикѣ не столько рѣшаютъ юридическіе доводы, сколько могущество, сила, а равно и выгоды верховной власти. Увидимъ на сколько пріиметъ Трансильванія участіе въ содѣйствіи видамъ австрійскаго правительства? Оправдаетъ ли она ожиданія его? Что будетъ съ Венгріей? Будетъ ли созванъ венгерскій сеймъ? Вотъ животрепещущіе вопросы у насъ въ настоящую пору, насъ всѣхъ болѣе интересующіе.

Я. Раковскій.

ПѢТУХЪ, ОРЛЫ и ВОРОНЫ.

(БАСНЯ.)

Голландскимъ курицамъ и коршуну съ родни—
Пѣтухъ задорливый, крикливый,
Два раза ужъ бѣжалъ изъ западни,
Куда онъ попадалъ за планъ свой горделивый:
Старинныхъ пѣтуховъ династію прогнать,
И самому ихъ тронъ въ курятникѣ занять.
Но въ третій разъ, онъ все употребилъ умѣнье
И планъ—таки привелъ свой въ исполненье,—

Старинныхъ пѣтуховъ прогналъ,
И надъ курятникомъ владыкой сталъ!—
»Фактъ совершившійся«—ужъ такъ и быть—признали,
И всѣ его властителемъ назвали—
Теперь бы жить ему да поживать,
Не трогать никого, и мирно *пановать*;
Такъ вотъ же нѣтъ! Задорная натура
Такъ—и влечетъ его къ разбою и войнѣ!
Хоть и сказалъ онъ какъ-то сдура:
»Курятникъ—это миръ«,—но и внутри и внѣ
Вокругъ его вездѣ вражда кипѣла.
Онъ взялъ за правило: сосѣдей всѣхъ мутить,
Всѣхъ птицъ то ссорить, то мирить,
Того не забывая впрочемъ дѣла,
Чтобъ что—нибудь всегда къ себѣ пригородить.—
Его завистливое око
Увидѣло, что на горѣ высоко
Устроено гнѣздо Орловъ:
Вотъ—прототипъ всѣхъ вздорныхъ пѣтуховъ
Затѣялъ и Орловъ тревожить;
А чтобъ злокозненность усилить и умножить,
Онъ прочихъ птицъ всѣхъ началъ подъущать—
Въ орлиное гнѣздо бросать
Дипломатическими *камешками*:
»Что, дескать, вы Орлы широкими крылами
Ужъ слишкомъ много мѣста заняли,
Такъ половину бы Воронамъ отдали
Въ особое для нихъ владѣнье«....
Вороны глупыя, узнавъ такое мнѣнье
Распорядителя судебъ *Курей*,
Въ безсильной ярости своей
Съ Орлами въ бой вступили,
Послѣднія свои всѣ силы истощили,
И всѣ погибли наконецъ;
А покровитель ихъ, защитникъ и отецъ,
По-прежнему горланитъ кукареку!...
Не слыхано, не видано отъ вѣку,
Чтобъ душегубствовать другой такъ могъ, какъ онъ—
(Сей истребитель племени Воронъ)

Не опасаясь наказанья...
Но—наконецъ и онъ дождался воздаянья:
Интригами, коварствомъ злымъ
Онъ такъ ужъ надоѣлъ сосѣдямъ всѣмъ своимъ,
Что птицы наконецъ всѣ на него напали,
Ему всѣ пѣрья ощипали,
И красный гребень съ головы сорвали!
Общипанный со всѣхъ сторонъ,
Едва дыша, лежалъ въ грязи на полѣ онъ,—
И тамъ его свои ужъ *кури* заклевали.

И. К.

ХЛОПЫ.

Братцы! славный вѣкъ теперь насталъ!
Слава Богу! Царь нашъ Православный
Намъ теперь свободу даровалъ!
Пойте Богу пѣсни благодарны!
За Царя молитесь каждый часъ!
Пусть Господь—Спаситель милостивый?
И Его благословитъ за насъ
И весь родъ Его Христолюбивый!—
Наши прежиіе паны—ляхи
Обращались съ нами, кахъ съ скотами,
А теперь—За всѣ свои грѣхи
»*Падамъ до ногъ*« и всѣ они предъ нами!
Бабы на веревкѣ ихъ ведутъ
Въ городъ, въ Земскій Судъ, за ихъ измѣну;
И едва однихъ пановъ сдадутъ,
Какъ—смотри—другихъ ведутъ на смѣну.
Вы насъ звали, «*Хлопами*«, паны;
Сами же теперь пошли въ повстанье!
Вѣрно, вы объѣлись бѣлены,
Что у васъ такое бѣснованье....
Мы хоть хлопы, но умнѣе васъ:
Богу вѣру и Царю присягу

Будемъ мы хранить по смертный часъ,
И *»до лясу«* не дадимъ мы тягу.
Лучше хлопомъ, чѣмъ повстанцомъ быть;
Не глумитеся теперь надъ нами!
Лучше въ лаптяхъ за сохой ходить,
Чѣмъ такими быть, какъ вы, панами!—
Не давали вы намъ и вздохнуть,
Не внимали милосердья гласу:
Ну, теперь же вамъ—счастливый путь
Хоть въ сибирски степи, хоть *до лясу!*

И. К.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ.

(*Извѣстія извлеченныя изъ русскихъ газетъ*).

—„Journal de St. Pètersbourg„ 11-го мая:—„Мы взялись за длинный и тяжелый трудъ исчислять преступленія революціонной партіи въ Польшѣ; но у насъ достанетъ духа совершить его до конца, въ надеждѣ, что это будетъ содѣйствовать къ торжеству истины и правосудія.

„11-го апрѣля, въ красненскомъ лѣсу (въ опочинскомъ уѣздѣ), инсургенты повѣсили крестьянъ: Ковальскаго, Каспера, Сурлика, Малярчика, Матвѣя Барзинскаго, Брильскаго, Холбуса и двухъ неизвѣстныхъ, за то, что они отказалися принять участіе въ инсуррекціонномъ движеніи.

„Въ тотъ же день кузнецъ Леопольдъ Рихардъ былъ повѣшенъ въ замойскомъ уѣздѣ, близь помѣстья Велокалази.

„13-го апрѣля, въ блендзевскомъ лѣсу (млавскаго уѣзда) повѣшены управитель Иванъ Баутембахъ и одинъ неизвѣстный.

„Въ тотъ же день, въ деревнѣ Крже (варшавскаго уѣзда), шайка инсургентовъ повѣсила человѣка, котораго имя осталось неизвѣстымъ.

„14-го апрѣля, другіе инсургенты плоцкаго уѣзда, окруживъ въ деревнѣ Воли-Длужневски, домъ колониста Матвѣя Уманскаго-

вытащили его оттуда и изрѣзали косами въ куски. Потомъ увели жену этого несчастнаго въ лѣсъ и, подвергнувъ ее сперва гнусному насильству, повѣсили.

„15-го апрѣля, переходя чрезъ деревню Липу (опочинскаго уѣзда), инсургенты повѣсили крестьянъ Петра Новака и Михаила Новицкаго.

„16-го апрѣля, въ дальнійскомъ лѣсу, близъ города Сувалки, повѣшенъ отставной солдатъ Гредковскій.

„Въ тотъ же день, въ ломжинскомъ уѣздѣ, близь деревни Гацъ, найденъ повѣшеннымъ еврей Янкель Вержбно.

„17-го апрѣля, шайка инсургентовъ, дѣйствуя отъ имени **національнаго правительства**, вторглась въ трактиръ деревни Ябоцешки (сѣдлецкаго уѣзда), содержимый Іосифомъ Мищукомъ, и умертвила этого несчастнаго, какъ равно и жену его, за то, что они смѣли требовать платы за съѣденное и выпитое разными шайками, бродившими въ окрестностяхъ.

„Въ тотъ же день, шинкарь Торанскій, въ деревнѣ Влаки (млавскаго уѣзда), умерщвленъ вмѣстѣ съ женою, за то, что они отказались давать инсургентамъ водку безденежно.

„18-го апрѣля, найденъ повѣшеннымъ въ валенчинскомъ лѣсу (ломжинскаго уѣзда) отставной солдатъ Станиславъ Лижевскій.

„Въ тотъ же день, близь деревни Эссіанка (ленчицкаго уѣзда), повѣшенъ человѣкъ, котораго имя осталось неизвѣстнымъ.

„19-го апрѣля, въ пруснижскомъ уѣздѣ, близь деревни Храстово, найденъ трупъ неизвѣстнаго человѣка.

„Въ тотъ же денъ инсургенты похитили изъ мѣстечка Гловачева (радомскаго уѣзда), жену г. Калинскаго и, подвергнувъ ее самымъ ужаснымъ насильствамъ, умертвили.

„20-го апрѣля, уведенъ изъ колоніи Контп (варшавскаго уѣзда) и повѣшенъ на большой дорогѣ, земледѣлецъ Иванъ Рзинжъ.

21-го апрѣля, въ россіенскомъ уѣздѣ, инсургенты захватили жену крестьянина Карабинова, близъ деревни Жагиной. Эта несчастная, беременная уже по восьмому мѣсяцу, была повѣшена и въ самую минуту смерти разрѣшилась отъ бремени. Инсургенты имѣли жестокость остави.ь висящимъ и младенца.

„Въ тотъ же день, въ ковенскомъ уѣздѣ, близъ деревни Вабтъ, повѣшены на одномъ и томъ же деревѣ крестьянинъ Баганскій и жена его. На груди обоихъ труповъ найдены дощечки съ надписью: „казнены по повелѣнію національнаго правительства, съ запрещеніемъ, подъ смертною казнію, хоронить ихъ“.

„22-го апрѣля, въ томъ же ковенскомъ уѣздѣ, повѣшены прусскій подданный Вольгемютъ и г. Беккеръ.

„Въ тотъ же день, въ вилькомирскомъ уѣздѣ повѣшены гг. Афанасьевъ и Лебедевъ.

„Въ тотъ же день, въ бѣлостокскомъ уѣздѣ, близъ аннопольскаго помѣстья, десять крестьянъ повѣшены, за то, что не хотѣли присоединиться къ инсургентамъ.

„Въ тотъ же день, въ городѣ Брянскѣ (бельскаго уѣзда) повѣшены: титулярный совѣтникъ Кургановичъ и отставной солдатъ Радзинскій.

„24-го апрѣля, въ могилевской губерніи, городъ Горки былъ разграбленъ и сожженъ шайкою инсургетовъ. Пятьдесятъ домовъ были превращены въ пепелъ.

„Изъ всѣхъ послѣдне-полученныхъ извѣстій оказывается, что въ послѣдніе девять дней апрѣля оффиціально подтвердились слѣдующія злодѣйства:

„Инсургенты повѣсили въ разныхъ мѣстахъ радомской, августовской и люблинской губерній—тридцать семь крестьянъ, одинадцать отставныхъ солдатъ, трехъ евреевъ, четыре неизвѣстныя лица, одного эконома и пять женщинъ, изъ которыхъ одну съ ребенкомъ.

„Въ деревнѣ Лепна (опочинскаго уѣзда) два крестьянина были повѣшены, а четыре хижины со всѣмъ скотомъ сожжены.

„Сверхъ того, оказывается, изъ свѣдѣній, собранныхъ на мѣстѣ, что какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Литвѣ, инсуррекціонныя шайки дѣйствуютъ слѣдующимъ образомъ, въ силу предписаній, которыми онѣ снабжены. Приходя въ деревни и мѣстечки, прежде всего, забираютъ общественныя кассы: потомъ сзываютъ всѣхъ жителей и заставляютъ ихъ присягнуть въ вѣрности революціи и отчаянной войнѣ противъ русскихъ. По обы-

кновенію, одинъ изъ ксендзовъ, сопровождающихъ шайку (а иногда ихъ по нѣскольку) принимаетъ эту присягу передъ распятіемъ, между двумя *пистолетами*. Сопротивляющіеся предаются смерти. Потомъ объявляется отъ имени національнаго правительства, что всѣ люди, способные владѣть оружіемъ, должны слѣдовать за шайкою, и всѣ съѣстные припасы, деньги, оружіе, вино и одежда, какія есть въ деревнѣ, должны быть принесены на алтарь отечества.

„Грустно сказать, но фактъ положителенъ, что ксендзы, большею частію, сами исполняютъ, собственными руками, смертные приговоры надъ несчастными жертвами террористской партіи въ Польшѣ. Что же касается до русскихъ раненыхъ солдатъ, которые, по несчастію, попадаются въ плѣнъ, то ихъ всегда вѣшаютъ, а иногда и живыми хоронятъ, съ веревкою на шеѣ, какъ это было въ сраженіи при Стефанковичѣ“. [1])

—**По поводу польскаго возстанія въ кіевской губерніи.** *(Перепечатано изъ 121 № С. П. Вѣд.)*—Слѣдя за проявленіями польскаго патріотизма, нельзя не подивиться той неистощимой изобрѣтательности и энергіи, съ какою дѣйствовала заграничная пропаганда, въ продолженіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, предшествовавшихъ возстанію. Ядовитыя клеветы, направленныя противъ всего русскаго, наводнили иностранную журналистику, съ одной стороны воспитывая въ полякахъ ненависть къ Россіи, а съ другой—возбуждая сочувствіе Европы ролью мучениковъ. Подземная литература еще болѣе ожесточила умы поляковъ и привела ихъ въ такое раздраженіе, что начавши дѣло манифестаціями и заявленіями, они неминуемо должны были придти къ открытому мятежу. Революціонныя идеи, охватившія все польское населеніе преимущественно обуяли умы пылкой молодежи. Можно сказать съ увѣренностію, что нѣтъ ни одного заведенія ни въ Царствѣ Польскомъ, ни въ западномъ краѣ, куда бы не проникли эти разрушительныя идеи: въ нихъ воспиталось цѣлое поколѣніе! Не только взрослые молодые люди—студенты, ученики высшихъ классовъ гимназій и кадетскихъ корпусовъ, посвящены во всѣ таин-

[1]) Мы помѣщаемъ извѣстія о богомерскихъ преступленіяхъ мятежниковъ только съ 11 апрѣля по 1-е мая, о прежнихъ помѣщено было въ 9-ой книгѣ, а о совер-

тва заграничной агитаціи, но даже дѣти, 11—14-ти-лѣтніе мальчики, участвуя во всѣхъ манифестаціяхъ вмѣстѣ съ старшими и слушая въ кругу семейства разные толки о политикѣ, дѣлались незамѣтно участниками возстанія [1]).

Религіозный фанатизмъ ксендзовъ, достойныхъ преемниковъ памятныхъ для Польши іезуитовъ, слившись съ фанатизмомъ политическимъ, воспроизвелъ средневѣковой типъ фанатиковъ-энтузіастовъ, готовыхъ на всякія жертвы. Скромная роль проповѣдника чаще и чаще начала смѣняться ролью агитатора народныхъ массъ. Проповѣдь перешла въ прокламацію. И едва ли есть другой народъ въ мірѣ, у котораго бы патріотизмъ доведенъ былъ до такой ужасающей силы. Дитя уже съ молокомъ матери всасываетъ ненависть къ русскимъ. Правительство наше разными мѣрами, то строгими, то учтивыми, старалось склонить поляковъ на свою сторону — и однаково недостигало своей цѣли: строгость вызывала противодѣйствіе и питала затаенную месть, мѣры кроткія—порождали въ полякахъ увѣренность въ безсиліи правительства сладить съ ними.

Когда заграничные агитаторы сочли польское общество достаточно уже наэлектризованнымъ, начался цѣлый рядъ манифестацій, съ пѣніемъ патріотическихъ гимновъ, уличными скандалами, трауромъ, процессіями и т. п. И вотъ отъ Балтійскаго моря до Днѣпра, отъ границъ Пруссіи почти до Смоленска заволновалось все польское народонаселеніе. Цѣль всѣхъ этихъ демонстрацій—заявить передъ Европой свое тяготѣніе къ Царству Польскому. На сколько они достигали предположенной цѣли—видно изъ того сочувствія, которое оказываетъ западъ дѣлу польскаго возстанія въ настоящее время.

Наши украинскіе поляки, частію перевертни, частію выходцы изъ Познани, Галиціи и Царства Польскаго, взгорѣли тѣмъ сильнѣйшею ревностію, что ихъ существованіе въ здѣшнемъ краѣ сдѣлалось абсурдомъ. Послѣ обнародованія высочайшаго мани-

---

шенныхъ послѣ 1 мая, несравненно многочисленныхъ чѣмъ прежде, откладываемъ де будущей книжки.

[1]) Зачѣмъ вы путаете дѣтей въ ваше дѣло? спросили мы одного студента, подговаривавшаго маленькихъ гимназистовъ участвовать въ пѣніи гимновъ.—Объ этомъ скажетъ исторія! отвѣчалъ онъ торжественно.

феста, разные управляющіе, *экономы*, экономы и дозорцы почувствовали себя лишними среди народа. Urwało się, panie dobrodzieju, nam wszystkim! Слышали мы не разъ жалобы изъ устъ здѣшнихъ пановъ. Съ предоставленіемъ автономіи и самоуправленія народнымъ сходамъ, или радамъ, ихъ присутствіе дѣлалось для края безполезнымъ. Тунеядство „бурковой" и „повозовой" шляхты стало слишкомъ замѣтно выдаваться среди густыхъ массъ производительнаго сельскаго населенія. 19 февраля 1861 года любящія до страсти наряжаться польки надѣли трауръ.... Всѣмъ приходилось плохо: нужно было или работать самимъ и слиться съ народомъ, или же попытаться въ послѣдній разъ воротить прошлое. И вотъ они положили сдѣлать послѣднюю, отчаянную попытку, долженствовавшую рѣшить вопросъ: быть или не быть шляхетскому преобладанію на Украинѣ? Они возстали.

Ослѣпленіе ихъ при этомъ было полное. Помѣшанный ламанчскій рицарь имѣлъ болѣе основанія сразиться съ вѣтряными мельницами, воображая ихъ заколдованными великанами, чѣмъ эти безстрашные рыцари, идущіе съ десятками горячихъ головъ на милліоны русскаго населенія.

Но они, говорятъ, разсчитывали на крестьянъ.

По какому праву? Чѣмъ заслужили вы, вельможные паны, довѣріе народа? Не панщиной ли со всѣми ея невольническими атрибутами?Вы обѣщаете ему золотыя горы въ вашихъ „золотыхъ грамотахъ". Но можетъ ли народъ повѣрить вашимъ обѣщаніямъ? Какъ ему знать будущее? О немъ только и можно судить ему по прошедшему, — а прошедшее здѣшняго края, по милости вашей, было ужасно!

Минувшее какъ тяжкое сновидѣніе, крѣпацтво свое, нашъ крестьянинъ сравниваетъ съ настоящимъ своимъ положеніемъ, которымъ онъ обязанъ Царю-Освободителю: онъ подвелъ итогъ бѣдственной жизни крестьянина, и крестьянинъ останется ему за то вѣренъ до гроба.

Прежде нежели сочинять свои „золотыя грамоты„. затрачивать деньги на ихъ напечатаніе, позаботились ли вы, господа поляки, о томъ, чтобы научить своихъ крестьянъ грамотѣ? Въ

огромныхъ имѣніяхъ здѣшнихъ магнатовъ была ли до 1861 г. [1]) хоть одна школа? На дворню, псарню и конюшни у иного издерживались десятки тысячъ, а на школы ни гроша!

Чтожъ вы упрекаете народъ въ жестокосердіи и безчеловѣчныхъ поступкахъ въ отношеніи къ лѣснымъ бродягамъ повстанцамъ! Кто довелъ его до такого состоянія? Позаботились ли вы о томъ, чтобы сколько нибудь очеловѣчить эту массу?

За чѣмъ вы затронули за живое ее народное чувство? Народъ, благодаря вашей цивилизаціи, неразвитъ, грубъ, невѣжественъ. Но, оставаясь цѣлыя столѣтія дикаремъ, онъ не утратилъ присущаго всякому народу самосознанія: онъ инстинктивно понялъ всю глубину оскорбленія, которое вы нанесли ему вашими притязаніями на его родной край, на его Украйну, съ ея славными курганами, Кіевомъ и стародавнымъ Днѣпромъ. Онъ сразу почувствовалъ, что около него что-то не ладно, что-то не такъ.... и едва только понялъ онъ въ чемъ дѣло—народная Немезида задавила возстаніе въ одни сутки.

Вы сами разбудили этого спящаго льва, который съ такою яростію бросился на дерзкихъ нарушителей его спокойствія.

Кровь вашихъ собратій—да падетъ на голову вашихъ искусителей!

Судя по настроенію современнаго намъ польскаго общества, нельзя съ увѣренностію сказать, чтобы патріоты наши, потерпѣвъ такую громадную неудачу, совершенно упали духомъ. Духъ польскаго патріотизма живучъ—съ нимъ не такъ-то легко сладить. Ксендзы не замедлятъ призвать на помощь свой католическій фанатизмъ, освятить и ознаменовать грустныя событія религіозными процессіями, конанизировать павшихъ подъ страшными крестьянскими косами молодыхъ безумцевъ; всегда готовый къ услугамъ публицистъ, на основаніи свѣжихъ фактовъ (разукрасивъ ихъ, по обыкновенію, разными вымыслами), сочинитъ доносъ Европѣ, и роль мучениковъ, можетъ усилить притязанія запада на отдачу Польшѣ коренныхъ русскихъ провинцій. А потому трудно предполо-

[1]) Первые школы заведены въ кіевской губерніи духовенствомъ, которое до 1861 года постоянно встрѣчало противодѣйствіе въ этомъ дѣлѣ со стороны землевладѣльцевъ,

жить, чтобы замыслы здѣшнихъ поляковъ на обладаніе Украйной кончились уже совершенно.

Jeszcze nie wszystko stracono! воскликнула одна черная женщина, при видѣ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Таращею.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ уже соглашаются на уступку кіевской губерніи; но Волыни и Подоліи ни за что не хотятъ отдать. А о Литвѣ нечего и говорить.

Такой странный взглядъ на наши чисто русскія провинціи главнымъ образомъ происходитъ отъ невѣжества туземной шляхты, незнакомой даже съ азбукой исторіи и этнографіи западнаго края. Пользуясь этимъ, ксендзы крутятъ массами какъ имъ угодно: въ мутной водѣ, какъ извѣстно, хорошо ловится рыба.

Пораженіе шаекъ въ кіевской губерніи на всѣхъ пунктахъ, совершившееся почти въ одинъ день, разкрыло полякамъ глаза. Крестьянскія косы стали для нихъ страшнѣе солдатскихъ штыковъ: онѣ заставляютъ блѣднѣть самыхъ отважныхъ патріотовъ. Произвести новое возстаніе для поляковъ не осталось никакой возможности. Они замѣтно пріуныли. Несчастіе многихъ семействъ, быть можетъ, заставило нѣкоторыхъ пожалѣть о случившемся, даже проклинать свой революціонный комитетъ, который, не справившись съ дѣйствительностію, своими деспотическими декретами подвинулъ ихъ на такое рискованное дѣло. Отдавъ почти половину своего имущества на дѣло революціи, выславъ на явную гибель лучшій цвѣтъ своей молодежи и потерпѣвъ полнѣйшую неудачу, наши поляки, повидимому, усомнились въ непогрѣшимости распоряженій грознаго комитета, извергающаго неисчислимыя бѣдствія на ихъ легкомысленныя головы. Нѣкоторые, быть можетъ, и совсѣмъ прозрѣли... Довольно жертвъ!

Дай Богъ, чтобъ эта катастрофа была послѣднею, чтобъ навсегда избавила нашу Украйну отъ прилива польскихъ выходцевъ, этого чужеяднаго растенія, заглушавшаго собой физическій и нравственный ростъ народной жизни! Дай Богъ, чтобъ непроизводительныя силы этого богатаго отъ природы края — эта бурковая шляхта и эти всемірные граждане — евреи — обратили свою дѣятельность въ пользу пріютившаго ихъ у себя народа, сдѣлавшись истинными сынами своего новаго отечества; не считали бы на-

шего богатаго края съ милліонами православнаго населенія подметкой Посполитой рѣчи, не смотрѣли бы на наше земледѣльческое сословіе какъ на племя, обиженное Богомъ, неспособное къ свободѣ, умственному образованію, общечеловѣческому развитію... Забудьте, панове, оскорбительное для человѣчества ученіе отцовъ іезуитовъ и ваши беззаконные замыслы! Нашъ народъ незлопамятенъ: онъ скоро оцѣнитъ вашъ честный трудъ, вашу полезную дѣятельность и забудетъ тѣ безчисленныя неправды, которыми вы запятнали себя, въ теченіе долгаго господства въ этомъ краѣ вашихъ шляхетскихъ вольностей! (С. П. В.) *Украинецъ.*

Бѣлая Церковь.
16-го мая 1863 г.

—Въ **Русскомъ Инвалидѣ** читаемъ:—„Извѣстно, какую роль приняло католическое духовенство въ нынѣшнемъ польскомъ возстаніи. Забывая значеніе христіанской церкви и духовенства, значеніе, состоящее исключительно въ мірѣ духовномъ, въ заботѣ о спасеніи души, въ отдѣленіи отъ себя всего мірскаго, тѣмъ болѣе отъ крови и войны,—оно разжигаетъ страсти, становится съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ возстанія. На ксендзовъ главнымъ образомъ падетъ пролитая кровь,—они, пользуясь своимъ вліяніемъ, обратили его на служеніе убійству; они стремятся придать возстанію религіозный характеръ, т. е. сдѣлать борьбу самой ужасной и непримиримой.

„Но вотъ раздается голосъ нашего духовенства. Рѣчь владимірскаго епископа, произнесенная войскамъ передъ отправленіемъ въ западныя губерніи, дышетъ истинно христіанскими чувствами. Нѣтъ ни одного слова гнѣва или мщенія, даже законнаго,—только одно чувство милосердія, даже къ ожесточенному врагу.

„21-го апрѣля, епископъ владимірскій, суздальскій напутствуя молебномъ съ водосвятіемь одну изъ партій безсрочно-отпускныхъ, отправлявшихся изъ Владиміра, въ рѣчи, при этомъ произнесенной, между прочимъ сказалъ:

„Если случится вамъ вступить въ сраженіе съ непріятелемъ, употребляйте все свое мужество, все свое искусство, чтобы пора-

зить его. Но если непріятель падетъ раненый, если, положивъ оружіе, будетъ просить у васъ пощады или попадется въ плѣнъ, то вы не только не мстите ему, не высказывайте своей непріязненности, но даже старайтесь по возможности поддерживать упадшій его духъ братскимъ участіемъ въ горькомъ его положеніи, помогайте ему, чѣмъ можно, и успокойте его. Помните, что врагъ до тѣхъ только поръ остается врагомъ пока онъ съ оружіемъ, а когда онъ лишился оружія, тогда онъ дѣлается уже вашимъ собратомъ, достойнымъ вашего искренняго сочувствія".

„Вотъ простыя и полныя истинно христіанскихъ чувствъ слова преосвященнаго Іустина. Пишутъ, что солдаты плакали отъ этихъ словъ—и мы вѣримъ этому. Въ послѣднее время солдаты, приведенные въ негодованіе жестокостями повстанцевъ, которые вѣшаютъ нашихъ плѣнныхъ и русскихъ крестьянъ, иногда прибѣгали къ репрессаліямъ и не брали плѣнныхъ. Вотъ къ чему относятся слова владимірскаго епископа, и, конечно, не пройдутъ безслѣдно".

—Отрывокъ изъ помѣщенной въ 19 №„ Дня" статьи г. Самарина, „какъ относится къ намъ римская церковь?—.....Польша волнуется. Въ костелахъ распѣваютъ что-то непохожее ни на ектеніи, ни на молебны. Дамы, по чьей-то командѣ, облекаются въ трауръ. Въ городахъ слышатся дерзкія рѣчи и встрѣчаются дерзкіе взгляды. Нація, о которой еще недавно одинъ изъ ея поклонниковъ некстати печатно возвѣстилъ, что она дастъ тысячи мучениковъ и ни одного убійцу, эта нація спѣшитъ уличить его во лжи и въ какихъ-нибудь три мѣсяца выставляетъ изъ своихъ рядовъ столько убійцъ и отравителей, что на долю ея хватитъ и за прошедшее и на будущее. Въ глазахъ и съ попущенія той же націи, величающейся мягкостью своихъ нравовъ и рыцарскимъ своимъ настроеніемъ, на улицахъ оскорбляютъ женщинъ, носящихъ русское имя, рѣжутъ спящихъ солдатъ, а отбивающихся сжигаютъ въ наглухо запертыхъ сараяхъ. Давно ужъ міръ не видалъ ничего подобнаго.

Бѣдная нація! Не тогда ты кончилась, когда израненный

свалился съ лошади и взятъ былъ въ плѣнъ одинъ изъ лучшихъ твоихъ сыновъ; ты теперь кончаешься и не отъ чужой, а отъ своей руки; чужія руки могли тебя изрубить, но ты одна могла запятнать себя....

Посмотримъ однако, что дѣлаетъ духовенство. Оно на виду. Изъ густаго лѣса пробирается въ деревню вооруженная шайка, или (опять таки говоря новѣйшимъ русскимъ языкомъ) *банда инсургентовъ.* Впереди всѣхъ ѣдетъ ксендзъ. Не болѣе какъ съ часъ тому назадъ, онъ можетъ быть приносилъ на алтарѣ безкровную жертву. Въ одной его рукѣ остался крестъ, а въ другой—чтобъ вы думали? Ужъ не Петровъ ли мечъ, не символъ ли духовной власти? Нѣтъ, этотъ мѣчъ, дававшій нѣкогда размахи на всю вселенную, давно ужъ выпалъ изъ одряхлѣвшей руки. Онъ сданъ въ арсеналъ и вмѣсто меча въ рукѣ служителя латинской церкви шестиствольный револьверъ. Гдѣ не беретъ слово, тамъ возьметъ пуля и пробьетъ насквозь неподдающійся увѣщанію черепь будь онъ мужеской или женскій. Предъ судомъ церкви вѣдь всѣ равны.

Но зачѣмъ же скажутъ намъ, обобщать обвиненіе и сваливать на отвѣтственность церкви преступленіе нѣсколькихъ извергов? Дѣйствительно, не всѣ, далеко не всѣ,—желали бы мы убѣдиться, что лишь немногіе въ нихъ причастны; но дѣло въ томъ, что участіе бываетъ различно. Вы приберегаете названіе убійцы для того, кто спустилъ курокъ, а какъ вы назовете того, кто разрѣшилъ убійство, того, кто попустилъ его, наконецъ того, кто отворачиваетъ глаза отъ убійства и притворяется, что не видитъ его?

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаютъ лучшіе люди? что дѣлаетъ высшее духовенство и какъ относится оно къ дѣйствіямъ своихъ подначальныхъ? Вотъ что желали бы мы узнать, но къ удивленію—объ этомъ-то мы ничего и не слышимъ. Никто однако не обвинитъ латинскаго духовенства въ недостаткѣ чуткости и не заподозритъ его организаціи въ отсутствіи дисциплины. Мы знаемъ, что на всякое событіе, даже на мелочное движеніе, въ чемъ-либо его задѣвающее, оно немедленно отзывается ясно и внятно. Знаемъ, что слово его передается быстро, сверху до низу, по всѣмъ

ступенямъ іерархіи и слово это раздается не даромъ, а исполняется въ точности. Чтожъ значитъ въ настоящемъ случаѣ это упорное молчаніе? Вѣдь кажется есть въ Варшавѣ архіепископъ и мѣстный представитель латинства. Недавно еще, мы слышали, онъ занималъ совѣтъ какими-то мѣрами объ огражденіи самостоятельности и свободы лицъ. Сказалъ ли онъ хоть слово о томъ, что обращать богослуженіе въ орудіе для возбужденія политической страсти значитъ оскорблять и позорить святыню? Напомнилъ ли онъ, что своды церквей должны оглашаться словами любви и мира, а не риемованными памфлетами и дикимъ призывомъ къ насилію? Подумалъ ли онъ о томъ, чтобъ оградить хоть жизнь своей паствы отъ необузданнаго рвенія подвластныхъ ему пастырей? Неужели онъ ничего не видитъ и не замѣчаетъ? Или, въ его глазахъ все, что творятъ теперь въ Польшѣ его разгулявшіеся ксендзы, не болѣе какъ невинныя шалости ad majorem gloriam Dei et sanctae Apostolicae saedis?

Но поднимитесь выше. Что дѣлаетъ глава латинства? Осажденный своими подданными въ стѣнахъ своей столицы, изъ-за тройной ограды французскихъ штыковъ, онъ перемигивается издали съ какими-то темными людьми тоже по своему, не хуже польскихъ ксендзовъ, служащими латинству въ лѣсахъ Неаполитанскаго королевства; и въ тоже время, со вздохомъ обращая свой взоръ на сѣверъ, онъ умильно проситъ, чтобъ заступились добрые люди *за угнетенную* въ предѣлахъ россіи римскую церковь...

И такъ, отношеніе выяснилось. Настоящее бросило свѣтъ на прошедшее; теперь видитъ всякій, чего мы можемъ ожидать отъ латинства. Пусть же оно высказывается; мы будемъ прислушиваться и мотать себѣ на усъ.

Письмо б. директора клеванской гимназіи И. Г. Кулжинскаго варшавскому р. католическому архіепископу Феликсу Фелинскому, отъ 27 марта нынѣшняго года, сообщенное въ редакцію Вѣстника при нижеслѣдующей замѣткѣ г. Кулжинскаго.

Надъ Польшею теперь совершается судъ Божій. Она сама себя добиваетъ, чтобы, погибнувши самоубійственною смертью,

никогда уже не состоять въ числѣ прочихъ народовъ и царствъ. Цвѣтъ ея юношества гибъ и гибнетъ въ безумномъ возстаніи противъ законнаго правительства; нравственныя и физическія силы ея истощаются съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; денежные капиталы ея оскудѣли до всеобщаго банкротства всей націи. Но что всего хуже для Польши, такъ это—тотъ несомнѣнный признакъ близкой ея—нравственной и духовной—смерти, что польское духовенство само стало во главѣ самоубійственныхъ ея дѣйствій. Ксендзы польскіе (страшно сказать!) свои руки, освященныя для приношенія безкровной жертвы, обагряютъ теперь кровію своихъ ближнихъ, становятся въ ряды мятежниковъ, *собственноручно убиваютъ людей*, даже беззащитныхъ женщинъ, и, о мерзость запустенія и богохульства, — даже осмѣливаются, съ крестомъ въ рукахъ, сами идти и другихъ вести на убійство и на поруганіе своей вѣрноподданнической присяги!... И по человѣчеству, и по единоплеменности, и по христіанству, жалко намъ русскимъ видѣть, какъ несчастная Польша сама въ какомъ-то странномъ головокруженіи не видитъ своей погибели, добровольно стремится къ своему полному физическому, нравственному и политическому уничтоженію... Именно въ такомъ духѣ братски—христіанскаго сожалѣнія было написано и послано, 27-го марта нынѣшняго (1863) года слѣдующее

»Письмо къ варшавскому р. католическому архіепископу Феликсу Фелинскому«:

Ваше высокопреосвященство! »Когда вы были ученикомъ клеванской гимназіи, тогда я былъ тамъ директоромъ. — Я очень хорошо помню васъ; вѣроятно, и вы помните вашего стараго директора, а равно можете припомнить и тотъ общій всѣхъ клеванскихъ гимназистовъ отзывъ обо мнѣ: *»хоць москаль, але добрый чловпькъ.«*—Вы, тогдашніе клеванскіе гимназисты любили меня, и я искренно любилъ всѣхъ васъ, не различая васъ по національностямъ«.

»Не можетъ быть, чтобы вы, проживши столько лѣтъ въ Россіи, не были доселѣ искренно убѣждены, что и обо всемъ русскомъ правительствѣ честные поляки должны думать и го-

ворить такъ же: »*хоць москале, але добре людзіе.*« Я столько увѣренъ въ вашемъ высокомъ просвѣщеніи и въ вашемъ здравомысліи, что, не опасаясь компрометировать ни васъ, ни себя, рѣшаюсь теперь писать къ вамъ именно для того, чтобы, по праву бывшаго вашего директора, обратить вниманіе вашего высокопреосвященства на одну, самую существенную и святѣйшую обязанность вашего архипастырскаго сана въ нынѣшнее революціонное время«.

»Какъ ни лгутъ заграничныя газеты въ пользу поляковъ, о нынѣшней затѣянной ими революціи,—но неумолимая исторія скажетъ въ свое время горькую для всего христіанства, а для васъ лично еще горчайшую истину, что всю настоящую рѣзню, всѣ душегубства и все кровопролитіе въ Польшѣ, *во время архіепископства Фелинскаго*, возбуждали и возбуждаютъ, поддерживаютъ и благословляютъ польскіе ксендзы, изъ которыхъ весьма многіе сами обагрили свои руки кровью своихъ братій, а многіе съ оружіемъ въ рукахъ взяты въ плѣнъ русскими«.

»Подумайте, владыко святый, о томъ, что всѣ эти ксендзы принадлежатъ къ польской р. католической церкви, предстоятелемъ которой состоите вы въ Варшавѣ! Подумайте о страшной отвѣтственности вашей за нихъ предъ нашимъ Спасителемъ, пролившимъ за насъ свою кровь на крестѣ«!

»Что же мнѣ дѣлать«, можетъ быть, скажете вы. А вотъ что: какъ христіанинъ, какъ честный человѣкъ и какъ вашъ бывшій директоръ, учившій васъ всему честному и доброму, умоляю васъ: остановите и прекратите нынѣшнюю польскую революцію! Это—ваша святая обязанность, ваша единственная миссія. Вы *можете*, слѣдовательно—вы *должны* это сдѣлать. — Вы можете сдѣлать это слѣдующимъ образомъ: 1-е) сдѣлайте торжественное отлученіе отъ церкви всѣхъ ксендзовъ, пошедшихъ въ *рухавку*, т. е. объявите имъ не только запрещеніе священнодѣйствовать (interdictionem sacrorum), но даже совершенное исключеніе ихъ изъ клира (plenam excommunicationem e clero ecclesiastico). — Вы — архіерей Христовъ, блюститель чистоты церкви Его: слѣдовательно вы должны выбросить эту нечистоту изъ Его Церкви.—Не надобно обманывать Бога и людей, будто теперь ксендзы сопутствуютъ партіямъ повстанцовъ для того, чтобъ исправлять христіанскія требы при раненныхъ и умира-

ющихъ. Нѣтъ! мятежники, и вообще никакіе разбойники, никогда не приглашаютъ священниковъ въ свои шайки,—и польскіе ксендзы теперь не исповѣдью занимаются въ партіяхъ повстанцевъ, но—страшно сказать—*сами умерщвляютъ людей*«...

»2-е) Напишите, напечатайте, и прикажите читать по всѣмъ костеламъ ваше пастырское посланіе ко всѣмъ католикамъ царства польскаго съ увѣщаніемъ ихъ не нарушать вѣрноподданнической присяги своему Царю—Всероссійскому Императору, и угрожайте всѣмъ нарушителямъ этой присяги и всѣмъ вообще революціонерамъ страшнымъ судомъ Божіимъ—карою на землѣ и погибелью на небѣ. Вѣдь вы, по вашей христіанской совѣсти, не смѣли и не смѣете разрѣшать ихъ отъ этой присяги: слѣдовательно вы, какъ пастырь, непремѣнно должны требовать, чтобы они не нарушали ее, хотя бы даже за это бунтовщики угрожали вамъ мученическою смертью«.

»И—подумайте, какая слава ожидаетъ васъ, если бы вы умиротворили несчастную Польшу: *блаженны миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*«.

»Съ достодолжнымъ почтеніемъ къ вамъ испрашиваю вашего благословенія, и имѣю честь быть

вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга

Иванъ Кулжинскій,

бывшій директоръ Клеванской гимназіи«.

На это письмо высокопреосвященнѣйшій Феликсъ Фелинскій доселѣ ничего не отвѣчалъ своему бывшему директору. — Зная его христіанскую доброту и высокое просвѣщеніе, я не могу допустить, чтобъ его высокопреосященство опасался компрометировать себя перепискою съ своимъ бывшимъ директоромъ. Впрочемъ, если бы, по какимъ либо уваженіямъ, онъ и не почелъ нужнымъ отвѣчать письменно своему бывшему директору, то безъ всякаго сомнѣнія давно отвѣчалъ бы самымъ дѣломъ, т. е. сдѣлалъ бы просимыя въ этомъ письмѣ распоряженія (самыя законныя и справедливыя), чтобъ удержать свою паству и своихъ священниковъ отъ бунта и убійства. Но какъ о такихъ его распоряженіяхъ доселѣ ничего неизвѣстно изъ газетъ,—то надобно предполагать, что это письмо не дошло до рукъ его высокопре-

освященства, но гдѣ-нибудь валяется въ лѣсу на столбовой дорогѣ—тамъ гдѣ польскіе мятежники разбили почту, ѣхавшую съ корреспонденціей, — какой разбой нѣсколько разъ случался во время нынѣшняго бунта. Допустивши эту, болѣе нежели вѣроятную, случайность, бывшій директоръ клеванской гимназіи рѣшился довести это письмо до свѣдѣнія его высокопреосвященства путемъ печати, чрезъ Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи. [1])

—**Вильно.**—Въ то время, когда благодѣтельныя преобразованія начатыя Правительствомъ въ виду развитія благосостоянія края, слѣдуютъ однѣ за другими, враги общественнаго порядка, питая несбыточныя замыслы, подняли оружіе противъ своего Гоударя и насильно вербуютъ въ свои шайки мирныхъ жителей, угрожая имъ смертію за сопротивленіе. Много злодѣйствъ уже совершено ими въ мѣстечкахъ, въ деревняхъ и въ лѣсахъ надъ лицами, преданными Правительству и исполнявшими свой долгъ,—и къ величайшему прискорбію истинныхъ друзей человѣчества, среди зачинщиковъ возстанія нашлись и служители алтаря. Забывъ священное свое призваніе, присягу на вѣрноподданичество и святую свою обязанность содѣйствовать правительству къ водворенію порядка и спокойствія въ краѣ, они, не со словами мира и любви обращались къ своимъ прихожанамъ, но, проповѣдывая ненависть къ Правительству, ложью и клеветою разжигая въ своей паствѣ страсти, не только благословляли ее на убійства, но сами, съ оружіемъ въ рукахъ, являлись во главѣ мятежническихъ шаекъ. До сей поры Правительство надѣялось мѣрами кротости и милосердіемъ остановить преступныя ихъ дѣйствія, — но снисхожденіе усугуб-

---

[1]) Не даромъ нашъ извѣстный своимъ патріотизмомъ литераторъ г. Самаринъ, въ вышеприведенномъ отрывкѣ его статьи обнаружилъ свое недоумѣніе о томъ странномъ и непонятномъ случаѣ, что вѣдь есть же теперь въ Варшавѣ архіепископъ католическій, который—неизвѣстно почему—не удерживаетъ свою духовную паству и тѣмъ болѣе своихъ ксендзовъ отъ нарушенія вѣрноподданнической присяги своему законному Государю-Царю и отъ братоубійства. Все это непонятно, неизъяснимо, достойно сожалѣнія и даже слезъ.... Редакторъ.

яло только ихъ дерзость и противузаконные замыслы, увеличивая число жёртвъ, увлекаемыхъ на путь гибели. Мѣра терпѣнія преисполнена; Правительство, обязанное ограждать жизнь и покушенія на собственность мирныхъ и долгу своему вѣрныхъ граждан, вынуждено прибѣгнуть къ законной строгости. Одинъ изъ сихъ зачинщиковъ возстанія, викарный ксендзъ желудскаго костела, лидскаго уѣзда, *Станиславъ Ишора*, признанный виновнымъ въ чтеніи въ костелѣ, возмутительнаго манифеста и подговорѣ крестьянъ къ возстанію, разстрѣлянъ въ Вильнѣ, 22 мая въ 9 часовъ утра, при сборѣ войска и огромномъ стеченіи народа. О приговорѣ военнаго суда, утвержденномъ надъ ксендзомъ Ишорою, съ 7-ми часовъ утра объявлено было на площадяхъ и базарахъ при барабанномъ боѣ; стеченію народа способствовалъ торговый день и ярмарка, открытая въ настоящее время въ Вильнѣ. Приговоръ исполненъ былъ на базарной площади въ предмѣстіи Лукишки.

—Ксендзъ вѣніорскаго костела, лидскаго уѣзда, Раймундъ *Земацкій* и дворянинъ того же уѣзда Альбертъ *Лясковичъ*, преданные военному суду по полевымъ уголовнымъ законамъ и найденные онымъ виновными: первый въ чтеніи народу, въ костелѣ, польскаго манифеста возмутительнаго содержанія, съ цѣлью произвести возстаніе между крестьянами, а послѣдній въ содѣйствіи мятежу и въ возбужденіи къ низпроверженію правительственной власти,—приговорены тѣмъ судамъ къ смертной казни *разстрѣляніемъ*, каковая совершена надъ ними въ Вильнѣ, 24-го сего мая, въ 11 часовъ утра, на торговой площади.

— Дворянинъ Лидскаго уѣзда, виленской губерніи, Болеславъ *Колышко*, по произведенному надъ нимъ, по полевымъ уголовнымъ законамъ, военному суду, оказался виновнымъ въ принятіи начальствованія надъ вооруженною мятежническою шайкою и въ дѣйствіяхъ съ нею противъ войскъ; сверхъ того онъ изобличенъ въ разграбленіи сельскихъ правленій, захватѣ общественныхъ денегъ и повѣшеніи должностныхъ лицъ земской полиціи. За преступленія эти Колышко, согласно утвержденнаго приговора суда, под-

вергнутъ смертной казни — *повѣшеніемъ*, 28 числа сего мѣсяца, въ 10-ть часовъ утра, въ Вильнѣ, на торговой площади.

(Виленс. Вѣст. № № 55, 56).

— Объ отношеніи евреевъ къ полякамъ въ Литвѣ, корреспондентъ *Спб. Вѣд.* пишетъ между прочимъ: Отъ искренняго сочувствія поляку еврея удерживаетъ что-то, въ чемъ онъ самъ не можетъ отдать себѣ яснаго отчета. Литовскій еврей вообще поляковъ не долюбиваетъ, почему? За что?—онъ вамъ не объяснитъ. Онъ вамъ устроитъ съ полякомъ всевозможныя дѣла (Geschäfte), но за предѣлами коммерческаго круга онъ ему совершенно чужой, чуть-ли не врагъ; не принимаетъ никакого участія ни въ его радостяхъ, ни въ его печали. Чего-чего въ послѣднее время не перепробовали поляки, чтобы пріобрѣсть себѣ симпатію литовскихъ евреевъ: толковали имъ о братствѣ, равенствѣ, произвели ихъ даже изъ *жидовъ* въ почтенное званіе поляковъ Mojżeszowogo wyznania. Упорные сыны Израиля все-таки остались неизмѣнными въ своихъ чувствахъ къ окружающему ихъ народу, въ которомъ они, должно быть, инстинктивно чуютъ своего недоброжелателя и отъ котораго нужно держаться подальше. Мы тысячу разъ слышали отъ здѣшнихъ евреевъ, что „съ русскими имъ гораздо легче ужиться, потому что русскій вообще человѣкъ прямой, *не политикуетъ*. Теперь поляки ласкаютъ насъ, ухаживаютъ за нами, потому что нуждаются; но не дай Богъ, если они *будутъ на конѣ*, тогда... Мы ихъ натуру знаемъ, не проведутъ насъ, не первый годъ живемъ съ ними..“ (Спб. Вѣд.)

—**Мѣстныя извѣстія. Кіевъ 12 іюня.**—День 8-го іюня, увѣнчался тѣмъ весьма важнымъ событіемъ, которое на долго останется въ памяти кіевлянъ. Въ этотъ день, кіевскій уѣздный предводитель дворянства В. И. Бутовичъ, съ разрѣшенія г. начальника губерніи, пригласилъ въ городской, контрактовый домъ на Подолѣ, всѣхъ домовладѣльцевъ Кіева, куда часовъ около 11 стеклось до 1000 человѣкъ. Здѣсь предводитель дворянства объявилъ всѣмъ

присутствующимъ, объ утвержденіи г. министромъ внутреннихъ дѣлъ, кіевскаго устава взаимнаго страхованія недвижимыхъ имуществъ. Учрежденная по этому предмету коммисія объяснила о предпріятіи дальнѣйшаго распоряженія согласно устава, о чемъ и составленъ приговоръ, который по всѣмъ частямъ города общество приступило подписывать. Пользуясь этимъ собраніемъ, всѣ домовладѣльцы единогласно изъявили желаніе сдѣлать приговоръ объ учрежденіи въ Кіевѣ городскаго ополченія, прося при этомъ случаѣ предсѣдателя собранія, позволить составить приговоръ, который тутъ-же былъ написанъ, прочитанъ и съ общимъ восторгомъ одобренъ и принятъ всѣми домовладѣльцами.

Содержаніе приговора было слѣдущее:

„1863 года, іюня 8 дня, домовладѣльцы города Кіева всѣхъ сословій были собраны въ городскомъ домѣ, для выслушанія утвержденнаго правительствомъ устава взаимнаго страхованія отъ огня недвижимыхъ имуществъ въ г. Кіевѣ. Пользуясь настоящимъ случаемъ, домовладѣльцы имѣли въ собраніи своемъ слѣдующее совѣщаніе“.

„Мятежническія дѣйствія поляковъ, въ окрестностяхъ Кіева— этой древнѣйшей русской столицы, матери городовъ русскихъ, преисполненныя глубочайшимъ негодованіемъ православныхъ здѣшнихъ жителей всѣхъ сословій, выразивъ всеподданнѣйшимъ адресомъ Государю Императору свои вѣрноподданническія чувства непоколебимой преданности Престолу и Отечеству, негодованія къ замысламъ повстанцевъ и готовности жертвовать всѣмъ имуществомъ и жизнію для защиты православной русской Святыни, кіевляне— рѣшили доказать и дѣломъ правду своихъ словъ. Хотя, благодаря Бога, въ настоящее время весь край, для котораго Кіевъ составляетъ центръ, очищенъ отъ повстанцевъ и спокоенъ отъ ихъ враждебныхъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе, чтобъ дать правительству еще болѣе располагать находящимся въ Кіевѣ для охраненія и безопасности жителей военнымъ гарнизономъ, кіевляне всѣхъ сословій единодушно постановили: покорнѣйше просить его высокопревосходительство господина кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора повергнуть на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе ихъ всеподданническую

просьбу о дозволеніи сформировать изъ православныхъ кіевскихъ обывателей всѣхъ сословій, городское охранительное ополченіе, для содержанія въ Кіевѣ карауловъ и патрулей по образцу 1812 и 1831 годовъ, и если ихъ просьба будетъ уважена, то снабдить ихъ потребнымъ для этого оружіемъ. Настоящій, единодушный приговоръ домовладѣльцевъ Кіева представить на благоусмотрѣніе его высокопревосходительства главнаго начальника края чрезъ посредство предсѣдателя собранія, а для составленія подробныхъ правилъ городскаго ополченія, если Государю Императору благоугодно будетъ изъявить на сформированіе свое соизволеніе, образовать особую коммисію". Слѣдуютъ подписи: домовладѣльцевъ всѣхъ сословій, какъ-то: потомственныхъ и личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ, купцевъ и мѣщанъ. [1])

Вслѣдъ за симъ, одинъ изъ домовладѣльцевъ отставной подполковникъ Зуевичъ обратился къ обществу съ слѣдующими словами: „Мм. Гг.! Во всеподданнѣйшихъ адресахъ къ Государю Императору всѣ сословія порознь изъявившіе свою готовность на защиту православной вѣры, престола и отечества, положили учредить городское ополченіе для охраненія города по примѣру нашихъ отцевъ. Всѣмъ вамъ, господа, извѣстна заботливость Августѣйшаго Монарха о благѣ своихъ вѣрноподданныхъ, всѣмъ извѣстно вамъ о нанесенномъ Ему огорченіи увлеченіемъ поляковъ къ мятежу, всѣмъ извѣстна вамъ малочисленность поляковъ и эта-то горсть населенія поляковъ дерзнула огорчить Нашего Государя.„

„Станемъ-же какъ одинъ на защиту православной вѣры, престола и отечества! Теперь господа пойдемъ помолиться во святыняхъ Братскаго монастыря. Да здравствуетъ нашъ Августѣйшій Монархъ и весь Царствующій Домъ на многія лѣта!" По провозглашеніи словъ: „да здравствуетъ Августѣйшій Государь" залъ оглушился единодушнымъ, громкимъ, потрясшимъ все зданіе, „Ура"!

Вслѣдъ за подписаніемъ приговора объ учрежденіи городскаго ополченія, всѣ домовладѣльцы, вышли изъ контрактоваго

---

[1]) Городской голова I. Завадскій не принималъ участія въ собраніи.

дома и отправились въ Кіево-Братскій монастырь, пригласивъ ректора академіи архимандрита Филарета совершить съ колѣнопреклоненіемъ благодарственный молебень о здравіи и долгоденствіи Государя Императора, по окончаніи котораго, благословляя братское сословіе иконой Божіей матери и вручая ея предсѣдателю собранія, архимандритъ Филаретъ изволилъ сказать слѣдующее по этому поводу поучительное слово: „Благоволите принять изображеніе братской иконы Богоматери въ благословеніе отъ здѣшней обители. Братская обитель, живой памятникъ *братства*, жившаго въ кіевлянахъ и соединившаго ихъ единодушное общество, для охраненія совокупными силами въ здѣшнемъ краѣ православной вѣры и русской народности, въ тяжкія времена и изувѣрства польскаго владычества. Икона Божіей Матери, предъ которою мы теперь молились, была для вашихъ праотцевъ видимымъ знаменіемъ покровительства Царицы небесной кіевскому Братству. И прошлая судьба Кіева и края показываетъ, какъ сильно было покровительство небеснаго заступленія и какой несокрушенный и могучій духъ братской любви жилъ въ нашихъ праотцахъ...

„Вручаемая вашему обществу икона Богоматери, да напоминаетъ вамъ о достойныхъ подражаніяхъ праотцевъ вашихъ! Да утвердитъ васъ въ мысли, что въ братствѣ сила и крѣпость народа, и безъ духа братолюбія не осуществимы ни какія общественныя совѣщанія и предпріятія!

„Царица небесная своею благодатію да освѣтитъ, укрѣпитъ, упрочитъ и возвысить тѣ чувства и помышленія, которые привели васъ теперь къ олтарю Господню молитвы церковной“.

Мѣсто, гдѣ будетъ поставлена икона, городское общество, при первомъ собраніи сдѣлаетъ свое постановленіе. Этимъ важнымъ событіемъ ознаменовался для кіевлянъ день 8 іюня 1863 года, память о которомъ сохранится на всегда потомкамъ его, какъ основаніе соединенія всѣхъ городскихъ сословій воедино.

Мы не въ состояніи выразить того восторга, съ которымъ православные кіевляне приняли предложеніе ополчиться на защиту своей древней святыни и съ какимъ единодушнымъ „ура“ привѣтствовали слова г. Зуевича, когда онъ провозгласилъ. „да

здравствуетъ Августѣйшій Государь"! Нужно было видѣть, чтобъ понять то радушное шествіе въ братскій монастырь, съ которымъ шли домовладѣльцы въ храмъ Божій, наполненный множествомъ посторонныхъ лицъ. Со вступленіемъ домовладѣльцевъ въ храмъ, всѣ иконы, какъ будто въ одно мгновеніе, унизались зажженными свѣчами. На лицѣ каждаго изъ присутствующихъ отражалось какое-то неподдѣльное удовольствіе—дворяне, купцы, мѣщане, отставные ветераны дружески жали между собой руки и братски соединяли свои стремленія стать нерушимой стѣной за Вѣру, Царя и Отечество. Радость, съ которой возвращались изъ храма наши православные христіане, была такъ велика, что мы не въ состояніи передать ея на бумагѣ, предоставляя дополнить воображеніемъ, которое не можетъ быть чуждо каждому сыну своего любезнаго отечества въ столь торжественную минуту.

(Кіевск. Телеграф.)

— **О неимѣніи въ раіонѣ кіевскаго округа ни одной вооруженной шайки.** Хотя возникшіе въ кіевскомъ военномъ округѣ безпорядки, произведенные образовавшимися шайками мятежниковъ, дѣятельными мѣрами войскъ и полицій, при полномъ содѣйствіи сельскаго населенія, совершенно прекращены, такъ что теперь уже, на всемъ пространствѣ округа, ни одной вооруженной шайки не существуетъ и войска возвратились изъ поисковъ на свои квартиры, командующій войсками нашелъ необходимымъ къ предупрежденію по возможности на будущее время образованія новыхъ шаекъ, и для успокоенія мирныхъ жителей, встревоженныхъ послѣдними событіями, приказать начальникамъ войскъ кіевскаго военнаго округа посылать отъ ввѣренныхъ имъ отрядовъ не большія подвижныя колонны, которымъ отъ времени до времени обходить занимаемые ими раіоны по всѣмъ направленіямъ, посѣщая наиболѣе удаленныя отъ расположенія войскъ, мѣстности. (Кіев. Телегр.)

— **Изъ Житоміра.** — Въ С. В., пишутъ отъ 7 мая спѣшу сообщить вамъ два случая, бывшіе въ волынской губерніи, владимірскаго уѣзда, за вѣрность которыхъ я вполнѣ ручаюсь. Съ 20 на 21 прошлаго апрѣля, партія инсургентовъ переправилась изъ Царства Польскаго чрезъ р. Бугъ, и войдя въ селеніе Гущу,

вывела силой мѣстнаго священника Павла Скульскаго на площадь. Угрозами инсургенты заставляли его объявить крестьянамъ, что они уже находятся подъ польскимъ правительствомъ; а когда священникъ отказался исполнить ихъ приказаніе, они настоятельно требовали, чтобы онъ подписалъ актъ присоединенія Волыни къ Польшѣ. Но и здѣсь священникъ не палъ духомъ, и какъ вѣрный служитель олтаря, не смотря на всѣ угрозы, рѣшительно во всемъ отказался исполнить требованія инсургентовъ. Видя непреклонность отца Павла, поляки не рѣшились исполнить надъ нимъ свои угрозы и отпустили его. Другой случай былъ въ селеніи Вишневѣ, того же владимірскаго уѣзда. Священникъ села Вишнева Ѳедоръ Ясіевичъ узналъ о близости инсургентовъ, перешедшихъ чрезъ Бугъ, и зная, что войскъ нашихъ нѣтъ вблизи, собралъ крестьянъ и совѣтовалъ имъ не слушать никакихъ льстивыхъ обѣщаній инсургентовъ, оставаться вѣрными сынами Россіи, и не страшась никакихъ силъ непріятельскихъ, въ случаѣ надобности, стать вмѣстѣ съ нимъ и доказать врагамъ и міру, что Волынь всегда была и есть Русь православная и что духъ отцевъ ихъ, ополчившихся нѣкогда за вѣру и отечество, и нынѣ живетъ въ нихъ. Ободрились павшіе немного духомъ крестьяне и смѣло стали ожидать къ себѣ инсургентовъ, чтобы дружною аттакой сломить ихъ. Однако инсургенты, узнавъ о произшедшемъ въ селѣ, не рѣшились идти туда и вернулись снова за Бугъ, чрезъ помѣщичьи лѣса. Съ 27 же апрѣля и по 30, крестьяне житомірскаго уѣзда показали своими дѣйствіями, можетъ ли быть Волынь Польшей. Они пустились на поиски и представили въ Житоміръ болѣе 230 человѣкъ инсургентовъ съ оружіемъ и безъ оружія, нѣсколько лошадей съ сѣдлами, порохъ, пули и пики. При этихъ поискахъ убиты инсургентами, двое крестьянъ и одинъ тяжело раненъ пикой. (Кіевск. Телегр.)

—**Вильно. Инструкція для устройства военно-гражданскаго управленія въ уѣздахъ виленской, ковенской, гродненской, минской, витебской и могилевской губерній.**—1). Во всѣхъ городахъ сихъ губерній привести немедленно въ исполненіе правила военнаго положенія, объявленные въ указѣ правительствующаго сената 9-го августа 1861 года. Исполненіе по нимъ должно быть безъ

малѣйшаго послабленія, что возлагается на строгую отвѣтственность военныхъ и гражданскихъ начальниковъ.

2). Учредить въ каждомъ уѣздѣ строгое военно-полицейское управленіе. Главные начальники войскъ, по соглашенію съ начальниками губерній, обязаны немедленно назначить военныхъ уѣздныхъ начальниковъ, извѣстныхъ своею дѣятельностію и распорядительностію и преимущественно изъ штабъ-офицеровъ, командующихъ въ той мѣстности войсками, а тамъ, гдѣ они уже назначены и оказались недостаточно распорядительными, немедленно избрать другихъ. Военнымъ уѣзднымъ начальникамъ подчиняются всѣ войска, въ ихъ уѣздахъ постоянно находящіяся *), и всѣ гражданскія власти. Исправники, становые пристава, городничіе и всѣ вообще чины полиціи, должны состоять въ непосредственной ихъ зависимости. Въ такой же ихъ зависимости и подчиненіи состоятъ всѣ безъ исключенія помѣщики, дворяне, духовенство, шляхта, однодворцы и все сельское и городское населеніе безъ различія званій и состояній. Уѣзднымъ начальникамъ поручается принять подъ свое покровительство всѣхъ вѣрныхъ и преданныхъ ГОСУДАРЮ и правительству жителей, въ особенности крестьянское населеніе, оградить его, чрезъ содѣйствіе военной силы, отъ покушенія мятежниковъ и устроивъ для того изъ самихъ крестьянъ, сельскіе караулы, какъ ниже сказано.

Примѣчаніе. Всѣмъ обывателямъ въ уѣздахъ и городахъ должно составить и постоянно содержать въ исправности вѣрные списки, въ видѣ уѣздной обывательской книги, съ отмѣткою ихъ занятій и благонадежности и за всѣми имѣть строгое наблюденіе.

Сельское крестьянское населеніе въ обывательскія книги не вносить, но въ книгахъ прописать только числительность такого населенія по обществамъ.

3) Военные уѣздные начальники учреждаютъ постепенное строгое военно-полицейское управленіе и въ станахъ каждаго уѣзда, поручая оное благонадежнымъ военнымъ или гражданскимъ чинамъ, примѣняясь, по возможности, къ разосланнымъ уже прежде, при семъ прилагаемымъ правиламъ, или же предоставляя оное

*) Въ распоряженіе ихъ назначается главнымъ военнымъ начальствомъ постоянная часть пѣхоты, а гдѣ нужно и кавалеріи.

благонадежнымъ становымъ приставамъ, на общемъ основанiи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ уѣзда, гдѣ окажется удобнымъ, должна быть немедленно по указанiю правилъ, разосланныхъ начальникамъ губернiй, образована сельская стража, собственно для огражденiя сельскихъ жителей отъ грабежа и неистовствъ, дѣлаемыхъ мятежными шайками. Военные уѣздные начальники должны всемѣрно заботиться, чтобы сильною администрацiею, съ содѣйствiемъ сельской стражи, а въ нужныхъ случаяхъ съ пособiемъ войскъ, немедленно было прекращаемо всякое, даже малѣйшее покушенiе къ мятежу и нарушители порядка и спокойствiя были взяты подъ стражу и переданы куда слѣдуетъ, для сужденiя по всей строгости военныхъ законовъ.

4) Военные начальники, для лучшаго удержанiя порядка во ввѣренныхъ имъ уѣздахъ, немедленно распоряжаются, чтобы по всѣмъ дорогамъ, въ селенiяхъ и при корчмахъ были учреждены обывательскiе караулы, а гдѣ нужно и конные разъѣзды. Караулы и разъѣзды сiи обязаны наблюдать за всѣми проходящими и проѣзжающими и не давать никому пропуска безъ вида или билета, даннаго начальникомъ уѣзда или стана. Эти же караулы особенно должны смотрѣть, чтобы не были пропускаемы лица подозрительныя и участвующiя въ мятежѣ, какого бы званiя они ни были. Всѣхъ такихъ брать подъ стражу и доставлять военнымъ начальникамъ. Это, впрочемъ, не относится до тѣхъ изъ обывателей ближайшей къ карауламъ мѣстности, которые извѣстны своею благонадежностью. Никто, однакожъ, не долженъ уклоняться отъ явки на караулахъ, если будетъ остановленъ.

5) Военные уѣздные начальники, вмѣстѣ съ учрежденiемъ строгаго военно—полицейскаго управленiя, должны, не оставаясь въ бездѣйствiи въ городахъ, постоянно, съ нѣкоторою частью находящихся въ ихъ распоряженiи войскъ, очищать уѣзды отъ бродящихъ мятежныхъ скопищъ и съ содѣйствiемъ сельскихъ карауловъ, ограждать сельское населенiе отъ насилiя мятежниковъ, постоянно заботясь, чтобы, ни въ какомъ случаѣ, не могли вновь образоваться мятежныя скопища и чтобы властъ Правительства была вполнѣ возстановлена и удержана на всемъ пространствѣ уѣзда.

6) Военные Уѣздные Начальники, для строгаго водворенія тишины и спокойствія въ уѣздѣ, должны немедленно обезоружить въ городахъ и уѣздахъ всѣхъ помѣщиковъ, съ ихъ прислугою, шляхту, однодворцевъ, ксендзовъ и монастыри; также всѣхъ вообще городскихъ жителей, исключая изъ поименованныхъ выше званій и сословій русскихъ и тѣхъ мѣстнаго происхожденія лицъ, за благонадежность которыхъ ручается мѣстное главное начальство. Отобранное оружіе и всѣ огнестрѣльные припасы передавать въ военное вѣдомство, для вооруженія, гдѣ нужно, сельской стражи.

7) Изъ крестьянскихъ обществъ въ селахъ и деревняхъ подвергнуть обезоруженію лишь тѣхъ, которые, по свѣдѣніямъ Начальства, не благонадежны, не дѣлая различія въ вѣроисповѣданіи: ибо, безъ сомнѣнія, большая часть крестьянъ, какъ государственныхъ, такъ и временно-обязанныхъ и не православнаго исповѣданія неизмѣнно преданы Государю и правительству и съ полнымъ самоотверженіемъ будутъ содѣйствовать къ возстановленію законнаго порядка, забирать подъ стражу въ чертѣ сельскаго ихъ общества всѣхъ участвующихъ въ мятежѣ или содѣйствующихъ оному лицъ и представлять ихъ начальству.

8) Для обезоруженія уѣздовъ и городовъ назначить кратчайшій срокъ, не далѣе трехъ дней со времени объявленія о томъ приказанія. Тѣхъ, которые не исполнятъ сего требованія въ назначенный срокъ, брать подъ стражу, какъ ослушниковъ и предавать суду.

Примѣчаніе. Повторять обезоруженіе и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ оно было уже произведено. Выданные до этого билеты на право владѣнія оружіемъ, считать не дѣйствительными и уничтожить.

9) Вмѣстѣ съ обезоруженіемъ уѣзда военные начальники должны приступить къ очищенію уѣзда отъ неблагонадежныхъ помѣщиковъ, шляхты, духовныхъ и иныхъ лицъ, болѣе или менѣе содѣйствующихъ мятежу.

Изобличенныхъ въ таковыхъ клятвопреступныхъ дѣйствіяхъ брать немедленно подъ стражу и представлять, съ надлежащими объ ихъ дѣйствіяхъ свѣдѣніями, ближайшему начальнику войскъ или начальнику губерніи, для поступленія съ ними по всей стро-

гости военныхъ законовъ. На отвѣтственность начальниковъ уѣздовъ возлагается допущеніе въ семъ важномъ дѣлѣ какого либо послабленія и лицепріятія.

10) Объявить и строго внушить всѣмъ помѣщикамъ, ихъ управителямъ или администраторамъ, завѣдывающимъ имѣніями, что на ихъ личную, строгую отвѣтственность возлагается допущеніе, въ чертѣ ихъ владѣній, образованія мятежническихъ скопищъ и заговоровъ противъ правительства, а также содѣйствія мятежу деньгами и разными припасами, а кольми паче личное въ томъ участіе ихъ самихъ или ихъ прислуги.

11) Они также отвѣтствуютъ за допущеніе въ своихъ домахъ и имѣніяхъ укрываться бродягамъ и за пристанище, даваемое мятежникамъ и вообще нарушителямъ общественнаго спокойствія.

12) Всѣмъ ксендзамъ и въ особенности приходскимъ плебанамъ въ городахъ и селахъ объявить, что за всякое содѣйствіе мятежу словомъ или дѣломъ и возбужденіе къ тому прочтеніемъ мятежныхъ прокламацій или иныя манифестаціи въ церквахъ и внѣ оныхъ, виновные будутъ немедленно взяты подъ стражу и судимы на мѣстѣ по всей строгости военныхъ законовъ. Отговорки, часто ими приносимыя, будто бы содѣйствовали мятежу по принужденію, не будутъ приняты въ уваженіе, ибо служители алтаря еще менѣе другихъ должны подчиняться симъ угрозамъ. Ихъ обязанность жертвовать собою, для умиротворенія края и обращенія каждаго къ исполненію свято долга вѣрноподданнической присяги своему Государю. Неисполняющія сего духовныя лица сугубо виновны и подлежатъ строжайшему, въ примѣръ другимъ, наказанію. Настоятели католическихъ монастырей, за допущеніе въ оныхъ какихъ бы то нибыло мятежныхъ приготовленій, также подлежатъ строгой отвѣтственности и военному суду.

13) Тѣхъ изъ обывателей, преимущественно помѣщиковъ, управителей, также настоятелей монастырей и приходскихъ плебановъ, которые примутъ какое либо участіе въ мятежѣ, будутъ распространять мятежныя воззванія и вообще содѣйствовать мятежникамъ или недонесутъ немедленно ближайшему начальству объ образующихся скопищахъ инсургентовъ, также о дѣлаемыхъ

приготовленіяхъ къ мятежу или окажутъ мятежникамъ чемъ бы то ни было пособіе или содѣйствіе, уѣздные военные начальники тотчасъ должны брать подъ стражу и представлять, для преданія военному суду. Объ этомъ объявить и обществамъ крестьянъ казенныхъ и временно-обязанныхъ, возложить на ихъ бдительное, строгое наблюденіе, чтобы не были допущены въ чертѣ сельскихъ ихъ обществъ и самыхъ фольваркахъ какіе либо мятежные съѣзды, вооруженія и вообще приготовленія къ мятежу.

Примѣчаніе. Военный судъ надъ виновными кончать безъ замедленія, на основаніи полеваго уголовнаго уложенія, и приговоръ, по предоставленной Высочайшимъ повелѣніемъ 11 мая 1863 г., начальникамъ власти, конфирмовать и приводить въ исполненіе, безъ малѣйшаго отлагательства.

14) На имѣнія и имущество всѣхъ помѣщиковъ и иныхъ лицъ, какого бы они званія ни были, которые присягали мятежникамъ или принимали какое либо участіе в мятежѣ или же способствовали только оному денежными и иными матеріальными пожертвованіями, распространяли о мятежѣ прокламаціи и вообще неблагонамѣренными и крамольными своими дѣйствіями старались ниспровергнуть правительственную власть,—налагать немедленно секвестръ, на основаніи Высочайше утвержденныхъ для того правилъ.

Примѣчаніе. Въ строгую обязанность губернаторовъ вмѣняется приводить эту мѣру въ исполненіе, не допуская ни малѣйшаго колебанія. Разнаго рода хлѣбъ находящійся въ секвестрованныхъ имѣніяхъ, употреблять тотъ часъ на продовольствіе войскъ и сельскихъ карауловъ, прочіе продукты и имущество также немедленно продавать, и вырученныя деньги, какъ и всѣ доходы съ такихъ имѣній, обращать на покрытіе расходовъ казны по укрощенію мятежа.

15) Въ уѣздахъ губерній витебской и могилевской, на которые не распространяется указъ Правительствующаго Сената 1 марта 1863 г., имѣнія подобныхъ указаннымъ въ предшествующемъ пунктѣ помѣщиковъ, также брать въ секвестръ, поручивъ оныя администраціи. За симъ въ имѣніяхъ этихъ, примѣняясь къ указу Правительствующаго Сената 27 іюня 1862 г. объ обяза-

тельномъ выкупѣ,—переводить крестьянъ, не требуя согласія помѣщика, съ издѣльной на оброкъ, который, какъ равно и всѣ прочіе доходы, отнюдь не выдавать помѣщикамъ, а хранить въ уѣздныхъ казначействахъ впредь до особаго распоряженія; въ подобныхъ имѣніяхъ, состоящихъ уже на оброкѣ, всѣ доходы отсылать также въ уѣздное казначейство.

16) Начальники полиціи въ городахъ и уѣздахъ и всѣ чины оной, какъ выше сказано, подчиняются начальнику войскъ и военно-уѣзднымъ начальникамъ, гражданскіе губернаторы должны, по соглашенію съ главнымъ начальникомъ войскъ въ губерніи, принимать строгія мѣры къ укрощенію мятежа. Словомъ, начальники войскъ и губернаторы, дѣйствуя дружно и энергически къ подавленію мятежа, должны лично наблюдать, чтобы все предписанное дѣйствительно исполнялось на мѣстѣ, безъ малѣйшаго послабленія и упущенія и чтобы не только одними сильными карательными мѣрами прекращались крамола и мятежъ, но благоразумною распорядительностію стараться предупреждать всякое покушеніе къ оному.

17) Чиновниковъ земской и градской полиціи, лѣсничихъ, лѣсную стражу и другихъ служащихъ лицъ, выказавшихъ свою неблагонадежность и болѣе или менѣе содѣйствовавшихъ мятежникамъ или уклонившихся отъ содѣйствія Правительству и войскамъ въ подавленіи мятежа, начальники уѣздовъ должны брать немедленно подъ арестъ. Начальники губерній, по надлежащемъ разслѣдованіи дѣйствій такихъ лицъ, отрѣшаютъ ихъ отъ должностей и передаютъ военному суду, какъ сугубо виновныхъ: ибо кромѣ содѣйствія мятежу они виновны и какъ клятвопреступники, дважды нарушившіе священный долгъ присяги своему Государю. Клятвопреступниками и сугубо виновными считать всѣхъ принимавшихъ участіе въ мятежѣ служащихъ лицъ безъ различія національностей, ибо различіе это не можетъ быть и не будетъ допущено: всѣ обитатели Россіи, какого бы они исповѣданія ни были— подданные одного Государя и Россіи и одинаково отвѣтсвенны за нарушеніе вѣрноподданнической присяги. На семъ основаніи всѣ служащія лица, которыя во ввѣренныхъ ихъ управленію частяхъ или мѣстностяхъ завѣдомо допустили мятежные сговоры,

вооруженія или приготовленія къ формированію мятежныхъ шаекъ, не принявъ къ предотвращенію того своевременно надлежащихъ мѣръ, или не донесли о томъ тогда же начальству, должны быть преданы суду. Отговорки ихъ въ умолчаніи объ этомъ будто бы по причинѣ родственныхъ связей или угрозъ отъ мятежниковъ, не могутъ быть приняты въ оправданіе.

18) Лѣсничіе и лѣсная стража подчиняются также военнымъ уѣзднымъ начальникамъ. Стража сія обязана очищать свои участки отъ скитающихся малыми шайками, или поодоночкѣ разсѣянныхъ бродягъ; если же покажется шайка въ значительномъ числѣ о томъ не медленно давать знать ближайшему военному начальству, а по прибытіи войскъ присоединиться къ нимъ, для рѣшительнаго истребленія мятежныхъ скопищъ. Съ тѣми офицерами и другими чинами лѣсной стражи, которые будутъ замѣчены въ недѣятельномъ исполненіи этой обязанности, поступать какъ съ соучастниками въ мятежныхъ дѣйствіяхъ и судить немедленно военнымъ судомъ. Отъ усмотрѣнія военныхъ начальниковъ будетъ зависѣть, въ случаѣ надобности, снять всю лѣсную стражу изъ лѣсовъ и присоединить къ своимъ отрядамъ.

19) Начальники губерній обязаны особенно заботиться, чтобы войска, въ губерніяхъ расположенныя, были вполнѣ и во всемъ, мѣстными средствами, обезпечены и успокоены. Въ имѣніяхъ помѣщиковъ болѣе или менѣе участвовавшихъ въ мятежѣ довольно есть средствъ къ продовольствію, которыми пользуются теперь мятежники. На имѣнія эти должны падать всѣ расходы по содержанію войскъ, дѣйствующихъ для усмиренія края; хлѣбъ, овесъ и прочіе припасы, въ оныхъ находящіеся, должны быть обращаемы немедленно на содержаніе войскъ, а лошади и повозки для устройства перевозочныхъ средствъ. Продуктамъ, взятымъ въ этихъ имѣніяхъ, начальники отрядовъ обязаны вести вѣрную отчетность.

Генералъ отъ Инфантеріи **Муравьевъ 2-й.**

24 мая, 1863 года,
г. Вильно.

— **Въ Виленскомъ Вѣстникѣ** напечатано слѣдующее письмо виленскаго военнаго губернатора, **Муравьева 2-го, къ**

виленскому римско-католическому епископу, Красинскому, отъ 26 мая:

Ваше преосвященство,

„При личномъ объясненіи моемъ съ вами, я сообщилъ вашему преосвященству указаніе на участіе, какое принимаетъ католическое духовенство въ настоящихъ смутахъ и мятежническихъ дѣйствіяхъ, происходящихъ во ввѣренномъ моему управленію краѣ; при чемъ вашему преосвященству угодно было засвидѣтельствовать мнѣ, что подчиненное паствѣ вашей духовенство пребываетъ вѣрнымъ своему долгу.

„Между тѣмъ, изъ дѣлъ, представляемыхъ ко мнѣ слѣдственными коммиссіями, я усматриваю, что, по донесеніямъ начальниковъ отрядовъ, а также по показаніямъ плѣнныхъ, самое живое и дѣятельное участіе въ возбужденіи народа къ мятежу принимаетъ здѣшнее католическое духовенство, объявляя въ костелахъ революціонные манифесты, приводя къ присягѣ вербуемыхъ мятежниками сообщниковъ, присоединяясь къ шайкамъ, въ которыхъ не разъ встрѣчались они съ нашими войсками при перестрѣлкахъ, и наконецъ предводительствуя нѣкоторыми изъ шаекъ.

„Всѣ эти обстоятельства поставили меня въ прискорбную необходимость, какъ уже извѣстно вашему преосвященству, подвергнуть по приговору военнаго суда, смертной казни двухъ ксендзовъ, обвиненныхъ въ нарушеніи долга вѣрноподданической присяги и содѣйствія къ мятежу; многіе другіе преданы также военному суду,—и съ ними поступлено будетъ со всею строгостью законовъ.

„Желая искренно имѣть возможность — не прибѣгать къ подобнымъ строгимъ мѣрамъ, въ особенности въ отношеніи лицъ духовнаго званія, я считаю долгомъ вновь обратиться къ вашему преосвященству съ убѣдительнѣйшею просьбой употребить ваше архипастырское содѣйствіе ко внушенію подвѣдомственному вамъ духовенству, чтобы оно, помня призваніе свое, возложенное на него духовнымъ саномъ, и святость вѣрноподданической присяги, оставило свои преступныя дѣйствія, и чтобы служители алтаря, которые обязаны, не страшась угрозъ, ни самой смерти, пребывать вѣрными своему долгу, старались проповѣдью и примѣромъ

своимъ, вмѣсто возбужденія народа къ преступнымъ дѣйствіямъ, вразумлять тѣхъ, которые, забывъ долгъ чести, совѣсти, и присягу, увлечены въ мятежъ, или сдѣлались его руководителями.

„Ваше преосвященство, понимая, какъ христіанинъ, сколь сильны и убѣдительны слова мира и любви въ устахъ священнослужителя, надѣюсь, не откажете, какъ архипастырь, на которомъ лежитъ прямая обязанность руководить духовенство и отвѣтственность за его поступки, въ содѣйствіи вашемъ къ обращенію духовенства на путь прямаго долга, имѣя въ виду, что въ его рукахъ заключается главное орудіе къ прекращенію пролитія крови и къ устраненію несчастныхъ обстоятельствъ, такъ давно уже волнующихъ весь край.

„Полагая, что ваше преосвященство не преминете исполнить обязанность, возложенную на васъ присягою и архипастырскимъ саномъ, и обратитесь къ подвѣдомственному вамъ духовенству съ соотвѣтственнымъ настоящимъ обстоятельствамъ внушеніемъ, я покорнѣйше прошу васъ сообщить мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени копію тѣхъ распоряженій, какія будутъ сдѣланы вами по сему предмету.

„При семъ не излишнимъ считаю препроводить вашему преосвященству, для свѣдѣнія, копію съ инструкціи, данной мною начальствующимъ лицамъ по случаю настоящихъ обстоятельствъ въ краѣ, а обращая вниманіе ваше на § 12-й *) оной, почитаю

*) 12 Всѣмъ ксендзамъ и въ особенности приходскимъ плебанамъ въ городахъ и селахъ объявить, что за всякое содѣйствіе мятежу словомъ или дѣломъ и возбужденіе къ тому прочтеніемъ прокламацій или иныя манифестаціи въ церквахъ и внѣ оныхъ, виновные будутъ немедленно взяты подъ стражу и судимы на мѣстѣ по всей строгости военныхъ законовъ. Отговорки, часто ими приносимыя, будто бы содѣйствовали мятежу по принужденію, не будутъ приняты въ уваженіе, ибо служители алтаря еще менѣе другихъ должны подчиняться симъ угрозамъ. Ихъ обязанность жертвовать собою, для умиротворенія края и обращенія каждаго къ исполненію свято долга вѣрноподданнической присяги своему Государю. Неисполняющія сего духовныя лица сугубо виновны и подлежать строжайшему, въ примѣръ другимъ, наказанію. Настоятели католическихъ монастырей, за допущеніе въ оныхъ какихъ бы то ни было мятежныхъ приготовленій, также подлежатъ строгой отвѣтственности и военному суду.

долгомъ присовокупить, что законъ, карая измѣну и нарушеніе вѣрноподданической присяги, не менѣе строгъ и къ тѣмъ, которые, будучи поставлены въ возможность предупредить преступленіе, дѣлаются, по причинѣ своего бездѣйствія, соучастниками онаго.

„Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи.

(Подписалъ): М. Муравьевъ.

(Вил. Вѣст.)

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ ВЪ X КНИЖКѢ ВѢСТНИКА.

ОТД. III.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать
106	21	играть играетъ	играетъ
107	8	Саламанкѣ,	Саламинѣ,
111	13	великодушіи мы	великодушіе, мы
115	19	Далѣе богатая	Далѣе, богатая
—	30-31	живущіе..)воспламеняемыя,	живущее...., воспламеняемое,
—	40	почитающіе	почитающее
		шикомъ	гимномъ
116	8	крупнаго числа	крупнаго чина
—	35	сочувствіи	сочувствію
117	21	натура	натуга
—	25	явившаяся	явившееся
118	12	принцомъ: что	Принцомъ—и спрашиваемъ: что
—	20	Въ объявленіи этой	Въ объясненіе этой
—	22	не объявляще	не объясняющее
120	6	сплѣтнякъ .	сплѣтняхъ.
—	18-19	угнѣтѣнія	угнетенія
122	41	..Да Россія	.Да, Россія
123	1	будьто бы	будто—бы
—	45	герцеговинцовъ	герцеговинцовъ

ОТДѢЛЪ IV.

227	11	жаркое	зоркое.

СОДЕРЖАНІЕ X КН. ВѢСТНИКА.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.